

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

№ 1 (7) • 2012

COMPARATIVE POLITICS

СВИДЕТЕЛЬСТВО о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38335 от 8 декабря 2009 г.

Главный редактор
А.Д. Воскресенский

Заместитель главного редактора
О.В. Гаман-Голутвина

Ответственный секретарь
Е.В. Колдунова

**Редакционная коллегия
номера**

А.Д. Воскресенский
О.В. Гаман-Голутвина
В.В. Греб
А.М. Миграян
Е.В. Колдунова (выпускающий редактор)
О.Г. Харитонов (выпускающий редактор)

Редакционный совет

Т.А. Алексеева
В.Я. Белокреницкий
В.В. Греб
В.И. Журавлева
М.В. Ильин
Е.В. Колдунова
В.Г. Ледаев
М.М. Лебедева
В.В. Михеев
О.В. Павленко
Е.В. Попов
В.Д. Соловей
Л.В. Сморгун
М.В. Стрежнева
Д.В. Стрельцов
Т.А. Шаклеина
А.Ю. Шутов
И.Н. Тимофеев

Международный консультационный совет

Ayşe Ditrîhs (Университет Анкары)
Akihiro Iwashita (Университет Хоккайдо)
Zhao Huasheng (Фуданьский университет)
Klaus Segbers
(Свободный университет Берлина)
Anne de Tanguy (Сянц По)
Werner Vâth
(Свободный университет Берлина)
Yu-Shan Wu
(Институт политологии, Academia Sinica)
Alexander Zhebit
(Федеральный университет Рио-де-Жанейро)
Charles E. Ziegler
(Университет Луисвилла)
А. Файзуллаев
(Университет мировой экономики
и дипломатии Узбекистана)

Учредитель:
Издательская группа «Юрист»

Главный редактор
Издательской группы «Юрист»:
Греб В.В.

Редакция:
Бочарова М.А.,
Хасанова Г.И.

Центр подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, г. Москва, Космодамианская
наб., д. 26/55, стр. 7
Тел. (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru
Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая
группа». Тел. (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Физ.печ.л. — 10,0.
Усл. печ. л. — 10,0.
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная.
Номер подписан в печать: 20.02.2012 г.
ISSN — 2221-3279
© Воскресенский А.Д., 2012
© Сравнительная политика, 2012
© Издательская группа «Юрист», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Чарльз Зиглер. Сравнительный анализ восприятий суверенитета в США, Китае и России.....	3
Charles Ziegler. Contrasting U.S., Chinese and Russian Perceptions of Sovereignty.....	14
Ли Син. Усиление роли G20: трансформация мирового порядка и внешняя политика Китая	23

ДЕМОКРАТИЯ В РОССИЙСКОМ ЗЕРКАЛЕ

Интервью главного редактора журнала «Сравнительная политика» А.Д. Воскресенского с директором Института демократии и сотрудничества (Нью-Йорк) А.М. Миграняном	27
Адам Пшеворски. Демократия в российском зеркале. Предисловие к книге	33
Adam Przeworski. Really existing democracies: democracy in a Russian mirror.....	41

ВОСТОК И ПОЛИТИКА В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В.М. Апатов. Лингвистический и политологический анализ: сравнительные аспекты	47
Л.Б. Алаев. Две новейшие концепции истории Востока и мира (О.Е. Непомнин versus Л.С. Васильев)	67
С.И. Лунев. Политическая мысль и модернизация на Востоке	83
А.Д. Воскресенский. Социальные порядки и политический анализ региональных процессов	96

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

В.Д. Соловей. Мифы о России vs реальность	110
---	-----

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Е.Ю. Мелешкина. Государственная состоятельность постсоветских территориальных политий	118
Е.В. Колдунова. Сфера информационных технологий в странах Восточной Азии как фактор экономического развития и модернизации: сравнительный анализ государственных стратегий	133
Научная жизнь	140
Обзоры и рецензии	141
На книжной полке	142
Аннотации статей	145
Партнеры журнала «Сравнительная политика»	152
MGIMO-University. School of Political Affairs and World Politics	152
MGIMO-University Master's Degree in Political Science "Politics and Economics in Eurasia"	155
MGIMO-University Master's Degree in Regional Studies "Politics and Economics of World Regions"	156
MGIMO-University Master's Degree in International Relations "International Politics and Transnational Business"	165
Об авторах	167
Информация для авторов	168

РАЗЛИЧИЯ В ВОСПРИЯТИИ СУВЕРЕНИТЕТА США, КИТАЕМ И РОССИЕЙ*

Чарльз Зиглер

В рамках теории реализма принято утверждать, что политические интересы России, Китая и США противоречат друг другу. Действительно, на протяжении практически всего первого десятилетия XXI в. Россия и Китай стремились уравновесить возросшее влияние Америки. Однако у трех рассматриваемых государств есть также ряд общих интересов, в том числе в области борьбы с терроризмом, поддержания стабильности в горячих точках, управления глобальными процессами в целях экономического развития и модернизации, а также противодействия новым глобальным угрозам: экологическим катастрофам, эпидемиям и наркобизнесу. Многие ученые и часть политиков доказывают, что общие интересы в указанных областях и необходимость объединить усилия ради общей безопасности важнее, чем вопросы баланса мощи (власти), для международных отношений¹.

В современном мире, подверженном стремительным изменениям и глобализационным процессам, для решения возникающих беспрецедентных задач требуются совершенно новые механизмы государственной власти. Однако часто взгляды выдающихся современных ученых и политиков все еще основываются на концепциях, выработанных в XIX в. К одной из таких концепций, продолжающих влиять на международные отношения, принадлежит понятие «суверенитет» и связанный с ним принцип территориальной целостности. При этом интерпретации суверенитета меняются в зависимости от того, что наиболее полно отвечает предполагаемым национальным интересам той или иной страны. Три наиболее влиятельных государства современного мира, Россия, Китай и США, стремятся сохранить

свою независимость в решении внутривнутриполитических вопросов и максимально свободно действовать на международной арене. Исходя из этого, они неохотно уступают различным влияниям, как исходящим от международных организаций и транснациональных корпораций, так и вызванным неизбежными процессами, сопутствующими глобализации.

Основная цель данного исследования — доказать, что понимание суверенитета Россией, Китаем и США претерпевает изменения, хотя в рамках философии реализма оно представляется неизменным. Согласно реализму постулируется, что все государства, вне зависимости от их размеров, экономического и военного потенциала, в равной мере обладают суверенной властью в пределах своих государственных границ и правом независимо взаимодействовать с другими членами мирового сообщества². Мы, напротив, полагаем, что в понимании государствами суверенитета существуют значительные различия, ведущие к формированию атмосферы непонимания и росту напряженности в мире. В этой связи нам представляется более уместным подход, сформировавшийся в рамках философии конструктивизма. Данный подход уделяет особое внимание своеобразию и бытующим в государстве нормам и признает влияние внутренней политики на указанные нормы, поэтому он позволяет объяснить различия в понимании суверенитета в разных странах.

Понятие суверенитета разрабатывалось преимущественно в Европе на протяжении нескольких сотен лет³. Хотя суверенитет признается важнейшим понятием в международных отношениях, в

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

разных странах его трактуют по-разному, что обусловлено особенностями национальных ценностей и исторического опыта. Так, политические элиты России и Китая склонны считать, что залог сохранения суверенитета в том виде, в котором его предполагает Вестфальская система международных отношений, Вестфальского суверенитета, — сильная центральная власть, в то время как на основе своего исторического опыта США сформировали идеал децентрализованного управления⁴. Мы вслед за Стивеном Краснером понимаем под Вестфальским суверенитетом исключительное право государства на формирование своей внутренней политики и полное невмешательство каких бы то ни было внешних по отношению к нему властных структур в процесс принятия решений по внутриполитическим вопросам⁵. Кроме этого определения, для нашего исследования важны также два типа суверенитета, выделяемые С. Краснером: внутренний суверенитет и суверенитет взаимозависимости. Внутренний суверенитет касается способа организации власти в государстве и эффективного управления его территории. Суверенитет взаимозависимости подразумевает контроль над трансграничными перемещениями, потенциально разрушаемый в связи с глобализацией. Три сверхдержавы равно остро воспринимают угрозы своему суверенитету во всех трех формах (Вестфальскому, внутреннему и внешнему), однако реагируют на предполагаемые внешние вмешательства по-разному. Более того, системы реагирования на внешнее вмешательство продолжают развиваться, что затрудняет их анализ. Ниже мы постараемся рассмотреть самые распространенные в каждой из трех стран позиции по вопросу суверенитета.

**Различия в понимании суверенитета
Россия**

Одной из задач, поставленных Владимиром Путиным в рамках плана по

восстановлению России в статусе великой державы, был отказ от хаотической децентрализованной формы правления, которая была характерна для России при президенте Б. Ельцине, и возврат к сильной централизованной власти. Зародившаяся в 1990-х гг. система делегирования власти субъектам федерации была признана опасной для России в целом и ее внутреннего суверенитета, так как при ней страна подверглась влиянию иностранных компаний и неправительственных организаций (НПО), а также угрозе терроризма. Слабая центральная власть привела к беззащитности страны перед лицом зарубежных политических влияний, выразившихся в программах демократизации страны и создания гражданского общества. Во времена Б. Ельцина Российская Федерация нередко поступалась внутренним суверенитетом ради сохранения территориальной целостности, Москва делегировала власть субъектам, в результате чего сформировалась система крайне децентрализованного неоднородного федерализма (возможно, точнее было бы сказать — феодализма). В. Путин предпринял попытку восстановить суверенную власть Москвы. С этой целью он создал институт назначаемых полномочных представителей в федеральных округах, упразднил выборы губернаторов, отменил договоренности, подписанные правительством Б. Ельцина с регионами, ослабил Совет Федерации и ограничил деятельность иностранных НПО в России.

Влияние извне на понимание суверенитета Россией оказали события в Европе в середине — конце 1990-х гг. Расширение НАТО на восток вопреки возражениям Российской Федерации и поддержка, оказанная Альянсом Боснии и особенно Косово, в том числе бомбардировка Сербии в 1999 г., с очевидностью показали, что Вашингтон и его союзники понимают суверенитет совершенно иначе, чем Москва или Пекин.

В ответ в апреле 1997 г. в Москве была принята Совместная декларация Китайской Народной Республики и Российской Федерации о международном порядке в XXI в. В этом документе подчеркивается важность суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутреннюю политику, а также утверждается равенство всех стран в указанных вопросах⁶. В то время как Запад выражал осуждение зверств сербов по отношению к косовским албанцам, позиция России по конфликту в Косово заключалась в признании его частью гражданской войны в Югославии. Таким образом, конфликт признавался вопросом внутренней политики, в котором ни одна из сторон не может быть признана «правой» или «виноватой»⁷. Ситуация рассматривалась по аналогии с конфликтом в Чечне: Армия освобождения Косово считалась террористической организацией с теми же целями и методами, что и у чеченских боевиков.

Общепринято считать, что защита суверенитета является задачей государства с его политическими, экономическими и военными ресурсами. Формально все страны в этом отношении равны, однако в действительности, как и в мире, описанном Дж. Оруэллом, некоторые страны равнее других. После восстановления Россией статуса великой державы президент Д. Медведев заявил о существовании «регионов, в которых находятся привилегированные интересы» на границах страны, т.е. в государствах, которые получили суверенитет после распада СССР⁸. События в пограничных странах, ярким примером которых являются «цветные революции», могут поставить под угрозу суверенитет России.

В последнее время президент Медведев и — в меньшей степени — премьер-министр Путин признали, что интеграция России в мировое сообщество необходима для модернизации страны, однако глобализация несет в себе угрозы ее суверенитету взаимозависимости.

Международный обмен товарами, информацией, трудовыми ресурсами и технологиями способствует экономическому развитию, но одновременно ведет к постепенной потере контроля центральным правительством над границами страны. В 1990-х гг. Россия испытала наплыв не только зарубежных товаров, но и ценностей и норм, религиозных и неправительственных организаций, которые в значительной части были незнакомы населению и воспринимались настороженно. Открытие границ совпало с периодом ослабления центральной власти. Это укрепило распространенное мнение о том, что оба указанных шага вели к утрате государственного суверенитета⁹.

Разработка философии «суверенной демократии» Владислава Суркова, как и попытки В. Путина ограничить влияние зарубежных компаний, правительств, НПО в российском обществе могут трактоваться как деятельность по укреплению как внутреннего, так и Вестфальского суверенитета¹⁰. Концепция суверенной демократии возникла, согласно российским исследователям, в ответ на угрозу возникновения мирового неокOLONиализма в форме гегемонии Соединенных Штатов Америки. В основу концепции легла важная идея Вестфальской системы — идея суверенного равенства всех государств¹¹. Европоцентристская Вестфальская система, которой уже исполнилось 300 лет, становится основой миропорядка. Стоит ее основаниям, и в первую очередь суверенитету, покачнуться, и международная политика превратится в игру без правил, а взаимоотношения стран станут непредсказуемыми и нестабильными¹².

Россия традиционно является одним из наиболее влиятельных государств в Европе и мире, и русских возмущают попытки Запада диктовать им законы демократического общества. В работах целого ряда ведущих российских ученых доказывается, что демократия — явление

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

национально-специфичное и культурно обусловленное и формировать демократическое общество в каждом отдельном случае следует на основе национальных правовых и социальных устоев той или иной страны¹³. Таким образом, поддержка «демократических сил» в России и соседствующих с ней странах из-за рубежа трактуется, наравне с расширением НАТО на восток и противодействием усилиям Москвы по интеграции постсоветского пространства, как часть плана Запада по ослаблению России¹⁴. США, наиболее влиятельный игрок на мировой арене, представляются угрозой международной безопасности, так как они «уже не считают национальный суверенитет и государственные границы помехой для интервенции, если на кону стоит региональная и международная безопасность». Однако «принцип национального суверенитета остается приоритетным для многих стран, в том числе России, которые не хотят стать объектом так называемой «гуманитарной интервенции» со стороны НАТО или кого-либо еще»¹⁵.

Китай

Принятая в последние годы в Китае модель авторитарной модернизации вызвала необходимость перемен в связи с возникшими угрозами стабильности в стране и возможностью потери Пекином контроля над провинциями. Международное давление в области соблюдения прав человека воспринимается как угроза суверенитету и территориальной целостности Китая — Пекин считает эти два принципа «игрой с нулевой суммой» и опасается всплеска сепаратизма на Тайване, Тибете и в Синьцзяне¹⁶. Оказавшись свидетелями распада Советского Союза при Михаиле Горбачеве и экономического коллапса при Б. Ельцине, руководство Китая убедились в необходимости сильной политической власти Коммунистической партии Китая¹⁷. В то время как эконо-

мические реформы привели к переходу части финансовой и административной власти на местный уровень, за Пекином сохранилась обязанность не допустить распада страны, аналогичного произошедшему в Югославии и СССР, и поддерживать внутреннюю стабильность. В результате была разработана модель, сочетающая экономическую децентрализацию с вертикальной иерархией и сохранением государственного контроля¹⁸. Подобная однопартийная система может способствовать злоупотреблениям властью и коррупции на местах, но она гарантирует сохранение внутреннего суверенитета. Так же ревностно Пекин относится к своему Вестфальскому суверенитету, что проявляется в неприятии любой внешней критики относительно вопросов прав человека в Китае как вмешательства во внутренние дела страны.

Аллен Карлсон справедливо заметил, что суверенитет «...лежит в основе развития отношений современного Китая с остальным миром»¹⁹. Китай все более вовлечен в международную деятельность, и понимает важность участия в международных организациях, но это участие (как, например, в форумах по вопросам прав человека или ВТО) ограничено везде, где оно связано с вопросами внутреннего суверенитета. Председатель КНР Ху Цзиньтао подчеркивает, что цель дипломатии — способствовать экономическому развитию, охранять национальный суверенитет и государственную безопасность и поддерживать стабильность²⁰. Заявляя о важности международного законодательства и ООН, Пекин выборочно трактует их положения о суверенитете. На международных форумах, например, Шанхайской организации сотрудничества, Китай выступает в защиту своего понимания суверенитета, приравнивая сепаратизм к терроризму и экстремизму. Понятие «самоопределения» Пекин использует исключительно в узком смысле, в отношении бывших колониальных

народов, но не в отношении очагов сепаратизма внутри суверенных государств. В то же время активная интеграция в мировую экономику вынудила Китай пойти на некоторые уступки в вопросах суверенитета взаимозависимости, например, ради вступления в МВФ, Всемирный банк и ВТО.

Экономические и политические позиции Китая претерпевают активные изменения, в связи с чем на суверенную политику оказывается разнонаправленное влияние. Например, при обсуждении вопроса недавнего восстания в Ливии, Китай (как и Россия) воздержался при голосовании по резолюции Совета Безопасности ООН № 1973, устанавливающей запрет на полеты над страной. Ли Баодун, постоянный представитель Китая в ООН, подчеркнул, что Китай выступает за буквальное понимание резолюции, и заявил, что мировое сообщество «...должно придерживаться принципов объективности и нейтралитета, и в полной мере уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность обсуждаемой страны. Не должно предприниматься никаких попыток смены режима или вмешательства в гражданскую войну»²¹. Представитель КНР также озвучил обеспокоенность правительства Китая вопросами безопасности гражданских лиц и собственности в случае вооруженной интервенции. Однако такое внимание к гуманитарным вопросам могло быть обусловлено национальной заинтересованностью: на момент начала интервенции в Ливии находилось 30 000 этнических китайцев, а инвестиции из страны в пятьдесят наиболее крупных ливийских проектов составили около 18,8 млрд долл. США²².

С ростом своего могущества Китай берет на себя все больше международных обязательств. Его позиция по возникающим международным нормам тоже постепенно меняется, что, в свою очередь, уже начало расшатывать идею абсолютного суверенитета. При этом ра-

стущая мощь Китая и его гибкость дают стране инструменты для влияния на региональную и мировую политику. За последние два десятилетия изменилась позиция Китая по вопросам прав человека, что подтверждается реакцией Пекина на давление в области деловых взаимоотношений с Суданом, а также на гуманитарную катастрофу в Дарфуре²³. Пекин также проявляет большую гибкость во внешней политике, например, расширяя свое участие в миротворческих операциях ООН. Однако активная и гибкая позиция по вопросам гуманитарного вмешательства и международных миротворческих операций не привела к значительным изменениям во взглядах на государственный суверенитет и невмешательство во внутреннюю политику²⁴. Пекин, как и прежде, считает неприемлемыми действия отдельных государств и региональных организаций, нарушающие государственный суверенитет. Все подобные меры могут быть признаны правомерными только после их одобрения Организацией Объединенных Наций.

Несмотря на твердую позицию Китая относительно неизменности понятия суверенитета, часть внешнеполитических деятелей страны признает, что национальные интересы Китая диктуют более гибкую его трактовку. В работе Аллена Карлсона показано, что жесткость озвучиваемой позиции не означает жесткого следования ей на практике, особенно в области международной миротворческой деятельности и многосторонней интервенции²⁵. Понятие Поднебесной и азиатско-тихоокеанские международные отношения отражают новый уровень взаимоотношений в регионе и говорят о возможности создания новых норм, не основанных на европейской идее суверенитета²⁶. Вкратце, новое азиатское мышление предполагает, что мировой порядок вот уже триста лет строится на основе исторического опыта Европы, но рост могущества АТР (в частности, Ки-

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

тая) может быть предвестником нового порядка, основанного на других принципах. Возможно, эти новые принципы, рожденные в культурном контексте Азии, разрешат противоречия, связанные с суверенитетом, территориальной целостностью, правами человека и гуманитарной интервенцией, иными словами, те проблемы, которые создают напряженность во взаимоотношениях трех сверхдержав.

США

Соединенные Штаты Америки тоже крайне чувствительны к возможным посягательствам на собственный суверенитет. Однако, в отличие от России и Китая, США гораздо более терпимо относятся к децентрализации власти, даже приветствуют ее. Исторически целый ряд политических сил стремился ослабить Вашингтон в пользу правительств отдельных штатов. Отсутствие сильного центра внутри страны ведет, по нашему мнению, к тому, что американцев проще, чем русских и китайцев, убедить, что центральное правительство в других странах полно недостатков и в случае злоупотреблений может быть лишено суверенной власти над народом. Таким образом, для Америки характерен идеал децентрализованной власти и суверенитета общества, в то время как для России и Китая — идеал сильного центра и государственного суверенитета, подкрепленный распадом трех коммунистических федераций, отказавшихся от этого идеала.

После окончания холодной войны американские политологи, изучающие вопросы суверенитета, разделились на два лагеря. Первый и наиболее влиятельный из них представляет собой неожиданную «коалицию» либеральных интернационалистов и неоконсерваторов. Оба упомянутых течения разделяют обновленную концепцию Вестфальского суверенитета, в которой подчеркивается центральное место США в мировой

политике и их активная роль на международной арене. При этом представители рассматриваемых течений исходят из разных принципов. Либеральные интернационалисты, в том числе ведущие сотрудники администраций президентов Клинтона и Обамы (Мадлен Олбрайт, Альберт Гор, Хиллари Клинтон, Майкл Макфол), утверждают, что США должны использовать свои силы для защиты прав человека и демократии в соответствии с принципом «обязанности защищать». Однако при этом США по возможности должны прибегать к дипломатии прежде, чем переходить к военным действиям, и работать в рамках международных организаций, таких как ООН. Напротив, неоконсерваторы из администрации Дж. Буша (Пол Вулфовиц, Роберт Каган, Норман Подгорец и другие) ратовали за использование военной мощи Америки, чтобы способствовать демократизации путем смены политических режимов. При этом они отказывались от сотрудничества с международными организациями, ссылаясь — в лучшем случае — на их низкую эффективность, а часто — на то, что они ограничивают свободу действий США²⁷. Таким образом, оба направления выдвигают более ограниченное понимание суверенитета, однако только в отношении всех стран, кроме США.

Есть еще одно развитое, но менее влиятельное направление. Его сторонники настаивают на ограничении сферы деятельности США, стремятся умерить использование их власти и отказаться от смены политических режимов и продвижения демократии за рубежом. В течение входят две группы: сторонники изоляционизма и реализма, склонные к более традиционным взглядам на суверенитет. Изоляционисты (в том числе Рон Пол, Патрик Бьюкенен и Тед Гален Карпентер из известного свободомыслием Института Катона) призывают сократить присутствие США в других странах и связанные с этим расходы,

а также отказаться от участия в международных организациях, которые могли бы ограничить свободу действий Америки. Приверженцы реализма (например, советники Дж. Буша-младшего по вопросам внешней политики и ученые, в том числе Генри Киссинджер и Джон Миршаймер) считают, что гуманитарные интервенции, продвижение демократии и смена политических режимов не входят в национальные интересы США. Гуманитарные акции и программы демократизации, предпринимаемые либеральными интернационалистами и неоконсерваторами, истощают ресурсы страны и отвлекают внимание от наиболее острых угроз национальной безопасности, в первую очередь — роста могущества стран Азии. Более умеренное использование военного потенциала, особенно в форме уравнивания зарубежных сил, поможет сосредоточить усилия на борьбе с серьезными угрозами, уменьшить бюджетные расходы и избежать роста антиамериканских настроений²⁸.

Одно из основных отличий американской внешней политики от русской и китайской заключается в ведущей роли законодательной власти. Хотя Конгресс США часто передает полномочия исполнительной власти, особенно в вопросах внешней политики, члены Сената и палаты представителей регулярно используют внешнеполитическую полемику для «игры на публику» и завоевания доверия избирателей. В целом Конгресс придерживается в области суверенитета того мнения, что нельзя допускать какого то ни было вмешательства во внутренние дела США, оставляя при этом за Вашингтоном право беспрепятственно действовать по всему миру. Так, в черновом варианте Закона о национальной обороне на 2011–2012 гг. сказано, что США находятся в состоянии войны с негосударственными организациями, такими как «Аль-Каида» и «Талибан». В нем президенту дается за-

конное право преследовать террористические группировки и любые государства, предоставляющие им приют (как в случае операции по устранению Усамы бен Ладена). Гражданско-правовые организации в США высказывают опасения, что такой закон приведет к тяжким военным конфликтам, но не замечают, что он оправдывает нарушения суверенитета других стран по решению президента²⁹.

Обобщая вышесказанное, американские либеральные интернационалисты и неоконсерваторы в целом стремятся отказаться от традиционного понимания суверенитета с целью защиты населения, продвижения демократии, преследования террористов и обеспечения гегемонии США. В отличие от неоконсерваторов, либеральные интернационалисты считают основанием для вмешательства гуманитарные критерии «обязанности защищать» ООН: геноцид, военные преступления, преступления против человечности и этнические чистки. Неоконсерваторы видят мало пользы (и много вреда) в многосторонних организациях, подобных ООН, и оправдывают односторонние действия США вопросами безопасности. Приверженцы реализма и изоляционизма предпочитают традиционные формы суверенитета как соответствующие национальным интересам Америки, но их влияние на внешнюю политику США гораздо меньше.

Угрозы безопасности и «обязанность защищать»

Одно из основных различий между сверхдержавами состоит в том, что важнейшие угрозы безопасности России и Китая исходят от сепаратистов и «местных» террористов, т.е. изнутри. Как следствие, Москва и Пекин особенно остро относятся к международным нормам (например, защите прав человека) и деятельности (например, гуманитарным интервенциям), кото-

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

рые могут ограничить их возможности в поддержании стабильности и борьбе с внутренними угрозами безопасности. С такой точки зрения суверенитет обеспечивает свободу действий внутри страны и препятствует влиянию и активному участию других стран и организаций (например, США или НАТО) во внутренних делах. Кроме того, в случае с Китаем и Россией под прикрытием внутреннего суверенитета сохраняется недемократический режим. Это ведет к столкновению ценностей указанных стран и США, и Запада в целом (хотя российская модель ближе к европейской и потому вызывает меньшее непонимание, чем китайская).

США, напротив, стремятся к максимальной свободе действий вне страны для борьбы с террористическими угрозами (например, «Аль-Каидой»). Это может подразумевать нарушение суверенитета других стран, как это случилось в 2011 г. в ходе операции по устранению Усамы бен Ладена, когда США предпочли не получать разрешение от правительства Пакистана на проведение операции на территории страны, и даже не проинформировали его заранее. Подобные аргументы применялись и в Афганистане в 2001 г., и в Ираке в 2003 г. Более того, возможности США по проведению операций, предполагающих нарушение суверенитета (в целях устранения террористов или защиты населения, как в случае с Ливией), значительно превосходят возможности других стран. В этом контексте суверенитет — не теоретически присущее равно всем государствам право, а скорее изменчивая концепция, зависящая от соотношения сил соответствующих стран. Государства могут выступать в поддержку суверенного равенства, но в действительности наиболее могущественные из них склонны принимать те элементы суверенитета, которые соответствуют их национальным интересам, и отмечать те, которые ограничивают их свободу

на международной арене. Концепция суверенитета применяется выборочно в зависимости от того, насколько та или иная ситуация угрожает национальной безопасности, нарушает гуманитарные принципы или оказывается политически благоприятной. Как утверждал С. Краснер, суверенитет — не столько набор жестких принципов, сколько свободных договоренностей, которые наиболее сильные государства часто обходят³⁰. Хотя подобные действия ведут к обвинению в двойных стандартах, все сверхдержавы поступают именно так, опираясь на свое представление о национальных интересах.

Общее представление о подходе каждой из трех сверхдержав к вопросу суверенитета можно получить, обратившись к их позициям по концепции «обязанности защищать». Выработанная Международной комиссией по интервенциям и государственному суверенитету и позже принятая ООН на Всемирном саммите в 2005 г., концепция «обязанности защищать» утверждает, что международное сообщество может и должно реагировать на факты геноцида и других массовых зверств, включая военные преступления, преступления против человечности и этнические чистки, путем интервенции. Однако подобная интервенция должна применяться только тогда, когда все другие средства исчерпаны, а принципы суверенитета и территориальной неприкосновенности должны соблюдаться, пока это возможно³¹.

Три рассматриваемые сверхдержавы придерживаются разных позиций по поводу «обязанности защищать». Администрация президента Обамы одобрила концепцию и внесла ее в Стратегию национальной безопасности США за 2010 г. В 2009 г. Государственный департамент ввел должность Посла по особым поручениям в вопросах военных преступлений, а на следующий год Совет безопасности США учредил должность Директора по

военным преступлениям и особой жестокости³². Официальная позиция России, напротив, гласит, что защита и обеспечение прав человека является задачей государств, а международные организации и механизмы должны лишь оказывать поддержку правительствам. Российская Федерация также осуждает использование прав человека в качестве повода для вмешательства во внутренние дела государств³³. Позиция Китая близка к российской — одобряя принцип «обязанности защищать», правительство Китая подчеркивает, что именно правительства отдельных стран несут ответственность за защиту граждан, а мировое сообщество должно обеспечивать поддержку и помощь, соблюдая при этом принципы суверенитета и территориальной целостности государств³⁴.

Заключение

Сравнив понимание суверенитета сверхдержавами, как это сделано в таблице, можно лучше понять глубинные причины атмосферы напряженности по многим современным мировым проблемам. Россия и Китай рассматривают суверенитет с абсолютизирующей позиции, в основе своей принадлежащей XIX в., хотя каждая из этих стран сделала ряд уступок меняющимся нормам территориальной неприкосновенности и гуманитарной интервенции, если не на практике, то хотя бы на уровне официальных заявлений. В отличие от глобальной сферы деятельности США, интересы и возможности России и Китая носят более узкий, региональный характер, хотя рост могущества Китая может вскоре изменить статус-кво. Возможно, более важным фактом является то, что угрозы безопасности России и Китая носят характер внутреннего давления в форме сепаратизма и «местного» терроризма, в то время как основная угроза безопасности США — международный терроризм. В связи с этим Москва и Пекин наиболее ревностно защища-

ют свое право противостоять указанным угрозам без вмешательства извне. США, напротив, стремятся закрепить за собой право бороться с терроризмом и другими угрозами повсеместно; ради этого они готовы пожертвовать суверенитетом других стран. Требуя от других стран проявить понимание к описанной позиции, Соединенные Штаты продолжают считать собственный Вестфальский суверенитет нерушимым.

Те же процессы можно наблюдать и в вопросе отношения к правам человека и усилиям по распространению демократии. Политика США, основанная на идее демократического мира, считает необходимым распространение демократии с целью лишить поддержки терроризм и заменить беспокойные авторитарные государства более надежными союзниками с демократической формой правления. Россия и Китай видят в американской поддержке демократических движений (таких, как «цветные» революции и «арабская весна») предвзятое отношение к сторонам внутренних конфликтов. Это оценивается как по меньшей мере не мудрая позиция. С формальной точки зрения Москва и Пекин видят основания считать подобные действия нарушением Вестфальского (остающегося признанным международным законодательством) суверенитета путем оспаривания легитимности признанных государств и правительств, попыток подрыва существующих в них политических режимов и провоцирования нестабильности. Кроме того, хотя новые нормы, такие как концепция «обязанности защищать», обеспечили государствам большую гибкость в вопросе защиты мирных жителей, они не сформулировали ясных указаний относительно того, когда и при каких условиях интервенция приемлема. В то время как беспрецедентные глобальные угрозы должны были бы стать основой для эффективного взаимодействия сверхдержав, радикально расходящиеся взгляды на суверенитет затрудняют сотрудничество.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Таблица

Сравнение понимания суверенитета

	США	РФ	КНР
Угрозы в связи с суверенитетом	Международный терроризм	Внутренний терроризм и сепаратизм	Внутренний терроризм и сепаратизм
Внутренний суверенитет	Полный для США, частичный для других стран	Полный и нерушимый	Полный и нерушимый
Вестфальский суверенитет	Частичный (в связи с борьбой против негосударственных террористических организаций), полный для США	Полный и нерушимый	Полный и нерушимый
Суверенитет взаимозависимости	Границы контролируются частично и в разной степени	Постепенное разрушение неизбежно, но нужно его сдерживать	Постепенное разрушение неизбежно, но нужно его сдерживать

* Подготовлено для конференции «Россия и Запад: циклы и перспективы взаимодействия» Научно-образовательного форума по международным отношениям при поддержке журнала «Международные процессы» (Москва, 31.05–1.06 2011 г.).

¹ См.: Cuisimano M. Love, Beyond Sovereignty: Issues for a Global Agenda, 4th edition. Boston: Wadsworth, 2010; Booth K., Wheeler N.J. The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics. New York: Palgrave Macmillan, 2008; and Powell C. A Strategy of Partnerships // Foreign Affairs. Vol. 83. Issue 1 (January/February 2004). P. 22–34.

² Поскольку реалисты считают суверенитет само собой разумеющимся, большинство из них не говорят о нем отдельно. См.: Waltz K.N. Theory of International Politics. New York: McGraw-Hill, 1979, особенно с. 95–96. Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton, 2001 вообще не упоминает суверенитет.

³ Jackson R. Sovereignty: Evolution of an Idea. Cambridge: Polity Press, 2007.

⁴ Мы понимаем и признаем, что в каждой стране есть несколько различных течений в отношении международных отношений, и эти течения в разной степени оказывают влияние на политику соответствующих государств. В этой работе не ставилась цель описать все особенности различных школ. В наши намерения входило вычлнить доминирующую позицию по вопросам, отраженную в официальной политике государств.

⁵ Krasner S.D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999. P. 3–4.

⁶ URL: <http://www.fas.org/news/russia/1997/a52--153en.htm> (дата обращения: 23.05.2011 г.).

⁷ Headley J. Russia and the Balkans: Foreign Policy from Yeltsin to Putin. New York: Columbia University Press. P. 263–264.

⁸ Медведев назвал «пять принципов» внешней политики России // РИА «Новости». 31.08.2008. URL: <http://www.rian.ru/politics/20080831/150827264.html>. (дата обращения: 03.03.2011 г.). [Medvedev nazval piat' printsipov vneshnei politiki Rossii // RIA Novosti — 31.08.2008]

⁹ Кокошин А.А. Реальный суверенитет. М.: Европа, 2006. С. 15–17 [Kokoshin A.A. Real'nyi suverenitet. M.: Evropa, 2006. S. 15–17.]

¹⁰ Внутренний суверенитет обозначает принцип организации публичной власти в государстве и контроля над ней со стороны общества в пределах государственных границ (Krasner, p. 4). Развитие понятия «суверенной демократии» изложено в: Surkov V. Russian Political Culture: The View from Utopia // Russian Social Science Review. Vol. 49. No. 6 (November-December 2008). P. 81–97; а также: Surkov V. Nationalization of the Future: Paragraphs pro Sovereign Democracy // Russian Studies in Philosophy Vol. 47. No. 4 (Spring 2009). P. 8–21.

¹¹ См. комментарии в: Барабанов О.Н. Если Вестфаль и болен, то больной скорее жив, чем мертв // Барабанов О.Н., Фельдман Д.М. // Международные процессы. 2007. № 3. С. 106–107. [Barabanov O.N. Esli westfal' I bolen, to bol'noi skoree zhiv chem. Mertv / Barabanov O.N., Feldman D.M. // Mezhdunarodnie protsessi. 2007. № 3. S. 106–107.]

¹² См.: Лебедева М.М. Что угрожает Вестфалю? // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 1 (16). С. 117–120. [Lebedeva M.M. Chto ugrozhaet Westfalliu? // Mezhdunarodnie protsessi. 2008. T. 6. № 1 (16). S. 117–120].

- ¹³ А.А. Кокошин цитирует исследователя международных отношений А.Д. Богатурова и министра иностранных дел Сергея Лаврова. Кокошин. С. 18–19.
- ¹⁴ Кокошин А.А. Указ. соч. С. 22.
- ¹⁵ Shakleyina T., Bogaturov A. The Russian Realist School of International Relations // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 37. 2004. P. 49.
- ¹⁶ Yen C. Sovereignty, Human Rights and China's National Interest: A Non-Zero Sum Game // Foreign Policy Research Institute. February 2011. URL: <http://www.fpri.org/enotes/201102.yen.china.pdf>. (дата обращения: 23.05.2011 г.). Йен, руководитель Института международных отношений в Государственном университете политики г. Тайбэй, утверждает, что Пекин ошибается и именно защита прав человека внутри страны может помочь сохранить контроль над Тайванем.
- ¹⁷ О роли федерализма в экономическом развитии, на примере сравнения России при президенте Б. Ельцине и Китая, см.: Blanchard O., Schliefer A. Federalism with and without Political Centralization. China versus Russia, National Bureau for Economic Research. February 15, 2000.
- ¹⁸ Chien S. Economic Freedom and Political Control in Post-Mao China: A Perspective of Upward Accountability and Asymmetric Decentralization // *Asian Journal of Political Science*. Vol. 18. No. 1 (April 2010). P. 69–89.
- ¹⁹ Carlson A. *Unifying China, Integrating with the World: Securing Chinese Sovereignty in the Reform Era*. Stanford: Stanford University Press, 2005. P. 224.
- ²⁰ Chinese President urges Diplomats to Serve National Interests. 21 июля 2009. URL: <http://www.china-embassy.org/eng/zmgx/zlyjjdh/dycdh/t574517.htm>. (дата обращения: 12.05.2011 г.). Также см.: Jisi W. China's Search for a Grand Strategy // *Foreign Affairs*. Vol. 90. Issue 2 (March/April 2011). P. 68–79.
- ²¹ China Calls for Civilian Protection in Armed Action // *Xinhua*. May 11, 2011. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2011-05/11/content_12486356.htm (дата обращения: 17.05.2011 г.).
- ²² Push Factor; China's Rescue Mission to Libya // *Economist*. March 5, 2011; Chinese-Funded Enterprises have 50 Large-Scale Projects in Libya // *People's Daily Online*. March 23, 2011, URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90001/90778/90860/7328978.html> (дата обращения: 17.05.2011 г.).
- ²³ Polgreen L. China, in New Role, Presses Sudan on Darfur // *New York Times*. February 23, 2008.
- ²⁴ Wu C. Sovereignty, Human Rights, and Responsibility: Changes in China's Response to International Humanitarian Crises // *Journal of Chinese Political Science*. Vol. 15. 2010. P. 71–97; Zhongying P. China's Changing Attitude to UN Peacekeeping // *International Peacekeeping* Vol. 12. No. 1 (Spring 2005). P. 87–104.
- ²⁵ Carlson. Op.cit.
- ²⁶ См.: Carlson A. Moving Beyond Sovereignty? A Brief Consideration of Recent Changes in China's Approach to International Order and the Emergence of the tianxia Concept // *Journal of Contemporary China*. Vol. 20. No. 68 (January 2011). Pp. 89–102; а также Ikenberry G.J. and Michael Mastanduno, eds. *International Relations Theory and the Asia-Pacific*. New York: Columbia University Press, 2003.
- ²⁷ Сравнительный анализ двух школ см. в: Mearsheimer J.J. *Imperial by Design* // *The National Interest*. No. 111 (January/February 2011). P. 16–34. Джон Миршаймер называет течение либеральных интернационалистов «либеральными империалистами», считая, что они, как и неоконсерваторы, склонны к идее создания Американской империи.
- ²⁸ Джон Миршаймер выступает за уравнивание в трех стратегически важных регионах: Европе, Ближнем Востоке и Северо-Восточной Азии. См.: Mearsheimer. *Imperial by Design*. Еще по теме см. Layne C. From Preponderance to Offshore Balancing: America's Grand Strategy // *International Security*. Vol. 22. No. 1. (Summer 1997). P. 86–124; а также America's Middle East Grand Strategy after Iraq: The Moment for Offshore Balancing has Arrived // *Review of International Studies*. Vol. 36. Issue 1 (2009). P. 5–25.
- ²⁹ Johnson C. Making it Official: Hunting al-Qaida Worldwide. National Public Radio, May 23, 2011. URL: <http://www.npr.org/2011/05/23/136500471/making-it-official-hunting-al-qaida-worldwide> (дата обращения: 23.05.2011 г.).
- ³⁰ Krasner. Op. cit.
- ³¹ См.: Menon R. Pious Words, Puny Deeds: The 'International Community' and Mass Atrocities // *Ethics & International Affairs*. Vol. 23. Issue 3 (Fall 2009). P. 235–245.
- ³² International Coalition for the Responsibility to Protect website. URL: <http://www.responsibilitytoprotect.org/RtoP%20National%20level%20%283%29.pdf> (дата обращения: 23.05.2011 г.).
- ³³ Russia's Position at the 64th Session of the UN General Assembly. URL: <http://www.un.int/russia/new/MainRoot/docs/interview/pos64en.htm>. (дата обращения: 23.05.2011 г.).
- ³⁴ The Responsibility to Protect and the Protection of Civilians: Asia-Pacific in the UN Security Council, Update No. 1 (February 10, 2009). URL: http://www.responsibilitytoprotect.org/files/PoC_Update_1%5B1%5D%5B1%5D.pdf (дата обращения: 23.05.2011 г.).

CONTRASTING U.S., CHINESE AND RUSSIAN PERCEPTIONS OF SOVEREIGNTY*

Charles E. Ziegler

Traditional realist theory would assert that as great powers Russia, China and the United States should have basically conflicting interests. Indeed, during most of the first decade of the 21st century Moscow and Beijing sought to balance America's unilateral exercise of power. And yet the three countries have common interests in many areas—containing terrorism, ensuring stability in troubled regions, taking advantage of globalization to promote economic development and modernization, and dealing with the new security threats of environmental disruption, infectious diseases, and narcotics trafficking. Many analysts, and some policy-makers, argue that shared interests in addressing the new security threats and the need for cooperation clearly outweigh balance of power considerations in international relations.¹

In this rapidly changing, globalized world new mechanisms of statecraft are needed to address new and unprecedented challenges, yet in many respects prominent scholars and practitioners remain grounded in 19th century perspectives. One central principle that continues to inform and shape international relations is sovereignty and its associated principle of territorial sanctity, though the concept is frequently interpreted differently to suit perceived national interests. As great powers, Russia, China and the United States each seek to preserve sovereign control over domestic affairs and to maximize their freedom of action internationally, and so are reluctant to concede sovereign authority, whether to regional organizations, multinational firms, or the more intangible erosions of sovereignty that accompany globalization.

A central argument of this paper is that sovereignty as employed by great powers is a malleable concept, though realism takes it as

a constant. Realists assume that all states are equal in terms of their sovereign authority to manage affairs within their own borders, and to conduct business on the world stage with other powers, even though they may vary dramatically in terms of size, and economic and military capabilities.² But I suggest that it is precisely those variations in understandings of sovereignty that lead to misunderstandings and tension in the modern globalized world. For this reason, a constructivist approach that focuses on norms and identities, and which takes into account domestic influences on those norms, is more appropriate than a realist approach if we are to understand contrasting perceptions of sovereignty.

Sovereignty evolved out of the European context over the course of several hundred years.³ Although the concept dominates international politics, nations will interpret sovereignty differently depending on their distinct norms and historical experiences. Russia's and China's experiences have convinced most of the political elite that centralized power is critical in exercising Westphalian sovereignty, while the United States retains a far more decentralized view of power.⁴ Westphalian sovereignty here is defined using Stephen Krasner's approach, as exclusive control over one's internal affairs and the exclusion of any external authority structures from the state's internal decision-making processes.⁵ Also important for this discussion are Krasner's distinctions between domestic sovereignty, which refers to the formal organization of political authority within a state and the effective exercise of authority within that territory, and interdependence sovereignty, the ability of states to regulate movement across boundaries and the potential erosion of control through such developments as globalization. All three of the great powers are sensitive to infringements on

their sovereignty across the three dimensions, but each responds in different ways to perceived violations of the sovereign order. Moreover, these norms continue to evolve, making the task of analysis even more difficult. The subsequent discussion will elaborate the major strands in thinking on sovereignty among the three powers.

Variations in Sovereignty Perceptions

Russia

An essential feature of Vladimir Putin's project to restore Russia's great power status was his determination to re-centralize power in Moscow, rejecting the chaotic, decentralized form of governance that prevailed under Boris Yeltsin as weakening the state. Russia's nascent "federalism" in the 1990s was viewed as a dangerous erosion of Moscow's domestic sovereignty, opening the country to the influence of foreign firms, non-governmental organizations (NGOs), and terrorists. A weak center left the state vulnerable to foreign political influences in the form of civil society building and democracy promotion programs. Under Yeltsin, the Russian Federation effectively conceded domestic sovereignty to the constituent units in the interests of territorial integrity, leading to an extremely decentralized and asymmetric federalism (or perhaps more accurately, feudalism). By appointing regional supra-executives, suspending elections of governors, eliminating Yeltsin's treaties with the regions, emasculating the Federation Council, and restricting the activities of foreign-influenced NGOs Putin sought to restore Moscow's sovereign authority.

Externally, developments in the Europe in the mid to late 1990s impacted perceptions of sovereignty in Moscow. NATO's expansion eastward over Russian objections, and its support for Bosnia and particularly Kosovo, including bombing Serbia in 1999, made clear the United States and its allies had adopted a view of sovereignty clearly at odds with that of Moscow or Beijing. In Moscow in April 1997 Russia and China adopted a Joint Declaration on a Multipolar

World and the Establishment of a New International Order, advocating sovereignty, territorial integrity, and non-interference in internal affairs, and asserting the equality of all members of the international community.⁶ In contrast to Western condemnation of Serbian atrocities against Kosovar Albanians, the Russian position as the Kosovo conflict unfolded was that Yugoslavia's troubles were a civil war, an internal matter, and that neither side could be judged right or wrong.⁷ The situation was viewed in Moscow as comparable to Chechnya; the Kosovo Liberation Army was deemed to be a terrorist organization employing tactics and with goals similar to those of Chechen militants.

The ability to defend state sovereignty is clearly a function of the state's political, economic and military capabilities. In the global community all states may have *de jure* equality, but in Orwellian fashion some states are more equal than others. Since the restoration of Russia's great power status, Moscow has asserted the right to claim a "sphere of privileged interests" around its periphery according to President Dmitri Medvedev, in those former republics that are now sovereign states.⁸ Events along Russia's borders—witness the Color Revolutions—may negatively impact Russian sovereignty.

President Medvedev, and to a lesser extent Prime Minister Putin, have acknowledged that Russian integration into a globalized world is critical to the country's modernization, yet globalization also presents fundamental challenges to interdependence sovereignty. The international exchange of goods, information, people and technologies drives economic development, but gradually erodes central control over a nation's sovereign boundaries. Russia in the 1990s experienced an influx of liberal norms and values, along with foreign products, religious organizations, and NGOs, that were unfamiliar and largely unwelcome. Russia's global opening coincided with the emasculation of centralized power, reinforcing the perception that these forces eroded the country's sovereignty.⁹

The “sovereign democracy” philosophy of Vladislav Surkov, and Putin’s attempts to restrict the influence of foreign corporations, governments and NGOs in Russian society, could be characterized as efforts to enhance both Westphalian and domestic sovereignty.¹⁰ The idea of sovereign democracy emerged according to some Russian analysts as a reaction to the threat of global neo-imperialism in the form of U.S. hegemony, and is predicated on the vitally important Westphalian concept of sovereign equality among states.¹¹ The three-hundred year old, Eurocentric Westphalian system has become the foundation for the global order. Once the fundamentals of this system—above all sovereignty—begin to erode, the outcome is an international environment without rules or norms, making the global interactions unpredictable and more unstable.¹²

Russia has a long tradition as a major European and world power, and Russians resent being lectured to on democracy by Westerners. A number of prominent Russian analysts argue that democracy is nation-specific, culturally constructed, and should be established according to each country’s national and legal traditions.¹³ Foreign support for “democratic forces” inside Russia and its neighbors thus is considered one of a series of strategies designed to weaken Russia, together with the eastward expansion of NATO and attempts to counter Moscow’s integrative strategies in the post-Soviet space.¹⁴ The United States, as the world’s most powerful actor, is a threat to international order because “it no longer views national sovereignty and state boundaries as an obstacle for intervention when regional and international security is at stake.” However, “the principle of national sovereignty remains a priority for many states, including Russia, which do not want to become an object of ‘humanitarian intervention’ led by NATO or anybody else.”¹⁵

China

China’s modernizing authoritarian model has generated pressures for change,

threatening stability and calling into question Beijing’s ability to retain full control over its provinces. International pressures to respect human rights are viewed as threats to China’s sovereignty and territorial integrity—Beijing perceives the two norms as a zero-sum game that could encourage separatism in Taiwan, Tibet and Xinjiang.¹⁶ Observing the collapse of the Soviet Union under Mikhail Gorbachev, and economic collapse under Yeltsin, Chinese leaders were determined to maintain tight political control through the Communist Party.¹⁷ As economic reforms shifted fiscal and administrative authority toward provincial and local units, it was incumbent upon Beijing to prevent fragmentation comparable to that experienced by Yugoslavia or the Soviet Union and to preserve domestic stability. The model China developed consisted of economic decentralization paired with upward accountability and the preservation of central control.¹⁸ This system of one-party governance may facilitate the abuse of power and encourage localized corruption, but it does guarantee domestic sovereignty. Beijing is also jealous of its Westphalian sovereignty, rejecting as interference in its internal affairs any attempts by external powers to criticize the country’s human rights record.

Allen Carlson rightly asserts that sovereignty “...lies at the core of contemporary China’s evolving relationship with the rest of the world.”¹⁹ China has become increasingly tied into international organizations, and greatly values its participation in international regimes, but participation (as in human rights forums or the World Trade Organization) comes with limitations on domestic sovereignty. President Hu Jintao has emphasized that diplomacy should promote economic development, safeguard national sovereignty and security, and maintain stability.²⁰ While Beijing advocates a prominent role for international law and the United Nations, it selectively interprets the sovereignty provisions of both. In forums such as the Shanghai Cooperation Organization China promotes its view of sovereignty, equating separatism with terrorism and extremism, for example,

lumped together as the three great evils. Beijing employs a narrow definition of self-determination, restricting it to former colonial peoples; the concept does not apply to separatist groups within sovereignty entities. At the same time, China's deepening integration into the world economy has forced some concessions to interdependence sovereignty, as it has gained membership in the IMF, the World Bank, and the WTO among others.

China's rapidly evolving political and economic position has generated contradictory impulses on sovereign governance. To reference the recent case of the uprising in Libya, China (along with Russia) abstained on UN Security Council Resolution 1973 establishing a no-fly zone around the country. Li Baodong, China's ambassador to the UN, stressed that China favored a narrow interpretation of the resolution, and stated the international community "...should adhere to principles of objectivity and neutrality, and fully respect the sovereignty, independence, unity and territorial integrity of the country concerned. There must be no attempt at regime change or involvement in civil war..."²¹ Li also voiced concern that the safety of civilians and property in Libya might be threatened by armed intervention, but these humanitarian concerns may have been instrumentally motivated—there were 30,000 Chinese nationals in Libya at the start of the intervention, and Chinese-funded enterprises had contracted for 50 major projects worth \$18.8 billion.²²

As a rising power China is accepting greater responsibilities internationally, and its position on emerging international norms is gradually changing. This has slowly begun to chip away at the notion of absolute sovereignty. At the same time, Beijing's growing confidence, increasing power, and greater flexibility has provided China with increased capabilities for influencing regional and global affairs. Over the past two decades China has become increasingly responsive to human rights issues, as indicated in its response to pressure over its business dealings with Sudan and the humanitarian crisis in Dar-

fur.²³ Beijing has also shown greater flexibility in its foreign policy thinking as evidenced in the shift toward greater participation in UN peacekeeping operations. Yet this new activism and flexibility on issues of humanitarian intervention and international peacekeeping has not significantly eroded China's commitment to the traditional norms of state sovereignty and non-intervention in domestic affairs.²⁴ Beijing continues to reject actions by individual states or regional organizations that infringe on sovereignty, insisting that to be legitimate all such measures must have the imprimatur of the United Nations.

While officially China's position on sovereignty is that it is unchanging, a number of foreign policy elites recognize that it is in China's national interests to take a broader approach to sovereignty. Allen Carlson's work has shown that China's inflexible rhetoric on sovereignty does not preclude flexibility in practice, specifically in the areas of international peacekeeping and multilateral intervention.²⁵ The concept of *tianxia* ("all under heaven") and discussions of an Asian-Pacific international relations reflect China's new confidence and the possibility of developing international norms not predicated on European-based ideas of sovereignty.²⁶ The thrust of this line of thinking is that the international order and its fundamental principles have for the past three centuries been constructed through the European experience, and that the rise of Asia (and specifically China) may signal the beginning of a new order based on different principles. Perhaps these new ideas derived from Asia's cultural context will address the tensions and contradictions among sovereignty, territorial integrity, human rights, and humanitarian intervention that strain relations among the three great powers.

The United States

Washington is also extremely sensitive to possible infringements on American sovereignty, but unlike Russia or China the country's identity has historically tolerated and even celebrated decentralization; indeed,

a range of political forces has consistently sought to weaken the center in favor of state governments. The absence of a consensus on a strong center, I would suggest, means that internationally Americans are more easily persuaded than either Russians or Chinese that the centers in other states may be flawed, and hence may forfeit their claim to sovereign rule over their people if they behave abusively. The American perspective, then, stresses a decentralized political order and popular sovereignty, while the Russian and Chinese perspectives emphasize political centralization and state sovereignty, reinforced by the negative example of the disintegration of three former federal communist systems.

Since the end of the Cold War American political discourse regarding sovereignty and intervention has divided into two broad camps. The first and most influential has been the unlikely “alliance” of the liberal internationalists and the neoconservatives. Each of these intellectual tendencies favors a revised view of the classic idea of Westphalian sovereignty, advocating the concept of American essentialism and an activist role for the United States in world affairs, although the two strains proceed from different assumptions. Liberal internationalists, including top figures in the Clinton and Obama administrations (Madeleine Albright, Al Gore, Hillary Clinton, Michael McFaul) agree that America should use its power to protect human rights and support democracy, following the Responsibility to Protect (R2P) principle, but that Washington should generally use diplomacy before military force, and should act through multilateral organizations such as the United Nations as much as possible. By contrast, the neoconservatives associated with the George W. Bush administration (Paul Wolfowitz, Robert Kagan, and Norman Podhoretz, among others) promoted the idea of using American military power to effect democracy through regime change, while rejecting international organizations as at best ineffective, and at worst constraining U.S. freedom of action.²⁷ Both discourses support a more limited concept of sov-

eignty, but only for countries other than the United States.

The other prominent, but less influential discourse, advocates a more restrained use of American power, more limited objectives, and eschews goals of regime change and democracy promotion. These two strains— isolationists and realists—tend to support a more traditional position on sovereignty. Isolationists (including Ron Paul, Patrick Buchanan and Ted Galen Carpenter of the libertarian CATO Institute) call for reducing American spending and presence abroad, reject nation-building and democracy promotion, and want to avoid having America’s freedom of action constrained by participation in international organizations. Realists such as George H.W. Bush’s foreign policy advisors, and scholars, including Henry Kissinger and John Mearsheimer, believe humanitarian intervention, democracy promotion and regime change are not in the national interest of the United States. Humanitarian and democracy promotion campaigns pursued by liberal interventionists and neoconservatives drain resources and attention from critical security tasks of balancing against real threats, primarily the rising powers in Asia. A more cautious use of military power, particularly in the form of offshore balancing, can focus U.S. efforts on the most serious threats, reduce the drain on the treasury, and avoid sparking anti-American sentiment.²⁸

One major difference between the American and the Russian and Chinese political systems is the critical role played by the legislature in foreign policy. Although the U.S. Congress frequently delegates responsibility to the executive branch, particularly in the area of foreign policy, Senators and Representatives consistently use foreign policy issues for grandstanding and appealing to constituents. Congress therefore drives an approach to sovereignty that rejects any form of interference in America’s internal affairs, while reserving to Washington the right to act internationally without constraints. The draft 2011-12 Defense Authorization bill, for example, notes that the United States is

at war with non-state actors like Al-Qaida and the Taliban, and gives the President legal authority to pursue terrorist groups and any states that may harbor them (as in the operation against Osama bin Laden). Domestic civil rights groups are concerned about the possibility of prolonged conflict and indefinite detentions resulting from this legislation, but ignore how the law's sweeping territorial scope will justify international sovereignty violations at the President's discretion.²⁹

In sum, American liberal internationalists and neo-conservatives are generally willing to sacrifice traditional notions of sovereignty to realize their goals of protecting vulnerable populations, advancing democracy, pursuing hostile non-state actors like terrorists, and ensuring American hegemony. In contrast to the neoconservatives, liberals support the UN Responsibility to Protect criteria for intervention—genocide, war crimes, crimes against humanity, and ethnic cleansing, acting on humanitarian grounds for intervening. Neo-conservatives see little utility (and much harm) in multilateral institutions like the United Nations, justifying American unilateral action through security rationales. Realists and isolationists value traditional forms of sovereignty as promoting America's national interests, but they constitute a less influential voice in American foreign policy.

Security Threats and the Responsibility to Protect

One fundamental difference among the great powers is that Russia and China face significant threats to their stability from domestic separatists and home-grown terrorism, while the United States is primarily concerned with international terrorism. Consequently, Moscow and Beijing are highly sensitive to international norms (such as those protecting human rights) or actions (such as humanitarian intervention) that might constrain their ability to deal with internal security threats. From this perspective, sovereignty ensures freedom of action internally, and prevents other major powers or institutions (such as the U.S. or NATO)

from having a role in or influence over their sovereign exercise of authority domestically. Moreover, in the cases of China and Russia, the concept of domestic sovereignty is used to preserve a non-democratic regime. This leads to a clash of values with the United States and the West more broadly (although Russia is closer to the European civilization model and so appears normatively less distant than China).

By contrast, the U.S. needs to maximize its freedom to operate internationally to deal with terrorist threats such as al Qaeda. This may lead to violations of sovereignty, as in the 2011 operation to kill Osama bin Laden, where the U.S. refused to obtain permission or even inform the Pakistani government in advance. Similar security reasoning was applied to the cases of Afghanistan in 2001 and Iraq in 2003. Moreover, the U.S. government's capabilities to conduct operations that may violate sovereignty—whether to apprehend or kill terrorists, or to protect populations as in the case of Libya—far exceed those of other states. Sovereignty then is not the theoretically equal condition that realism claims, but rather a protean concept that varies depending on the relative power of the state in question. States may voice support for the idea of sovereign equality, but in reality the more powerful can accept those elements of sovereignty that support their national interests, while rejecting others that may constrain their international actions. Sovereignty is interpreted selectively because situations vary in the extent to which they threaten national security, generate humanitarian outrage, or prove politically feasible. As Stephen Krasner has argued, sovereignty is less a set of rigid, enduring principles than a set of loose conventions that are often circumvented by powerful states.³⁰ Although such behavior may lead to charges of “double standards,” all great powers operate from this principle, since they are acting on their perceived national interests.

Key insights into each major power's approach to sovereignty can be gained by a brief look at their respective positions on the “responsibility to protect” doctrine (R2P). First

elaborated by the International Commission on Intervention and State Sovereignty, and later adopted by the UN at its 2005 World Summit, R2P holds that the international community can and should respond to genocide and other mass atrocities, including war crimes, crimes against humanity and ethnic cleansing, through intervention. However, such intervention is to be a last resort, and the principles of state sovereignty and territorial inviolability are to be respected to the greatest extent possible.³¹

The three great powers hold different positions on the responsibility to protect. The Obama administration has endorsed the concept, and has incorporated it into the 2010 U.S. National Security Strategy. In 2009 the State Department created an Ambassador at Large on War Crimes Issues, and the following year the U.S. Security Council created the position of a Director for War Crimes and Atrocities.³² By contrast, Russia's official position is that states have the primary responsibility to protect and promote human rights, while international organizations and mechanisms should play only a supporting role. Moscow also strongly condemns using human rights as a pretext to interfere in the internal affairs of states.³³ The Chinese position is closer to that of Russia—while endorsing the principle of R2P, the Chinese government emphasizes that governments bear primary responsibility for protecting their citizens, and the international community should provide assistance and support while respecting the sovereignty and territorial of states.³⁴

Conclusion

By contrasting great power perceptions of sovereignty in international relations, as outlined in Table 1, we can more easily understand the underlying sources of tension in many contemporary global issues. Russia and China approach sovereignty from essentially a 19th century, absolutist perspective, though in each case they have made some accommodation to changing norms of territorial inviolability and humanitarian intervention, rhetorically if not in practice. Russia and China cannot

match the United States in global reach; their capabilities tend to be more regional, constraining their international behavior, though China's rise may be changing the equation. Perhaps more importantly, the most significant threats confronting Russia and China are internal pressures for separatism and domestic terrorism, unlike the global terrorist threat facing the United States. Moscow and Beijing, therefore, jealously protect their sovereign right to confront these threats free from outside interference. By contrast, Washington reserves to itself the right to seek out and destroy terrorists and other threats to its security regardless of location; in the process, the sovereignty of other states may be compromised. While expecting other states to understand this logic, the U.S. holds that its Westphalian sovereignty is absolute.

The same dynamic impacts human rights protection and democracy promotion efforts. U.S. policy, premised on the democratic peace argument, favors spreading democracy as a means of eroding support for terrorism and supplanting problematic authoritarian states with more reliable democratic allies. Russia and China view American support for democratic movements such as the Color Revolutions and the Arab Spring as choosing sides in domestic conflicts, an unwise practice at best. More to the point, Moscow and Beijing hold that such actions violate Westphalian (and international legal) sovereignty by questioning the legitimacy of established states, attempting to undermine their regimes, and fomenting instability. And while emerging norms such as the responsibility to protect have granted the international community greater flexibility in defending the rights of civilians, they have not been able to provide clear guidance on when and where to intervene. While the new security threats should logically provide a basis for collaboration among great powers, contrasting views of sovereignty make cooperation difficult.

Table

Contrasting Perceptions of Sovereignty

	United States	Russia	China
Sovereignty-related threats	International terrorism	Domestic terrorism and separatism	Domestic terrorism and separatism
Domestic Sovereignty	Absolute for US, contingent for others	Absolute and inviolable	Absolute and inviolable
Westphalian Sovereignty	Contingent (on non-state actor threats), absolute for U.S.	Absolute and inviolable	Absolute and inviolable
Interdependence Sovereignty	Variable, borders partially controlled	Some erosion inevitable, but should be limited	Some erosion inevitable, but should be limited

- * Prepared for the Academic Educational Forum on International Relations/ International Trends Journal conference on "Russia and the West: Cycles and Prospects for Cooperation," Moscow, May 31-June 1, 2011.
- ¹ See Maryann Cuisimano Love, *Beyond Sovereignty: Issues for a Global Agenda*, 4th edition (Boston: Wadsworth, 2010); Ken Booth and Nicholas J. Wheeler, *The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics* (New York: Palgrave Macmillan, 2008); and Colin L. Powell, "A Strategy of Partnerships," *Foreign Affairs*, Vol. 83, Issue 1 (January/February 2004), pp. 22–34.
- ² Since realists take sovereignty as a given, most have devoted little attention to the concept. See Kenneth N. Waltz, *Theory of International Politics* (New York: McGraw-Hill, 1979), esp. pp. 95–96. John J. Mearsheimer, *The Tragedy of Great Power Politics* (New York: W.W. Norton, 2001) does not discuss sovereignty at all.
- ³ Robert Jackson, *Sovereignty: Evolution of an Idea* (Cambridge: Polity Press, 2007).
- ⁴ I recognize that in each country there are diverse schools of thought on international relations, and that these conflicting perspectives have variable impact on the foreign policy behaviors of their respective states. In this paper I am concerned not with delineating all the varieties of theoretical trends, but rather with identifying the dominant perspectives as reflected on official state policies.
- ⁵ Stephen D. Krasner, *Sovereignty: Organized Hypocrisy* (Princeton: Princeton University Press, 1999), pp. 3–4.
- ⁶ URL: <http://www.fas.org/news/russia/1997/a52--153en.htm>, accessed May 23, 2011.
- ⁷ James Headley, *Russia and the Balkans: Foreign Policy from Yeltsin to Putin* (New York: Columbia University Press), pp. 263–264.
- ⁸ "Medvedev nazval 'pyat printsipov' vneshnei politiki Rossii," August 31, RIA Novosti, at URL: <http://www.rian.ru/politics/20080831/150827264.html>, accessed March 3, 2011.
- ⁹ Andrei Kokoshin, *Real'nyi suverenitet* (Moscow: Izdatel'stvo 'Europa,' 2006), pp. 15–17.
- ¹⁰ Domestic sovereignty refers to "the formal organization of political authority within the state and the ability of public authorities to exercise effective control within the borders of their own polity." Krasner, p. 4. For an elaboration of the concept of sovereign democracy, see V. Surkov, "Russian Political Culture: The View from Utopia," *Russian Social Science Review*, Vol. 49, No. 6 (November-December 2008), pp. 81–97; and V. Surkov, "Nationalization of the Future: Paragraphs pro Sovereign Democracy," *Russian Studies in Philosophy*, Vol. 47, No. 4 (Spring 2009), pp. 8–21.
- ¹¹ See the remarks by Oleg Barabanov, in "Esli Vestfal' i bolen, to etot bol'noi skoree zhiv, chem. mertv..." *Mezhdunarodnye protsessy*, Vol. 5, No. 3 (15), September — December 2007), pp. 106–107.
- ¹² See Marina Lebedeva, "Chto ugrozhaet Vestfaliu?" *Mezhdunarodnye protsessy*, Vol. 6, No. 1 (16), January-April 2008, pp. 117–120.
- ¹³ Andrei Kokoshin quotes IR scholar Alexei Bogaturov and Foreign Minister Sergei Lavrov to this effect. Kokoshin, pp. 18–19.
- ¹⁴ Kokoshin, p. 22.
- ¹⁵ Tatyana A. Shaklevina and Aleksei D. Bogaturov, "The Russian Realist School of International Relations," *Communist and Post-Communist Studies*, Vol. 37 (2004), p. 49.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

- ¹⁶ Chen-shen J. Yen, "Sovereignty, Human Rights and China's National Interest: A Non-Zero Sum Game," Foreign Policy Research Institute, February 2011, at URL: <http://www.fpri.org/enotes/201102.yen.china.pdf>, accessed May 23, 2011. Yen, Director of the Institute of International Relations at National Chengchi University in Taipei, argues that Beijing's view is misguided, since promoting human rights on the mainland would help preserve China's core interest in retaining control over Taiwan.
- ¹⁷ On the role of federalism in economic development with comparisons between Yeltsin's Russia and China, see Olivier Blanchard and Andrei Schliefer, *Federalism with and without Political Centralization. China versus Russia*, National Bureau for Economic Research (February 15, 2000).
- ¹⁸ Shiuh-Shen Chien, "Economic Freedom and Political Control in Post-Mao China: A Perspective of Upward Accountability and Asymmetric Decentralization"? *Asian Journal of Political Science*, Vol. 18, No. 1 (April 2010), pp. 69–89.
- ¹⁹ Allen Carlson, *Unifying China, Integrating with the World: Securing Chinese Sovereignty in the Reform Era* (Stanford: Stanford University Press, 2005), p. 224.
- ²⁰ "Chinese President urges Diplomats to Serve National Interests," Chinese Embassy to the United States website, July 21, 2009, at URL: <http://www.china-embassy.org/eng/zmgx/zlyjdh/dycdh/t574517.htm>, accessed May 12, 2011. Also, see Wang Jisi, "China's Search for a Grand Strategy," *Foreign Affairs*, Vol. 90, Issue 2 (March/April 2011), pp. 68–79.
- ²¹ "China Calls for Civilian Protection in Armed Action," *Xinhua* (May 11, 2011), at URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2011-05/11/content_12486356.htm, accessed May 17, 2011.
- ²² "Push Factor: China's Rescue Mission to Libya," *Economist* (March 5, 2011); "Chinese-Funded Enterprises have 50 Large-Scale Projects in Libya," *People's Daily Online* (March 23, 2011), at <http://english.peopledaily.com.cn/90001/90778/90860/7328978.html>, accessed May 17, 2011.
- ²³ Lydia Polgreen, "China, in New Role, Presses Sudan on Darfur," *New York Times*, February 23, 2008.
- ²⁴ "Chengqiu Wu, 'Sovereignty, Human Rights, and Responsibility: Changes in China's Response to International Humanitarian Crises,'" *Journal of Chinese Political Science*, Vol. 15 (2010), pp. 71–97; Pang Zhongying, "China's Changing Attitude to UN Peacekeeping," *International Peacekeeping*, Vol. 12, No. 1 (Spring 2005), pp. 87–104.
- ²⁵ Carlson, *Unifying China, Integrating with the World*.
- ²⁶ See Allen Carlson, "Moving Beyond Sovereignty? A Brief Consideration of Recent Changes in China's Approach to International Order and the Emergence of the tianxia Concept," *Journal of Contemporary China*, Vol. 20, No. 68 (January 2011), pp. 89–102; and G. John Ikenberry and Michael Mastanduno, eds. *International Relations Theory and the Asia-Pacific* (New York: Columbia University Press, 2003).
- ²⁷ See the perceptive critique of both schools of thought by John J. Mearsheimer, "Imperial by Design," *The National Interest*, No. 111 (January/February 2011), 16–34. Mearsheimer designates the liberal internationalist school as "liberal imperialists," equating them with the neocons in their support for an American empire.
- ²⁸ Mearsheimer calls for offshore balancing in three major areas of strategic interest — Europe, the Middle East, and Northeast Asia. Mearsheimer, "Imperial by Design." Another major proponent of offshore balancing is Christopher Layne. See his "From Preponderance to Offshore Balancing: America's Grand Strategy," *International Security*, Vol. 22, No. 1 (Summer 1997), pp. 86–124; and "America's Middle East Grand Strategy after Iraq: The Moment for Offshore Balancing has Arrived," *Review of International Studies*, Vol. 36, Issue 1 (2009), pp. 5–25.
- ²⁹ Carrie Johnson, "Making it Official: Hunting al-Qaida Worldwide," *National Public Radio*, May 23, 2011, at <http://www.npr.org/2011/05/23/136500471/making-it-official-hunting-al-qaida-worldwide>, accessed May 23, 2011.
- ³⁰ Krasner, *Sovereignty*.
- ³¹ See Rajan Menon, "Pious Words, Puny Deeds: The 'International Community' and Mass Atrocities," *Ethics & International Affairs*, Vol. 23, Issue 3 (Fall 2009), pp. 235–245.
- ³² International Coalition for the Responsibility to Protect website, at URL: <http://www.responsibilitytoprotect.org/RtoP%20National%20level%283%29.pdf>, accessed May 23, 2011.
- ³³ "Russia's Position at the 64th Session of the UN General Assembly," at <http://www.un.int/russia/new/MainRoot/docs/interview/pos64en.htm>, accessed May 23, 2011.
- ³⁴ The Responsibility to Protect and the Protection of Civilians: Asia-Pacific in the UN Security Council, Update No. 1 (February 10, 2009), at http://www.responsibilitytoprotect.org/files/PoC_Update_1%5B1%5D%5B1%5D.pdf, accessed May 23, 2011.

УСИЛЕНИЕ РОЛИ G20: ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ

Ли Син

После глобального финансового кризиса «Большая двадцатка» (далее — G20) становится ключевой глобальной площадкой по международному экономическому сотрудничеству¹, а сама G20 окажет значительное влияние на трансформирующийся мировой порядок и внешнюю политику Китая.

Усиление роли G20, как неоспоримый факт, имеет серьезное значение. Долгое время глобальная экономическая структура существует в форме «пирамиды», которая подразумевает, что под эгидой США западные развитые страны, находящиеся наверху, доминируют в принятии решений в системе мировой экономики. По мере усиления роли G20 данная расстановка и режим принятия решений постепенно изменяется, и возникает новая тенденция — превращение пирамиды в «трапециоид». С одной стороны, модель либерального капитализма находится в тяжелом кризисе. Западные развитые государства не в состоянии как полностью контролировать глобальную экономическо-финансовую обстановку, так и самостоятельно решать глобальные финансово-экономические проблемы. Примером служит финансовый кризис 2008 г., когда США, в качестве единственной сверхдержавы и крупнейшей экономической державы, стали «зачинщиками» данного кризиса, распространение которого они не смогли сдерживать, и в результате оказались одними из самых пострадавших регионов. В связи с этим США не в состоянии справиться с кризисом собственными силами и нуждаются в помощи от G20. Ввиду этого Дж. Буш-младший, как известно,

всегда вел себя надменно, но в тот раз выглядел довольно мрачно на саммите G20 в Вашингтоне (2008 г.). А его преемник Барак Обама был скромнее на саммите G20 в Лондоне (в апреле 2009 г.). Кроме того, США дали согласие на реформирование Всемирного банка и Международного валютного фонда (МВФ), предоставление развивающимся странам больших квот и заставляют ЕС сделать уступку в этом отношении. Согласно решению Всемирного банка в минувшем году доля голосов Китая увеличится на 1,65% до 4,42% (сейчас доля голосов составляет 2,77%), и Китай станет третьей страной в этой организации после США и Японии². Кроме того, в 2010 г. в МВФ был принят ряд решений об изменении доли голосов стран-членов, т.е. МВФ передаст более 6% акций развивающимся странам, в том числе странам с растущей экономикой³. Доля голосов Китая увеличится на 2,42%, до 6,07%, и Китай также займет третье место в данной организации после США и Японии. Параллельно европейские страны уступят развивающимся странам два места в Исполнительном совете МВФ⁴. Согласно вышесказанному, можно подчеркнуть, что с целью выхода из кризиса при помощи стран с растущей экономикой и развивающихся стран западным развитым странам придется принять ряд изменений в политическом курсе и уступить им ограниченное количество голосов и прав на определение. С другой стороны, возможности и статус стран с растущей экономикой, на примере БРИКС, непрерывно повышаются, и государства постепенно, но уверенно, двигаются от

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

периферии мировой экономической системы к ее центру. Особенно Китай, который по объему ВВП уже вошел в сильнейшую тройку мира (США, Китай, Япония), обладает самыми большими золотовалютными резервами в мире и сохраняет относительно высокий темп развития на протяжении глобального экономического кризиса. На этом фоне могущество и влияние Китая значительно увеличились. Так что центр тяжести мировой экономики перемещается на Восток. В связи со взлетом или падением ведущих экономических держав, G20 выступает как «пионер» среди многих международных организаций, а ее саммиты становятся ключевыми форумами международного экономического сотрудничества. В связи с этим некоторые исследователи даже полагают, что роль G20 не будет только ограничена экономической и финансовой сферами. Учитывая образующуюся многополярность на мировой арене, функции G20 будут расширяться непрерывно, т.е. тематика и международной политики, и военной безопасности и других областей будет включаться в повестку дня этого объединения⁵. Кроме этого, речь шла еще о том, что усиление роли G20 ставит под сомнение целесообразность существования G8, и, в конце концов, G20 вытеснит G8⁶.

Но мы не можем переоценивать значение усиления роли G20 и игнорировать ее ограниченность. Во-первых, несмотря на возникновение новой тенденции — превращение системы мирового устройства «одна сверхдержава с многополярными силами» в систему «многополярные силы с одной сверхдержавой», сущность мирового порядка не изменилась, т.е. западные развитые страны традиционно имеют весомый статус, и развивающиеся страны еще не могут претендовать на один уровень с развитыми странами. В современной мировой экономической системе США по-прежнему принадлежат к «первому миру в первом мире», ЕС и Япония — ко «второму миру

в первом мире», и эти страны как соперничают, так и сотрудничают друг с другом в рамках G20. Россия является членом G8 и одновременно входит в группу БРИКС. По большому счету она относится к «третьему миру в первом мире» или к «первому миру во втором или третьем мирах». Россия находится между Западом и Востоком. Что же можно сказать относительно Китая? Китай называет себя развивающейся страной и страной третьего мира, но нам трудно сравнивать его с обычными развивающимися странами в отношении как экономического потенциала, так и могущества государства, поэтому Китай, разумеется, является «первым миром в третьем мире». Тем не менее большинство развивающихся стран еще находится на краю периферии от самого центра системы мировой экономики, так что Север сильнее Юга, разница в силе обеих сторон не существенно изменилась. По-прежнему повестка дня саммитов G20 определяется развитыми странами, и эти же страны еще владеют основным правом голоса. Тем более что США по-прежнему являются единственной сверхдержавой, доллар США также является гегемонистской валютой мира. Благодаря тенденции восстановления своей экономики перед открытием саммита G20 в Питтсбурге (в сентябре 2009 г.) администрация Барака Обамы заявила о том, что наложит на импортные шины из Китая специальные протекционистские тарифы, и начала свой первый торговый спор с Китаем. На самом саммите в Питтсбурге Барак Обама еще раз подверг критике Китай. На саммите в Сеуле (в октябре 2010 г.) США пытались объединить ряд стран с целью сдерживать Китай в вопросах о повышении валюты юаня. Таким образом, по всей видимости, в любом случае западные развитые страны под эгидой США не желают поделить свою власть.

Во-вторых, G20 еще находится на достаточно низком уровне институционализации, т.е. в рамках G20 еще отсутству-

ют отдельный секретариат и другого рода постоянные институты. В этой связи резолюции G20 не имеют полной юридической силу и не могут исполняться в обязательном порядке. Например, в вопросах о мировом развитии и дисбалансе между Севером и Югом G20 еще не принимает должное внимание. В отношении противоборства экономическому эгоизму G20 не в состоянии эффективно скорректировать политику ряда стран по торговому протекционизму. К глобальному управлению, может быть, G20 имеет более тесное отношение, чем G7 и G8. Но в тех региональных и групповых вопросах, которые касаются интересов Запада, G20 невозможно заменить роль G7 и G8.

В-третьих, из-за принципа сбалансирования регионов некоторые влиятельные развивающиеся страны или международные организации, к сожалению, не вошли в список стран — участниц G20 (например, АСЕАН). В силу этого, их интересы и позиции не могут своевременно быть озвученными и получить соответствующий резонанс на международной арене. В связи с этим, универсальность представительства G20, безусловно, ограничена.

В-четвертых, в посткризисный период, по мере ослабления давления от кризиса, западные развитые страны под эгидой США, наверное, не будут так активно прибегать к помощи стран с растущей экономикой и G20. На самом деле будущая судьба G20 в основном будет находиться в зависимости от позиции западных развитых стран, имевших интересы в существующей ныне международной финансово-экономической системе. Какие функции они охотно предоставят G20 в будущем? Какую роль они отвели бы G20? Сколько позиций могут уступить развивающимся странам? Очевидным является факт, что направленная политика США в отношении G20 проводится, в основном, ради спасения страны из финансового тупика, поддержания нынешнего мирового экономического порядка,

включая международную финансово-валютную систему, и укрепления своего мирового финансового гегемонизма. Несмотря на некоторые разногласия между США и европейскими странами (например, в вопросах о продолжении количественного смягчения в США (QE2), о реформировании международной валютной системы и др.), у них общая неизменная позиция в укреплении их ведущего статуса в мировой экономике и главенствующей роли в рамках G20. Кроме того, экономика имеет международный характер, а политика всегда национальна. Как известно, G20, по большому счету, играет свою роль в области мировой экономики. А в архитектуре международной политической безопасности ее влияние ограничено, потому что она с трудом заменит как ООН, так и НАТО. Саммиты G20 в Торонто (в июне 2010 г.) и в Сеуле (в октябре 2010 г.) выглядели не так успешно, как предыдущие саммиты, проведенные в период кризиса. В связи с этим на сегодняшний день нам еще трудно прийти к выводу о статусе и перспективе G20 в будущем международном сообществе, и стоит с особым вниманием рассматривать ее в дальнейшем.

Но во всяком случае G20 предоставляет Китаю одну немаловажную дипломатическую площадку. Усиление роли G20 соответствует как развитию международной обстановки, так и изменению соотношения международных сил, и благоприятствует «мирному развитию», «легальному развитию» Китая. Это означает, что мир, особенно Запад, позитивно отозвался о подъеме Китая. На этом фоне, если Китай хочет эффективно пользоваться такой площадкой, как G20, он должен исходить из собственной роли и статуса в конфигурации мировой экономики. В сегодняшней мировой экономике роль и статус Китая оказываются относительно сложными и разнообразными, иногда даже противоположными. С нашей точки зрения, Китай дотянулся до «первого мира», находясь в «третьем

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

мире», при этом находится еще и в середине — во «втором мире». Так что Китай, очевидно, похож как на «третий мир в первом мире», так и на «первый мир в третьем мире». Китай находится между Югом и Севером. При этом, в качестве развивающейся державы, многообразие идентичности Китая определяет разнообразие собственные интересы, поэтому Китай не позволяет себе вести на международной арене как полноценная развитая держава или типичная развивающаяся страна, и он предпочитает применять многообразные, гибкие подходы и пытается добиваться реального успеха во внешней политике. С одной стороны, в рамках G20 Китай должен стать «звеном» между Севером и Югом, стимулировать тенденцию мультилатерализма, многополяризации и демократизации международных отношений, способствовать построению и развитию гармоничного мира и одновременно избегать тупиковых ситуаций в сложных противоречиях. С другой стороны, в качестве одной из стран с бурно развивающейся экономикой мира, Китай является «локомотивом» спасения мировой экономики во время финансового кри-

зиса, и китайский юань постепенно становится международной валютой. В силу этого, статус и влияние Китая в мировой экономическо-финансовой системе сильно повышаются, в последние годы даже была выдвинута концепция о создании «Большой двойки» (G2). Конечно, у Китая нет желания и нет сил стремиться к мировому преимуществу. Китай устойчиво выступает против гегемонии и силовой политики, за многополярность и демократизацию международных отношений, за Мирное Развитие и Гармоничный Мир, когда США и Китай могли бы совместно решать мировые проблемы. Можно сказать, что Китай уже приближается к центру международной арены, его национальные интересы, особенно зарубежные интересы, выражаются все очевиднее и очевиднее. Так что с целью расцвета государства и благополучия народа, Китай должен превратить свое совокупное могущество в реальное международное влияние, иметь не только право голоса, право на определение, но и достаточно важную и конструктивную роль в международных делах и взаимодействовать с другими ведущими игроками мира.

¹ Например, 27 июня 2009 г. согласно решению Саммита G20 был создан Совет по финансовой стабильности (англ. Financial Stability Board), который заменил Форум по финансовой стабильности; 25 сентября 2009 г. на саммите в Питтсбурге лидеры стран-участниц официально заявили о том, что G20 стала приоритетной площадкой для международного экономического сотрудничества и урегулирования и т.д.

² Zhongguo Chengwei Shijie Yinhang Di San Da Gudong // Xinhuanet. com. 26.04.2010. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2010-04/26/c_1255712.htm (date of access: 12.10.2011).

³ IMF Quotas, 13.09.2011. URL: <http://www.imf.org/external/np/exr/facts/quotas.htm> (date of access: 12.10.2011)

⁴ IMF Fene Gaige Gang Kaishi Fada Guojia Reng Ju Nanyi Kangheng de Youshi // Xinhuanet.com. 08.11.2010. URL: http://news.xinhuanet.com/fortune/2010-11/08/c_12747565.htm (date of access: 11.10.2011).

⁵ 陈凤英, 二十国集团机制化适应时代发展潮流, 《当代世界》, 2010年第12期 / Чжэн Фэнин. Институционализация «Большой двадцатки» должна соответствовать тенденции развития мира // Современный Мир. 2010. № 12. [Zheng Fenging. Instituzionalisaziya Bol'shoy Dvadcatki doljna sootvetstvovat' tendenzii razvitiya mira // Sovremennyy mir. 2010. № 12]

⁶ 刘宗义, 二十国集团的角色转型与法国戛纳峰会的展望, 《国际观察》, 2011年第2期 / Лю Цзеууи, Трансформация роли «Большой двадцатки» и перспектива Саммита во Франции // Международное обозрение. 2011. № 2. [Liu Zongyi. Trnsformatsiya roli Bol'shoy Dvadcatki i perspektiva Sammita vo Franzii // Mejdunarodnoe obosrenie. 2011. № 2.]

**ИНТЕРВЬЮ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ЖУРНАЛА «СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»
ДЕКАНА ФАКУЛЬТЕТА ПОЛИТОЛОГИИ
МГИМО (У) МИД РОССИИ ПРОФЕССОРА
А.Д. ВОСКРЕСЕНСКОГО С ДИРЕКТОРОМ
ИНСТИТУТА ДЕМОКРАТИИ И СОТРУДНИЧЕСТВА
(НЬЮ-ЙОРК, США) А.М. МИГРАНЯНОМ**

А.Д. Воскресенский. Глубокоуважаемый Андраник Мовсесович, на протяжении двух лет в Москве на базе Института демократии и сотрудничества в Нью-Йорке, который вы возглавляете, велась работа по подготовке фундаментального международного исследования «Демократия в российском зеркале». Не могли бы вы рассказать, как зародилась идея этого проекта?

А.М. Мигранян. Идея проекта зародилась сразу же после того, как я приехал в Нью-Йорк и приступил к созданию Института практически с нуля. Надо было продумать, чем будет заниматься Институт по делам демократии и сотрудничества, в каком формате лучше всего заниматься проблемами современной демократии, так как это первая некоммерческая негосударственная структура, созданная для того, чтобы быть площадкой между американскими мозговыми и исследовательскими центрами, структурами гражданского общества, университетами и российскими интеллектуальными и исследовательскими центрами, политическими и общественными кругами. Идея создания подобного фонда принадлежит на тот момент еще президенту, ныне председателю Правительства РФ, Владимиру Владимировичу Путину, который во время встречи в Лиссабоне с руководством ЕС высказал свое мнение по поводу того, что наши партнеры на Западе нас упрекают за то, что у нас не такая

демократия, и делаем мы не то, и институциональная система у нас не такая, и вообще у нас есть серьезные разногласия по вопросу о том, какова природа политического режима в России и в Европе. Именно поэтому он высказал идею о том, что нам следовало бы создать какую-то площадку на Западе для того, чтобы там российские и западные ученые обсуждали проблемы демократии, политического развития на Западе и в России на экспертном уровне обсуждали наиболее острые и важные вопросы, по которым есть разногласия и расхождения. Я, не раздумывая, сделал приоритетом для своей работы необходимость формирования международной команды ученых, занимающихся проблемами демократии, для того чтобы понять, в каком состоянии сегодня находится демократическая теория на Западе, над какими проблемами работают ведущие западные политологи, какова институциональная и ценностная система сегодняшней демократии, с какими вызовами сталкиваются нынешние демократические режимы, как они с этими вызовами справляются, в каком состоянии находится политический режим России. Я уже тогда надеялся, что по итогам наших семинаров нам удастся подготовить монографию для публикации как на английском, так и на русском языке.

А.Д. Воскресенский. Соруководителем и соредактором проекта с американ-

ДЕМОКРАТИЯ В РОССИЙСКОМ ЗЕРКАЛЕ

ской стороны выступил профессор Адам Пшеворски. Что вас привлекло в личности и научной карьере Адама как соручоводителя и соредатора проекта?

А.М. Мигранян. Мне очень повезло: еще в январе 1991 г. на одной из конференций в Западном Берлине я познакомился с Адамом Пшеворски, уже тогда одним из самых ярких и талантливых ученых, занимавшихся проблемами демократии. Он был одним из соавторов четырехтомного издания «Переходы к демократии». Это демократические транзиты, которые тогда были очень известны и популярны, особенно благодаря работам таких политологов, как Г.О’Доннел, Ф. Шмиттер и целый ряд других. А. Пшеворски тогда предложил мне стать участником его проекта: «Восток — Юг, трансформация системы» (East-South System Transformation), где он собрал ученых из разных стран мира, в том числе из Африки, Азии, США, для того, чтобы попытаться разобраться в том, как себя ведут разные регионы в плане продвижения в сторону демократии, тем более что проект этот проводился в 1990-е гг. и завершился публикацией книги “Sustainable Democracy”, которая была опубликована в «Кембридж Университи Пресс» (Cambridge University Press) под редакцией А. Пшеворски и с участием всех тех исследователей, которые были им приглашены для обсуждения злободневных вопросов, связанных с переходом к демократии в Восточной Европе, консолидацией демократии на юге Европы, демократическими процессами в Корее, Турции и ряде африканских государств. Адам был знаком с моими работами конца 1980-х гг., где я сформулировал привлекая очень много внимания (как в Советском Союзе, так и на Западе) концепции перехода от тоталитаризма к демократии через авторитаризм применительно к Советскому Союзу. Адам захотел, чтобы я был участником этого проекта. Он тогда работал профессо-

ром Чикагского университета, а когда я приехал в Нью-Йорк, он уже находился в Нью-Йоркском университете (NYU), и это было для меня большой удачей. Я встретился с ним, и встретился с Ал Стэпаном, который когда-то был деканом международного факультета Колумбийского университета, тоже членом проекта А. Пшеворски. Стэпан сказал, что он занимается Индией и Востоком и несколько отошел от проблем собственно теории демократии, анализа демократических систем или перехода к демократии, но для меня была большая удача, что я встретил Адама. Мы стали обсуждать параметры возможного проекта, который в конечном итоге вылился в проект «Демократия в российском зеркале», с участием большого количества ученых с Запада и из России.

А.Д. Воскресенский. Каковы были критерии отбора участников? И с какими другими международными проектами его можно сравнить по значимости?

А.М. Мигранян. Критерии отбора участников были для нас совершенно очевидными, во-первых, у Адама был огромный опыт работы, он одновременно является главным редактором серии по демократии издательства «Кембридж Университи Пресс», он написал огромное количество работ с участием самых видных ученых со всего мира, поэтому проблем с приглашением видных специалистов по проблемам демократии из самых разных стран у нас не было. Это были его друзья и соавторы, среди них были такие люди, как Джон Данн из Кембриджского университета в Великобритании, известный политический философ по проблемам современной демократии, Джон Ферджон и Йан Шапиро из Йельского университета, Хосе Мария Мараваль — самый известный испанский политолог, специалист по проблемам демократии; Паскуале Паскино (даже трудно определить, к какой стра-

не он принадлежит, потому, что, будучи итальянцем, жил и работал во Франции, значительную часть своего времени и работы проводит в Нью-Йоркском университете). И конечно, Стивен Холмс, также бывший профессор Чикагского университета, ныне профессор Нью-Йоркского университета. Конечно, это ученые самого высокого, мирового класса. Проблемой было найти специалистов из России такого же уровня, учитывая то, что политология как наука у нас только в процессе становления, старшее поколение в основном приходило в политологию либо из философии, либо из научного коммунизма, либо из политической истории тех или иных западных или восточных стран. Поэтому мы столкнулись с большими проблемами при отборе участников, но в конечном итоге эти проблемы были решены. Может быть, помог тот факт, что я принадлежу своими корнями к Институту международных отношений и как студент, и как профессор. Одна из первых кафедр политологии в России, а затем и факультет политологии создавались в МГИМО не на основе научного коммунизма или марксистско-ленинских дисциплин, а формировалась за счет специалистов, которые занимались мировой политической наукой, политической историей, политической философией. Неудивительно, что в наш проект в основном были привлечены специалисты из МГИМО, и среди них А. Мельвиль, М. Ильин, В. Соловей и Б. Макаренко. В ходе обсуждения проекта мы с Адамом решили, что не будет лишним, если эти дискуссии, обсуждения будут подготовлены в более широком контексте и будет возможность ознакомиться с тем, как ученые рассматривают сегодняшние не западные модели политических систем, можно ли говорить о не западных теориях демократии и демократических практиках в таких странах, как Южная Корея, Сингапур и ряде других государств, что происходит с современным Китаем и Индией.

В этом отношении оказалось весьма кстати то обстоятельство, что деканом факультета политологии МГИМО к этому моменту стал специалист по политическим проблемам Востока, который с удовольствием согласился участвовать в проекте и внести свой вклад в понимание современных политических режимов не только на Западе, но и на Востоке, Юго-Восточной Азии и вообще за пределами западного мира.

А.Д. Воскресенский. Почему возникла идея обсуждения демократии в международном коллективе, состоящем также и из российских участников?

А.М. Мигранян. Изначально была идея создать международный коллектив, для того чтобы преодолеть существующие диспропорции в анализе политических режимов как на Западе, так и в России. В основном на Западе о России пишут или без участия российских ученых, или если такие ученые там фигурируют, то они о России пишут так же, как сами западные участники, которые просто прилагают к России уже готовые лекала и параметры и сверяют, насколько российская действительность соответствует этим параметрам. А чтобы был коллектив высокого класса, участники которого политически не ангажированно и не имея заранее сформировавшихся стереотипов, свободно обсуждали бы ситуацию на Западе и в России, попытались рассматривать эти процессы в сравнительном и историческом контексте, и нужно было создать международный коллектив. До этого такого коллектива и такого исследования в принципе не существовало. Как правило, западные ученые, исходя из собственных политических представлений о России, или российские участники сами по себе писали и изолированно обсуждали проблемы политического режима, институциональной и ценностной системы России. Этот международный контекст дал воз-

возможность российским участникам понять язык и уровень дискуссии западной политической науки, а также дать западным участникам более глубокое и адекватное представление о том, что происходит в России, и насколько важно, не имея клише и стереотипов, попытаться понять и обогатить собственные знания и опыт новым материалом и новым пониманием процессов, которые происходят в нашей стране. Это дало возможность западным участникам, в первую очередь А. Пшеворски и другим, сказать, что они почувствовали себя значительно обогащенные в результате этих встреч, семинаров и подготовки монографии.

А.Д. Воскресенский. Дискуссии, связанные с подготовкой книги, проходили в Нью-Йорке и Москве в МГИМО-Университете на базе факультета политологии. Кто принимал участие в этих дискуссиях, на каком языке велись семинары, каков класс участников? И как вам видится специфика семинаров в Москве по сравнению с Нью-Йорком?

А.М. Мигранян. Надо сказать, что в основном дискуссии велись на английском языке и проходили в непринужденной обстановке как в Нью-Йорке, так и в Москве. Для иностранных участников семинар в Москве оказался знаменательным и потому, что целый ряд участников впервые оказались в столице России, среди них и А. Пшеворски, у которого очень интересная история. В прошлом году во время семинара у него происходило несколько знаменательных событий. Во-первых, он получил премию Упсальского университета имени Иохима Скитте (это самая высокая награда, которая присуждается политологу за его достижения), во-вторых, московское заседание совпало с его 70-летним юбилеем и выходом в свет его новой книги о демократии. Кроме того, А. Пшеворски оказался в России в период, когда в ней происходили события эпохального

характера в российско-польских отношениях. А. Пшеворски, будучи американским политологом, имеет польские корни. Но он не просто из Польши: у него в российско-польских отношениях есть своя история: еще не родившийся мальчик Адам лишился отца, который был офицером польской армии и которого расстреляли в Катыни. Именно поэтому Адам Пшеворски многие годы не посещал Россию. Это было его отношение к России, которое вытекало из его личной биографии. И конечно, он был счастлив, что в прошлом году произошли исторические события: серьезный сдвиг в сфере примирения между российским и польским народами. Премьер В. Путин и премьер Д. Туск были в Катыни, и российская сторона признала и извинилась за эту чудовищную трагедию, которая произошла с десятками тысяч польских офицеров в Катыни.

А.Д. Воскресенский. Насколько популярными были мнения дискуссионтов и каковы основные узлы дискуссии? С чем согласились все и что остается предметом дальнейших исследований?

А.М. Мигранян. Мнения дискуссионтов по целому ряду вопросов были достаточно разными, но уже при второй-третьей встрече западные и российские участники стали лучше понимать друг друга. Часто не соглашаясь друг с другом, они лучше понимали, что каждый из участников имеет в виду, занимая ту или иную позицию как по теоретическим вопросам, так и по вопросам конкретной политики относительно как западных стран, так и России. Но целый ряд вопросов остался открытым, об этом написал как в предисловии, так и в послесловии сам Пшеворски. В недавно вышедшей собственной книге он говорил о пределах демократической модели и о том, что нельзя рассчитывать на то, что эта модель идеально решает целый ряд вопросов, которые встречаются в совре-

менном обществе, как то: политическое участие и равенство, свобода, справедливая конкуренция между разными политическими партиями, соотношение роли государства и рынка, характер взаимоотношений между обществом и государством. Отмечая относительный характер решения этих вопросов в рамках политической теории демократии, тем не менее, практически все участники проекта понимали, что другие модели организации общества и власти в решении каких-то вопросов бывают более успешными, а в каких-то — менее успешными, но в целом демократическая модель обеспечивает более комфортное существование для современного человека, лучше обеспечивает его права и свободы.

А.Д. Воскресенский. Почему актуален такого рода проект? В чем его актуальность для России? А для американского и европейского интеллектуального и политического сообществ? Для других стран?

А.М. Мигранян. Такой проект очень актуален, как я уже говорил выше, практически не было проектов подобного рода. А. Пшеворски об этом написал как в предисловии, так и в ответ на критические замечания оппонентов, которые писали рецензии для издательства. Этот проект может оказаться неожиданным для многих на Западе, потому что для многих западных исследователей изначально ясно, каков характер власти и режима в России, у них есть свои критерии типа «Фридом Хаус», свои политически мотивированные взгляды и оценки. Достаточно взглянуть на огромное количество публикаций на тему России, где можно увидеть мультиплицирование этих клише. Не было случая, чтобы возникал проект, обращенный к Западу, в рамках которого российская сторона могла бы в полной мере развернуто обосновать и объяснить существующий режим в России с точки зрения российских исследователей, определить трен-

ды развития этого политического режима и вживую обсудить эти вопросы с видными западными учеными, которые тоже непредвзято готовы были бы их обсудить. Как правило, на Западе о России писали люди, которые занимались Россией многие годы и у которых есть свои предпочтения, своя история отношений с Россией, что в значительной степени предопределяет выводы, к которым потом приходят эти авторы.

А.Д. Воскресенский. Как вы оцениваете результат работы? Расскажите немного, как будет выглядеть будущая книга, где она будет печататься. Кто может быть в ней заинтересован, т.е. кто будет читателем будущей книги в России и мире?

А.М. Мигранян. Уникальность этого проекта в том, что здесь писали российские ученые и они представляли Россию, а с американской стороны оппонировали не те люди, которые уже имели о России сложившееся мнение, а теоретики демократии, специалисты, которые всю жизнь занимались сравнительной политологией, которые блестяще владеют и историческими, и сравнительными методологиями и не отягощены никакими тяжелыми воспоминаниями своих отношений с Россией, у которых не было ни любви, ни разочарования в России, что позволяло этим ученым давать более сбалансированные оценки как российскому политическому режиму, так и к тому, чтобы в историко-сравнительном контексте рассмотреть то, что происходит в нашей стране. Я думаю, что в этом смысле книга будет уникальная, так как в ней представлен серьезный анализ теории современной демократии на Западе, а с другой стороны, есть попытка со стороны как российских участников, так и иностранных положить безо всяких предвзятостей российский режим в историко-сравнительный контекст. Наверное, в этом смысл книги и ее сила и

значение. Впервые в рамках этой книги осуществляется попытка равного диалога, нет поучения, нет менторства одних по отношению к другим, и в этом сила, смысл и значение проекта. Мало того, своим участием группа выдающихся западных ученых поднимает этот проект на другой уровень, требует уважительного отношения к мнению российских участников и российского понимания собственных проблем и задач, собственного места в современном мировом политическом процессе.

Книга имеет и общетеоретические разделы, в ней есть работы, посвященные характеру российского политического процесса и российского режима, есть разделы, посвященные различным аспектам теории и практики демократии. Книга будет издаваться на русском и на английском языках. Английский текст уже подготовлен и отредактирован

для «Кембридж Юниверсити Пресс», и англоязычное издание выйдет в начале 2012 г. Русский вариант книги, который предполагался к выходу в дни Ярославского форума, по целому ряду политических и технических причин был отложен. Но уже есть договоренность с издательской группой «Эксперт», что книга выйдет в феврале, накануне президентских выборов 2012 г. Я очень рассчитываю, что книга будет полезной и нужной в учебном процессе для студентов и преподавателей как факультетов политологии, так и всех гуманитарных факультетов. Я надеюсь, что книга окажется серьезным поводом для стимулирования дальнейшей дискуссии как по проблемам демократии и вызовам к демократическим институтам и ценностям, так и дискуссии о природе политического режима России и о том, в каком направлении развивается этот режим.

ДЕМОКРАТИЯ В РОССИЙСКОМ ЗЕРКАЛЕ. ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ

А. Пшеворски

Адам Пшеворски, Джон Данн, Джон Ферджон, Стивен Холмс, Михаил Ильин, Борис Макаренко, Бернард Манин, Хосе Мария Мараваль, Андрей Мельвиль, Андраник Мигранян, Паскуале Паскино, Йан Шапиро, Валерий Соловей, Алексей Воскресенский.

1. Идея

Что мы можем понять о России, анализируя демократический опыт в разных странах мира? Что мы можем узнать о демократии, рассматривая ее в контексте современного этапа развития России? Эти два вопроса лежат в основе нашего коллективного исследования.

Наложение этих двух перспектив — демократия в русском зеркале и Россия в демократическом зеркале, с одной стороны, позволяет многое понять, а с другой стороны, представляет собой нелегкую исследовательскую задачу. Очевидно, не стоит удивляться тому, что после распада Советского Союза в России не произошло плавного перехода к институтам, которые сегодня общепризнанно считаются демократическими институтами. Таким образом, распространенный вопрос «Почему в России нет демократии?» превращается в вопрос «Почему есть ожидания, что Россия должна быть демократией?» Демократия, даже в минималистском значении понятия, как система, в которой существуют «свободные и честные» выборы, результаты которых признаются проигравшими, представляет собой историческое чудо, случайный результат обстоятельств и политических действий. Цитируя Стивена Холмса, «демократия — это крошечная часть человеческой истории, система политических принципов, встречающаяся очень ред-

ко в истории, поскольку должен присутствовать некий набор предпосылок для ее появления и развития». Пути к демократии извилисты, и, как показывает опыт России, легко «застрять» на середине пути или пойти по дороге, ведущей к новым формам авторитаризма (Андрей Мельвиль и Борис Макаренко).

Но зачем вставать на этот путь? Поставьте себя на место того, кто верит, что мирный политический порядок нельзя поддерживать, не прибегая к авторитарным способам правления, что демократию необходимо направлять в правильное русло и необходимо соотносить ее с опытом демократии в стране, которая является родиной этого явления. В этой стране можно увидеть общество, в котором почти половина граждан не принимает участия даже в президентских выборах, деньги проникают в политику и управляют ею, а между самыми бедными и самыми богатыми слоями общества существует огромная пропасть. В тюремных учреждениях этой страны содержится самое большое количество заключенных в мире. Этот образ, может быть, не отражает всех факторов, однако его нельзя не брать в расчет. Большинство людей судит о демократии по ее результатам, не только по наличию политической свободы, но и экономическому развитию, а также равенству социальных и экономических возможностей. Для того чтобы исследовать такое явление, как демократия, включая демократию в России, необходимо изучить демократические режимы в том виде, в котором они существуют, — то есть «настоящие демократии». Иными словами, цитируя Стиглицу, недостаточно «делать так, как мы говорим, а не так, как мы делаем сами».

Как однажды во время дискуссии воскликнул наш российский коллега: «Если в демократии есть недостатки, какая разница?» Мы полагаем, что «разница» есть. Однако не так просто определить ценность демократии как системы, ценность конкурентных выборов и политической свободы в период между выборами. Некоторые ответы приводятся ниже, однако, пожалуй, самой главной чертой демократии является ее постоянное стремление к самосовершенствованию (Б. Манин), то, что демократический проект никогда не может быть завершен. Демократия — это система, которая обладает способностью адаптироваться к меняющимся условиям, которая открыта институциональным изменениям. Жизнеспособность и устойчивость демократии появляется благодаря способности системы не только проводить реформы сверху, но и учитывать давление снизу. Как заявил в своей речи перед парламентом первый демократически избранный премьер-министр Испании Адольфо Суарез: «Будущее не написано, потому что только люди могут написать его».

Именно поэтому участники этого проекта, российские и международные участники, разделяют стремление к свободе, благосостоянию и равенству. Те из нас, кто живет в государствах с устоявшимися демократическими нормами, не боятся, что недостатки демократии подорвут ее значение. Мы можем постоянно критиковать то, как функционирует демократия в конкретно взятых случаях, но защищать непререкаемые ценности демократии.

Наша цель состоит в том, чтобы исследовать опыт демократических режимов с точки зрения нормативного и позитивистского подходов. Кроме того, нам было бы интересно рассмотреть текущую ситуацию в России, истоки, сегодняшнее состояние, возможные сценарии будущего развития в контексте общетеоретического понимания особенностей эволюции и функционирования политических режимов. Мы полагаем, что подобный

анализ будет давать полезную информацию для избегания ошибок, хотя потенциально каждый может сделать свои выводы. Было бы слишком самонадеянно утверждать, что внешние наблюдатели видят ситуацию лучше: опыт американских советников в России в период правления Бориса Ельцина, дававших советы по «имитации американской политической системы», был катастрофичен и для России, и для имиджа демократии в России. «Демократия» — лозунг, несущий геополитическую нагрузку, нередко использовался для демонстрации превосходства одних государств над другими. Книга о России и Западе не может игнорировать это идеологическое наследие.

Мы хотели бы подчеркнуть, что не хотим навешивать ярлыки и раздавать призовые места тем или иным политическим режимам. «Слон в комнате» — это вопрос «Является ли Россия демократией?» или «В России меньше демократии, чем в Японии, США или Италии?». Тем не менее любая попытка задать подобные вопросы неизбежно теряется в определениях, которые возможно согласовать друг с другом, однако из них нельзя получить новое знание. Нам необходимо избегать крайностей, особенно в случае дихотомии демократии — авторитаризма, что привело многих самопровозглашенных победителей холодной войны к выводу, что достаточно избавиться от авторитаризма, чтобы настала демократия. Однако этот подход не подразумевает, что не существует единых подходов для оценки и анализа политических режимов, таких как наличие: политической свободы, социального и экономического благополучия, гражданского мира.

Мы сконцентрировали внимание на анализе того, как на самом деле функционирует демократия, каких целей она достигает и в каких аспектах показывает свою неэффективность. Мы задались целью понять, какие ожидания оправданы по отношению к демократии и почему иногда они не реализуются.

ся. По ходу анализа мы обращаем внимание на возникновение демократии и стадии ее развития. Именно поэтому мы воспринимаем демократию не только как состояние, но и как процесс. Различные общества могут находиться на разных ступенях развития, иметь разные цели и сталкиваться с разного рода вызовами и проблемами. В некоторых случаях можно наблюдать многовековое поступательное развитие демократических норм, отдельным государствам приходится одновременно иметь дело с государственным строительством, сохранением национального единства и политической конкуренции. Таким образом, необходимо определить предпосылки: что возможно, где и когда?

Очевидно, что сама формула уже вызывает разногласия: «свобода и справедливость», «порядок и процветание» или иные критерии, которые лежат в оценке, проводимой рядовыми гражданами. Иногда в эту оценку включаются статистические данные или рациональные факты, однако порой предметом оценки становится поведение политиков, моральные нормы и ценности, которые невозможно оценить с помощью рациональных методов. Авторы книги, конечно, имеют разногласия по многим фактическим и нормативным вопросам. Однако мы верим, что претензия на истину — это гарантия катастроф.

2. Предварительное содержание

Введение

Часть I. Россия

Михаил Ильин. Российский опыт: от радикальной эмансипации к суверенной демократии

Первоначальное употребление слова «демократия» в русском языке может быть отнесено к переводу книги Самюэля Пуфендорфа «Введение в европейскую историю» (1718). Слово получило

специфические для России коннотации в середине XIX в. — в период отмены крепостного права и проведения модернизационных реформ. Это было время дискуссий о демократическом начале русского крестьянства и архитипичной централизованности чистой и некоррумпированной формы (прямой) демократии в русской общине.

В древней и средневековой Руси идеи демократии и авторитаризма не противостояли друг другу, а совмещались. В средневековых русских текстах такие слова, как «самодержавие», «самовластие» и «самоволие», использовались для обозначения как демократических, так и авторитарных тенденций.

Возникновение в XV в. Великого княжества Московского ознаменовало освобождение после трехвекового внешнего господства. Этот великий акт освобождения немедленно привел к росту авторитарных тенденций. Такое развитие событий еще будет повторяться в истории страны: во второй раз в середине XVII в. накануне польского и шведского вторжения и Смуты; в третий раз после вторжения Наполеона и Отечественной войны 1812 г.; в четвертый раз после Октябрьской революции и гражданской войны; в пятый раз — после распада СССР.

Стремление скорее достичь «чистой» или полной целостности власти и народа (гораздо более древнее, чем история демократизации) постоянно приводило к восстановлению автократической «интеграции» России сверху. На смену суверенной демократии может прийти система с большей подотчетностью власти народу и большим политическим участием граждан. Эффективность системы зависит от степени адекватности использования важнейших элементов российской демократической традиции, а также исключения риска радикализации с помощью поддержания терпимости и готовности идти на компромиссные решения.

ДЕМОКРАТИЯ В РОССИЙСКОМ ЗЕРКАЛЕ

Андраник Мигранян. Особенности российской политики

Нынешние российские власти проявляют большую осторожность в проведении либеральных демократических реформ, помня прошлый опыт, когда подобные реформы дважды привели к развалу государства и радикальным сдвигам политического режима от одной крайности к другой. За прошедшее десятилетие выборы в России утратили основную демократическую характеристику — неопределенность исхода выборов. Причиной являются все еще существующие силы, направленные против системы, которые могут внести коренные изменения в российскую политическую и экономическую систему, если бы они пришли к власти через выборы. Россия — это не Западная Европа или Соединенные Штаты Америки, где неопределенность исхода выборов сопровождается несомненной определенностью, что победитель не попытается изменить основы социально-политической системы. В России процесс перехода к консолидированной демократии и выборам на конкурентной основе определяется продолжающимся процессом формирования общества по нескольким направлениям: гражданскому, социальному и политическому. Этот процесс требует адаптации российского общества к трудностям культуры горизонтального политического управления, которое сделало бы возможным достижение политического консенсуса, согласия по вопросам взаимного интереса и отказа от подхода «победитель получает все». Российские власти твердо намерены двигаться к либерально-демократическим институтам и ценностям, но они хотят это делать самостоятельно, определяя свои приоритеты и собственные действия без влияния извне.

Валерий Соловей. Цветные революции и Россия

В этой главе Россия сравнивается со странами, в которых произошли цветные революции: с Грузией, Украиной, Кыргызстаном и Молдовой. Анализ проводится в теоретических рамках социологической теории революций. Рассмотрены главные причины цветных революций, их характер и результаты. Проанализирована политика российских властей по предотвращению революции. Главные факторы революции отсутствуют или слабо выражены в России. В то же время указано на фундаментальную невозможность предсказать революцию.

Стивен Холмс. Имитируя демократию, имитируя авторитаризм

Растущий российский государственный аппарат не только внутренне разбит на фракции, но также слабо связан с обществом, в большинстве своем пассивным, деполитизированным и слабо организованным. Силловые структуры государственной бюрократии, особенно ФСБ и МВД, больше преуспели в рейдерстве, т.е. в использовании угрозы силой, для перераспределения денежных потоков для своих членов, чем в разрешении множества других проблем в России. Однако упразднение регулярных выборов в Думу и президентства представляется невозможным. Эти выборы не дисциплинируют власть и не делают ее более отзывчивой и подотчетной избирателям. Так какую функцию они выполняют? И почему перспектива фальсифицированных выборов, которые не имеющая соперников партия «Единая Россия» не может проиграть по определению, тем не менее вызывает что-то близкое к панике в правящей группировке? Эта глава исследует политическую мимику в постельцинской России. Мой тезис заключается в том, что псевдодемократию в сегодняш-

ней России можно понять только в контексте целой череды подражательных императивов: имитации авторитаризма, имитации государственности, имитации национального единства и т.д.

Часть II. Демократия: Что это такое? Как она работает? Что она делает? Общие перспективы

Джон Данн. Оценивая демократию как форму правления для конкретных государств: утопия или апологетика?

Получение власти через честные и свободные выборы является наиболее вероятной и самой распространенной формулой для легитимизации правительства. Распространенность того, что называется свободными и справедливыми выборами, отражает сохраняющуюся потребность в легитимности режима и относительную правдоподобность этого пути для ее получения. Демократия — обманчивый критерий для легитимности сегодня, потому что ей приходится совмещать чрезвычайную концептуальную неопределенность с экстравагантной политической гиперболой. Недавние выборы в России нельзя назвать свободными по ряду аспектов, и, как и выборы везде, они были в значительной степени несправедливыми. Главный идеологический спор в России сегодня заключается в том, будет ли будущее страны более безопасным, если выборы будут свободнее и справедливее. Этот вопрос лучше рассматривать с точки зрения относительных политических достоинств различных политических сил в России, чем с точки зрения политических составляющих демократии как типа режима.

Паскуале Паскино. Демократия: античная и современная, преимущества и недостатки

Эта глава содержит общий исторический обзор концепции демократии

как действующего общественного строя. Термин появился в Греции в V столетии до н.э. для обозначения наиболее всеохватывающей формы самоуправления в политическом сообществе, где выборы играли незначительную роль. Теория Фома Аквинского о смешанном устройстве государства стояла у истоков нового политического языка, которым мы все пользуемся и который отождествляет демократию с народным выбором правящей элиты через выборы. Последний раздел главы — попытка оценить положительные аспекты и недостатки современного представительного правительства, основанного на конкурентных регулярных свободных выборах.

Алексей Воскресенский. Общие закономерности, региональные/национальные факторы и концепция незападной демократии.

Экономические и политические проблемы, которые стоят перед модернизирующимися странами незападного мира, не уникальны. Западные страны разрешили их раньше, следуя собственными путями и в собственных временных рамках. Однако способы разрешать эти проблемы являются уникальными для каждой страны из-за регионального, а также национального факторов. Следовательно, существует множество способов, которыми та или иная страна модернизирует свою экономическую или политическую систему; главный результат — успех или несостоятельность всего процесса модернизации. Примечательно, что несколько стран на Востоке, в регионе, который в целом начал путь в этом направлении позже, чем Запад, нашли свои, отличающиеся от западных, пути модернизации. Очерчивая изначальную разницу между западными и незападными обществами, можно попробовать определить особые характеристики политического процесса в странах незападного мира. Это потре-

ДЕМОКРАТИЯ В РОССИЙСКОМ ЗЕРКАЛЕ

бует определить общую специфику незападных обществ. Согласно доводам, развернутым в этой главе, мы можем добавить «пространственное» измерение к политическому анализу развития незападных стран, что связано с географической и культурно-политической логикой их развития. Чтобы сформулировать эти идеи, нужно отклассифицировать все разнообразие политических систем и моделей в определенные типы, основываясь на идеологии управления государством и структурах их политических режимов, так же как на некоторых других параметрах политических систем. Это дает нам возможность определить разные категории демократии: ультралиберальная, либеральная, нелиберальная и добавить новую категорию — незападная демократия, концепция которой объяснена в деталях в этой главе.

Адам Пшеворски. Незападная демократия на Западе

Заявление, что устройство политической системы в стране должно отражать ее культуру, недавно было возрождено в различных концепциях «незападных демократий», но нет никаких серьезных оснований верить, что культурные традиции ограничивают политические возможности. Изначальный замысел, лежащий в основе установления представительного правительства на Западе, также был основан на заявлении, что общество гармонично и что коллективные решения должны быть основаны на консенсусе. Но Запад осознал, даже если это заняло долгое время, что упорядоченные политические конфликты не угрожают гражданскому миру и что политическое устройство можно поддерживать даже при наличии острой политической конкуренции. Традиции пластичны и содержат неоднородные принципы, из которых политики могут многое выбрать.

Борис Макаренко. Роль выборов в демократических режимах

Достоинство выборов состоит не только в конкуренции кандидатов, но и в том, что они являются ритуалом, и, по сути, единственным, когда народные массы участвуют в политике. Даже бесконкурентные выборы превращают единицу общества в избирателя: они приучают граждан, что голосование — это единственный путь создания представителей власти. Возникновение выборов в «традиционных» и «развивающихся» демократиях было уже исследовано. Степень конкуренции может быть охарактеризована как «допустимая неопределенность», что означает предел, до которого правящая элита готова доверить избирателям судьбу власти или, в негативном определении, степень контроля и манипулирование избирательным процессом. Конкурентные выборы легитимизируют не только победителей, но и проигравших, определяют расстановку политических сил и стиль политики. В то время как установить характеристики, которые делают выборы «свободными и честными», довольно трудно, видимые черты того, что выборы были сманипулированы и подтасованы, могут быть легко обнаружены.

Хосе Мария Мараваль. Выборы и проблемы больше демократии

Некоторые политические лидеры в демократических странах поощряли программы «больше демократии». Это контрастирует с позициями политических лидеров в России, в частности, Владимира Путина и Дмитрия Медведева, которые видят угрозу в демократических реформах. Глава рассматривает особенности пяти политических проблем устойчивых демократий: информация, которую граждане должны соотносить с политическими обязанностями; неопределенность выборов; разделение властей, которые могут обеспечить возможность

вращения в управлении; существование надежной оппозиции и сохранения правил соревновательности; доминирование избирательных голосов граждан над автономными стратегиями политиков. Эти пять проблем воздействуют на контроль граждан над органами власти. В ответ на политический и экономический хаос, который последовал за крахом коммунизма, правители России пытались создать сильное и способное государство, как предварительное условие демократии. Выборы в России находятся под контролем Кремля: это инструмент господства, а не форма гражданского самоуправления. То, что существует, — это лишь псевдодемократия. Страх того, что демократия ведет к политическому и экономическому хаосу, опровергнут огромным количеством сравнительных данных. Русские правители не могут решиться перейти от псевдодемократии к демократии.

Йан Шапиро. Демократия между выборами

Данная глава говорит о роли партийной оппозиции, групп интересов, и гражданского общества в период между выборами. Партийная оппозиция представляет будущее правительство, предоставляет информацию и структурирует основные политические прения (которые не являются тем же, что «обсуждения»), и предусматривает антикоррупционную проверку. Если кандидаты хотят, чтобы оппозиция была лояльна, они должны создать для оппозиции стимулы к сотрудничеству путем уступок некоторым из их интересов. Роль групп интересов варьируется в зависимости от демократических систем, так что это не предмет для легкого обобщения. Влияние на формирование общественного мнения — один из их наиболее важных, но недооцененных результатов групп интересов. Наконец, время от времени гражданское общество формиру-

ет политические движения, но вопрос о степени, в которой важные, но взгляды меньшинства должны быть урегулированы в условиях демократии, остается открытым.

Часть III. Пути политических изменений

Джон Ферджон. Учреждение демократического управления

Россия находится в ситуации перехода, и многие надеются, что этот переход приведет к созданию стабильного либерально-демократического режима. Переходные ситуации трудно определить заранее, пока такой переход не произошел на самом деле. Поэтому в действительности мы не знаем, смотрим ли мы на переход или стабильный полуавторитарный режим. Некоторые считают, что нынешний режим может быть охарактеризован термином «суверенная демократия»: «демократия» не из-за нынешней практики, но из-за будущего — того, в котором она, в конечном итоге, превратится в либеральную демократию. Данная точка зрения определяет современных обладателей власти практикующих, как устанавливающие, так и установленные силы. Однако эти два вида власти не могут сосуществовать, так как устанавливающая имеет мощный стимул и специальные возможности, чтобы стать постоянной: быть не только конституционным диктатором, но и обычной властью тоже. В главе также есть попытка изучить эту ситуацию в теоретическом плане, она предлагает выбор, перед которым стоят русские политические лидеры, и выражает скептицизм по поводу суверенной демократии, потому что она похожа на вариант конституционной диктатуры.

Адам Пшеворски. Политические учреждения и политический порядок

Эта глава — попытка понять, почему некоторые страны не в состоянии устано-

вить никакого мирного порядка, немногие сохраняют порядок без проведения выборов, многие славятся мирными выборами, в которых оппозиция либо не позволена совсем, либо у нее нет шанса на победу, в то время как в других странах, в тех, которые мы называем демократическими, выборы конкурентные и мирные. Он подчеркивает факультативную роль силы и согласия, сосредотачиваясь на роли политических учреждений в структуризации, разрешении и урегулировании конфликтов. Затем мы задаемся вопросом, при каких условиях страны принимают соревновательные выборы, утверждая, что такие переходы обычно влекут за собой раскол в элитных кругах, сопровождающийся всеобщей мобилизацией.

*Борис Макаренко, Андрей Мельвиль.
Что и как замедляет переходы к демократии?*

Авторы рассматривают третью волну демократизации и анализируют роли, которые играли во время современных переходов к демократии объективные

(структурные) условия и субъективные (связанные с действиями участников политического процесса) факторы, такие как злой умысел, личные амбиции и мнения, ошибки участников переходного процесса. Рассматривая 29 посткоммунистических стран, авторы изучают то, насколько структуры или действующие лица несут ответственность за провал планов, проблемы или полные неудачи таких переходов. Рассматривая масштаб благоприятных и неблагоприятных факторов, они приходят к выводу, что факторы, связанные с теми или иными шагами действующих лиц политического процесса, оказались решающими для политических итогов каждого перехода. В отдельных случаях решения основных участников оказывались определяющими для успеха перехода к демократии, в других эти решения останавливали переход или приводили к новым формам авторитарного правления. Роль действующих лиц определяет общую траекторию политической трансформации, а демократическая консолидация невозможна без минимальных структурных предпосылок.

REALLY EXISTING DEMOCRACIES: DEMOCRACY IN A RUSSIAN MIRROR

Adam Przeworski

*Adam Przeworski, John Dunn, John Fe-
rejohn, Stephen Holmes, Mikhail Ilyin, Bo-
ris Makarenko, Bernard Manin, JosÈ MarÌa
Maravall, Andrei Melville, Andranik Migran-
yan, Pasquale Pasquino, Ian Shapiro, Valery
D. Solovei, and Aleksei D. Voskressenski.*

1. Motivation

What can we learn about Russia from the experience of democracy around the world? What can we learn about democracy when we view it from the perspective of contemporary Russia? These two questions motivate our inquiry.

Juxtaposing these two perspectives — democracy in a Russian mirror and Russia in the democratic mirror — turns out to be both revealing and demanding. Perhaps most obviously, we should not be surprised that post-communist Russia did not smoothly embrace institutions and practices that we recognize these days as “democracy.” The correct question is not “Why there is no democracy in Russia?” but “Why would one expect there would be?” “Democracy,” even in its minimalist understanding as systems in which elections are “free and fair” and their results are obeyed by the losers, is a historical miracle, a contingent result of circumstances as well as of intentions. As Holmes puts it, “democracy is a tiny spot in human history, a political arrangement so rare historically that it must have very special preconditions for it to emerge and survive.” The paths to it are convoluted and, as the experience of Russia manifests, it is easy to get “stuck” (Makarenko and Melville) or even derailed into a new form of authoritarianism.

But why enter onto this path at all? Put yourself in the place of some-one who believes that peaceful political order cannot be maintained unless it is regulated by an au-

thoritarian state, that democracy must be “guided,” “tutored,” or “led,” and examine the experience of a country that heralds itself as the cradle and the prototype of modern democracy. You will see a society in which almost half of citizens do not vote even in presidential elections, in which money unabashedly permeates politics, a society that has the highest income inequality in the developed world and the largest prison population in the entire world. This picture may be self-serving but it cannot be easily dismissed. Most people around the world evaluate democracy by its outcomes, political freedom but also economic development and socioeconomic equality. To put forth a case for democracy, including democracy in Russia, one must confront the experience of democracies as they are, “really existing democracies.” To cite Stiglitz (reference), it is not enough to urge “Do as we say, not as we do.”

As one Russian colleague desperately exclaimed during our discussions, “If democracy is flawed, what is the difference?” We think that there is a difference, indeed, there are differences. But pinning down the value of democracy, the value of competitive elections and of political freedom between elections, is not easy and the answers cannot be facile. While several specific answers are proposed below, perhaps the most important feature of democracy is that it is unceasingly perfectible (B. Manin), that the democratic project is never completely accomplished, that democracy is a system that can and does adapt to changing circumstances, perpetually open to institutional innovation. And the force of democratic vitality are not only reforms from above but also pressures from below. As the first democratically elected Spanish Prime Minister, Adolfo Suarez, announced in his opening speech to the parlia-

ment, “The future is not written, because only the people can write it.”

This is why the participants in this adventure — Russian and non-Russian — can share the same pursuit, a pursuit of freedom, welfare, and equality. This is why those of us who live in countries with well entrenched democracies are not afraid that finding faults in our democratic systems would undermine the value of democracy: we can simultaneously criticize the way democracy functions in our particular countries and advocate its generic virtues.

The title that best identifies and organizes our interrogations is perhaps “Really Existing Democracies”. As this title suggests, our purpose is to confront the actual experience of democracies across the globe with both normative and positive conceptions of democracy. We are particularly interested in placing the current political situation in Russia — its origins, its present form, and its possible futures — in the context of general knowledge about the functioning and the evolution of different political regimes. We hope that this knowledge generates lessons from which all can learn, even if perhaps particular people will draw different conclusions. But it would be presumptuous to think that outsiders know better: the experience of American advisers to Russia during the Yeltsin period — “imitate us” — was disastrous not only for Russia but also for a good name of democracy in Russia. “Democracy” as a slogan containing a geopolitical agenda and it has been used to prove the superiority of some countries over others: A book about Russia and the West cannot ignore this ideological legacy.

It bears emphasis that it is not our intention to attach labels or award points to particular political regimes. The elephant in the room is the question “Is Russia a Democracy?” or “Is it less of a democracy than the United States, Italy, or Japan?”. But any attempt to address such questions becomes inevitably mired in definitions, which perhaps please but do not enlighten. We need to escape the prison of polarities, especially the authoritarian-democratic dichotomy, which

led many some self-proclaimed victors of the Cold War to conclude that it is sufficient to get rid of the former to get the latter.

Our focus is analytical. We want to understand how democracy really works, what goals it achieves, and in what aspects it fails. We want to assess what one can reasonably expect of democracy at its best but also why it is not always at its best. We are interested in the genesis of democracy and stages of its evolution. Hence, we approach democracy not only as a state but a process as well. Different polities may find themselves at different stages of development and may face different challenges and goals. Some may enjoy centuries of gradual democratic development, others may simultaneously face the challenges of state-building, national integration, and political competition. Hence, we need to identify “pre-conditions”: what is possible where and when?

Obviously this very formulation may evoke disagreements. They may concern the criteria by which any political regimes should be judged: “freedom and justice,” “order and prosperity,” or whatever criteria individual citizens want to judge them by. They may also concern facts, the stylized statistical facts that rationalize our general beliefs but also facts not subject to systematic observation, such as the intentions or the moral virtues of politicians. Indeed, the authors of this volume continue to disagree about several issues, normative as well as factual. This is as it should be: pretensions of certainty are a recipe for disasters.

2. Tentative Contents

Introduction

Part I: Russia

Mikhail Ilyin. Democracy: Russian Perspectives

The chapter provides a linguistically-oriented historical background of “democracy” and related cognates in the Russian historiography.

Andranik Migranyan. Peculiarities of Russian Politics

Nowadays Russian authorities are very cautious when conducting political reforms toward liberal democracy because of their past experience, when twice this kind of reforms led to the collapse of the state and radical shifts of the political regime from one (right) extreme to the other (left) and vice versa. Russian elections of the past decade lack the most important characteristic of democracy — the uncertainty of the elections outcome. The reason is that still there are very strong anti-system forces that could carry out fundamental changes of Russian political and economic system if they would come to power through elections. Russia is not Western Europe or the United States, where uncertainty of electoral outcomes is accompanied by an unequivocal certainty that the winner will not attempt to change the foundations of the socio-political system. In Russia the process of transition to consolidated democracy and competitive elections is determined by the ongoing process of formation of several citizenships simultaneously: civil citizenship, social citizenship, cultural citizenship, and political citizenship. This process requires adaptation by Russian people to the difficulties of the culture of horizontal political controls, which would render possible to build consensus, achieve agreements of mutual interest, and renounce a zero-sum game. Russian authorities are determined to move in direction of liberal-democratic institutions and values, but they want to do it on their own, determining their own priorities and their actions without someone from the outside rushing them.

Valery D. Solovei. Color Revolutions and Russia

The chapter compares Russia with the countries that have experienced color revolutions: Georgia, Ukraine, Kyrgyzstan and Moldova. The sociological theory of revolutions provides a theoretical framework for

the analysis. The main reasons of color revolutions, their character and revolutionary results are considered. Counter-revolutionary policies of Russian authorities are analyzed. The main factors of the revolution are absent or poorly expressed in Russia. At the same time, the fundamental inability to predict a revolution is pointed out.

Stephen Holmes. Imitating Democracy, Imitating Authoritarianism

The sprawling Russian state apparatus is not only internally factious but also weakly connected to a largely passive, depoliticized, and weakly organized society. The militarized wings of the state bureaucracy (especially the FSB and MVD) have had greater success in “*raiderstvo*”, that is, using the threat of violence to transfer cash flows to their members, than in solving any of Russian myriad problems. Nevertheless, it seems impossible to imagine the abolition of periodic national elections for the Duma (national legislature) and the Presidency. These elections do not serve to discipline power or make it responsive and accountable to the voters. So what function do they serve? And why does the prospect of rigged elections, which the unrivaled United Russia party cannot possibly lose, nevertheless produce something that seems close to panic in the ruling clique? This chapter is a study of political mimesis in post-Yeltsin Russia. My thesis is that pseudo-democracy in today’s Russia can only be understood in the context of a whole series of imitative imperatives: the imitation of authoritarianism, the imitation of stateness, the imitation of nationhood, etc.

Part II: Democracy: What It Is? How It Works? What It Does? General Perspectives

John Dunn. Judging Democracy as Form of Government for Given Territories: Utopia or Apologetics?

Authorization by presumptively free and fair elections is the least implausible and most

widely diffused current formula for legitimating government. The prevalence of purportedly free and fair elections reflects the continuing current force of the need for regime legitimation and the relative plausibility of this way of supplying it. Democracy is a treacherous criterion for legitimacy today because it has come to combine extreme conceptual vagueness with extravagant political hyperbole. Elections in Russia have recently been less than wholly free in several respects, and, like elections everywhere, they are often quite elaborately unfair. A central ideological disagreement in Russia today is whether the country's future would be more or less secure if its elections were considerably freer and fairer. This is better seen as a question about the relative political merits of different Russian political forces and agents than as one about the political properties of democracy as a type of regime.

Pasquale Pasquino. Democracy: Ancient and Modern, Good and Bad

The chapter offers a general historical survey of the concept of democracy as a really existing political regime. The term was born in Greece in the 5th century BC to designate the most inclusive form of self-government in a political community, with elections playing a marginal role. Thomas Aquinas' theory of mixed constitution is at the origin of a new political language, the one we still use, which identifies democracy with the popular choice of the governing elites through elections. The last section of the article is an attempt to assess the positive aspects and the drawbacks of contemporary representative government (vulgo democracy) based on competitive repeated free elections.

Alexei D. Voskressenski. Non-Western Democracy

General Settings, Regional/National Factors and the Concept of Non-Western Democracy

The economic and political problems facing the modernizing countries of the non-

Western world are not unique to any of them. Western countries had solved them earlier, albeit in their own ways and within their own timeframes. However, the ways of solving these non-unique problems are in fact exclusive to each country because of regional as well as national factors. Hence, there are different ways in which a country's social, economic and political systems modernization can be successful, problematic or unsuccessful and the ultimate result is either success or failure of the entire modernization process. Remarkably, several countries in the East a region that, as a whole, has embarked on this path later than the West, have managed to come up with them in its own way, different from the Western one. Having delineated the initial difference between Western and non-Western societies, it is possible to try to determine the special character of the non-Western political process. This requires defining the systemic particulars of non-Western societies. According to the arguments developed in the chapter, we can add a spatial dimension to the political analysis of the development of non-Western countries; this is tied to the civilizational/geographical and cultural/political logic of their development. Having formulated these ideas, it is possible to categorize all varieties of political systems and models into specified types based on their ideologies of state governance and the structures of their political regimes, as well as on certain other parameters of their political systems. This makes us to define different types of democracies: ultra-liberal, liberal, illiberal and to add a new category — non-Western democracy, the concept explained in details in the chapter.

Adam Przeworski. Non-Western Democracy in the West

While the claim that political arrangements must reflect particular cultures has been recently revived in different conceptions of "non-Western democracy," there is no good reason to believe that cultural traditions limits political possibilities. The orig-

inal conceptions underlying the establishment of representative government in the West was also based on a claim that societies are harmonious and that collective decisions should be based on consensus. Yet, even if it took a long time, the West learned that regularized political conflicts do not threaten civil peace and that political order can be maintained even in the presence of partisan competition. Traditions are plastic and contain heterogeneous principles from which politicians can pick and choose.

Elections and Between Them

Boris Makarenko. Really Existing Democracies: The Role of Elections

The virtue of elections is not limited to competition: they are a ritual but the only one in which masses of citizens get involved in politics. Even non-competitive elections change subjects into voters: they habituate citizens to voting as a sole way to create rulers. The genesis of elections in “traditional” and “emerging” democracies is explored. The degree of competitiveness can be characterized by “affordable uncertainty” that is, the extent to which the ruling elites are prepared to entrust the destiny of power-holding to voters, or, in a negative definition, the degree of control and manipulation of the electoral process. Competitive elections legitimize not only winners but also losers, shape the political landscape, and the style of politics. While observing the features that make elections “free and fair” is difficult, visible signs that elections have been manipulated or fraudulent can be detected.

Jose Maria Maravall. Elections and the Challenge of More Democracy

Some political leaders in democracies have encouraged programs of “more democracy”. This stands in contrast with the positions of political leaders in Russia, notably Vladimir Putin and Dmitri Medvedev, who see democratic reforms as a threat. The pa-

per examines more particularly five political problems of established democracies: the information that citizens need to attribute political responsibilities; the uncertain verdict of elections; the division of power that can ensure the possibility of rotation in office; the existence of a credible opposition and the preservation of the rules of competition; the prevalence of the electoral verdict of citizens over autonomous strategies of politicians. These five problems affect the control of citizens over governments. Reacting against the political and economic chaos that followed the collapse of Communism, rulers in Russia have tried to establish a strong and capable state as a pre-condition of democracy. Elections in Russia are controlled by the Kremlin: they are an instrument of domination, rather than a form of citizens’ self-government. What exists is only a pseudo-democracy. Fear of democracy leading to political and economic chaos is contradicted by vast comparative evidence. Russian rulers cannot credibly commit themselves to a passage from pseudo-democracy to democracy.

Ian Shapiro. Democracy between Elections

This chapter summarizes the role of partisan opposition, interest groups, and the civil society in between elections. Partisan opposition provides a government in waiting, generates information and institutionalizes arguments about politics (which are not the same as “deliberation”), and provides an anti-corruption check. If the incumbents want to the opposition to be loyal, they need to create incentives for the opposition to cooperate by accommodating some of their interests. The role of interest groups varies across democratic systems, so it is not an easy subject for generalizations. One of their important, insufficiently appreciated, effects is on shaping public opinion. Finally, civil society at times spontaneously erupts in the form of political movements but the normative question of the extent to which expressions of intense but minoritarian views should be ac-

commodated under democracy remains open.

Part III: Paths of Political Change

John Ferejohn. Instituting Democratic Governance

Russia seems to be in a transitional situation and many hope that this transition will lead to the establishment of a stable liberal democratic regime. Transitional situations are hard to define in advance, however until some kind of transition has actually taken place. So we do not really know if we are looking at a transition or a stable semi-authoritarian regime. Some think that the current regime can be characterized as a sovereign democracy not because of its current practices but because of its future promise that will eventually transform itself into a liberal democracy. This view seems to see the current power holders as exercising both constituent and regular (constituted) powers. These two kinds of power may not be able to coexist, however, because the constituent has a strong incentive and special opportunities to make itself permanent: to be not only a constitutional dictator but an ordinary one as well. The paper tries to explore this situation on a theoretical plane and suggests some choices confronting Russian political leaders and expresses skepticism about sovereign democracy because it seems a variant of constitutional dictatorship.

Adam Przeworski. Political Institutions and Political Order

The chapter is an attempt to understand why some countries are unable to establish any kind of peaceful order, a few maintain order without holding elections, many cel-

ebate peaceful elections in which opposition is either not allowed at all or not given a chance to win, while in some countries, those that we identify as democracies, elections are competitive and peaceful. He emphasizes the complementary role of force and consent, focusing on the role of political institutions in structuring, absorbing, and regulating contacts. He then inquires under what conditions countries adopt competitive elections, arguing that such transitions typically entail divisions within the elite accompanied by popular mobilization.

Boris Makarenko and Andrei Melville. How Do Transitions to Democracy Get Stuck and Where?

The authors review the outcomes of the third wave of democratization and analyze the roles played in contemporary transitions by “objective” (“structural”) conditions for democracy and by “subjective” (actor-related factors, like will, personal ambitions or perceptions, vested interests, or mistakes of actors involved in the transition processes. Considering twenty-nine post-Communist countries, they explore whether structure or agency was responsible for transitions that got stuck, deviated from the expected route, or just failed. Examining the scope of favorable and unfavorable factors, they found that agency-related factors were critical in determining the political outcomes of particular transformations. In certain cases decisions of major political actors contributed crucially to the success of transitions to democracy, in others these decisions arrested the process or led to new forms of authoritarian rule. The role of agency is critical in determining the general trajectory of political transformation, while democratic consolidation requires at least a minimum of structural prerequisites.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В.М. Алпатов

Я не могу считать себя профессиональным политологом, пусть даже я имею отдельные публикации в этой области. По образованию и по основной профессии я лингвист, работаю в науке о языке более сорока лет, в том числе одна из моих специализаций — история лингвистики. В политологии, как и в других социальных науках, я не профессионал, поэтому все, что дальше будет говориться по этим вопросам, очень возможно, является чистым дилетантством, за что заранее приношу извинения.

Тем не менее, читая иногда политологическую литературу, я ощущаю, насколько по своим подходам и методам науки об обществе отличны от привычной для меня науки о языке¹. Безусловно, каждая наука имеет свою специфику, связанную со своим предметом. Однако есть вопросы, значимые для любой эмпирической науки, познающей мир, а это почти все в этой сфере, исключая разве что математику². Один из таких вопросов — соотношение между общим, особенным и индивидуальным, разграничение всеобщих свойств изучаемого явления и его индивидуальных проявлений. Важны и вопрос о точке отсчета, эталоне для выявления общего в многообразии, и вопрос о наличии или отсутствии оценки. Представляется, что лингвистика и политология пока что здесь следуют разными путями, особенно разойдясь в последнем столетии.

Сначала о лингвистике. Каждая лингвистическая традиция появляется на основе изучения какого-то отдельного языка, языка «своей» культуры. «Чужие» языки не кажутся «настоящими» языками

и игнорируются³. У древних греков «бормотание варваров» приравнивалось к голосам животных⁴. Впервые подняли вопрос об общих свойствах *Языка вообще* схоласты XIII–XIV вв., но они ориентировались только на латинский язык, поэтому соответствие оказывалось взаимно однозначным. Идея множества языков сложилась в Европе лишь при переходе к Новому времени, когда господство латыни уступило место развитию разных национальных языков. Эта идея закономерно вводила в науку две другие идеи: 1) языки можно и нужно сравнивать; 2) следует разграничивать общие свойства Языка и частные свойства французского, немецкого, английского, русского и других языков. В науке о языке начался период господства сравнительного подхода в разных его видах, который продолжался с XVII в. до середины XX в.; остается важным этот подход и сейчас.

Одной из первых книг, где рассматриваемая здесь проблема систематически изучалась, стала знаменитая грамматика Пор-Рояля, изданная во Франции в 1660 г. В ней была выдвинута идея общей логической основы всех языков мира, которая по-разному проявляется в конкретных языках. Авторы (А. Арно и К. Лансло) строили эту логическую основу, исходя из известного им множества языков. Это латинский, древнегреческий, древнееврейский, испанский, итальянский и французский; эпизодически упоминаются «северные» (германские) и «восточные» (по-видимому, турецкий) языки. Авторы грамматики для построения «основы» что-то брали из одного языка, что-то из другого, но более всего

из «главных» языков: родного французского и все еще сохранявшего престиж латинского. Если в каких-то случаях, например в употреблении артиклей, испанский и итальянский языки расходятся с французским, то они признаются «менее логичными», а «северные» языки откровенно третируются, как «нарушающие логику». Такой подход был большим шагом вперед по сравнению с прежними представлениями, но языковая база данных была еще недостаточной⁵.

Идея о логической основе всех языков позднее была надолго оставлена и возродилась лишь в XX в., но проблема разграничения всеобщего и особенного, как и проблема эталона, постоянно вставала в описаниях языков. «Экзотические» языки чаще всего описывали миссионеры, поэтому соответствующий жанр получил название миссионерской грамматики. В таких грамматиках в каждом языке находили те же шесть падежей, что в латыни, те же времена и пр. Эталон, впрочем, менялся: от латыни перешли к современным языкам, в разных странах — к разным. В XX в. грамматики (уже не миссионерские), выполненные в СССР, нередко исходили из русского эталона. В докторской диссертации по персидскому языку, представленной в 80-х гг. в Институт востоковедения АН СССР, говорилось, что в отличие от других языков мира в персидском языке нет падежей, а падежные отношения выражаются предложениями. Очевидно, что диссертант исходил из русского эталона и ничего не знал о строе английского или французского языка.

Но для второй половины XX в. такие взгляды уже стали анахронизмом. Общая линия развития науки о языке, особенно явно в последнее столетие, — расширение представлений о том, что бывает (и чего не бывает) в языках мира, выявление общих свойств Языка, особых свойств некоторых, но не всех языков и свойств отдельных языков, отказ от выделения какого-то языка в качестве эталона для изучения других языков. Раз-

умеется, для этого необходим материал как можно большего числа языков. Легче всего универсальный подход мог быть достигнут в самой простой области звукового строя языка, где с конца XIX в. существует общее понятие фонемы, а в середине XX в. Р. Якобсон, Г. Фант и М. Халле построили единую для всех языков систему описания на основе так называемых дифференциальных признаков⁶. Для более сложных уровней языка ничего подобного до сих пор нет, но лингвисты уже хорошо знают, что не во всех языках есть падежи, не везде глаголы изменяются по временам, не обязательно сказуемое согласуется с подлежащим и т.д. и т.п.

Представления о степени универсальности того или иного явления могут оказаться неадекватными при знании лишь одного языка или даже нескольких родственных (скажем, индоевропейских) языков: свойства «нашего» языка легко абсолютизировать. Вот лишь один пример. Каждый, кто учил английский язык, знает, что там в вопросительных предложениях используется вспомогательный глагол *to do* 'делать'. Для носителей этого языка это может казаться естественным. Однако несколько лет назад в МГУ была защищена диссертация о грамматических функциях глаголов со значением 'делать' в различных языках мира⁷. И оказалось, что в мире зафиксирован только один язык, где глагол с таким значением используется для образования вопросительных предложений. Это английский язык!

В современной науке о языке, особенно в одной из ее приоритетных областей — лингвистической типологии⁸, последовательно разграничивают общее и особенное в языках. Сознательная ориентация на родной или престижный язык в качестве эталона давно порицается, но трудно избежать ее бессознательного появления⁹. Как отмечает один из ведущих российских типологов, «за последние десятилетия было получено много резуль-

татов первостепенного значения, в первую очередь эмпирических обобщений, ограничивающих допустимое разнообразие языков. Гипотеза о том, что языки могут по своему строю отличаться друг от друга неограниченным образом по неограниченному множеству параметров, ныне повсеместно оставлена... Структура предложения в каждом естественном языке представляет собой редукцию некоторой абстрактной универсальной модели»¹⁰.

Другой процесс — отход лингвистики от оценочности. Все лингвистические традиции формировались, прежде всего, ради практических нужд, главной из которых была потребность учить правильному, нормированному языку; для создания и поддержания нормы «хороший» язык противопоставлялся «плохим» разновидностям языка: диалектам, жаргонам, а тем более языкам «варваров». Оценочность осталась даже в грамматике Пор-Рояля, где французский язык ставится выше испанского и итальянского, но все они выше германских языков. В начале XIX в. Ф. и А. Шлегели и В. фон Гумбольдт разработали стадиальную концепцию развития языков: чем сложнее грамматика языка, тем более высокую стадию развития мышления она отражает. На построенной ими шкале высшее положение занимали классические языки: древнегреческий, латинский, санскрит; В. фон Гумбольдт называл древнегреческий язык самым совершенным в мире¹¹. Его последователь середины XIX в. Х. Штейнталь уже считал языкознание познающей, а не оценивающей наукой, однако оно «принимает эстетический, оценивающий характер в дисциплине, которая является его очень существенной и неотъемлемой частью, а именно в систематизации или классификации языков»¹².

Концепция языковых стадий имеет сходство с концепцией общественных формаций (появившейся немного поз-

же, но в рамках той же великой немецкой интеллектуальной традиции)¹³. Однако к концу века стадии, не подтвержденные фактами, были оставлены (в 20–30-е гг. XX в. их неудачно пытался возродить Н.Я. Марр). Типология XX в. отбросила идею о большем или меньшем совершенстве строя языков.

Видный отечественный лингвист А.М. Пешковский в 1925 г. писал о деятельности лингвиста: «Для него нет в *процессе изучения*... ни «правильного» и «неправильного» в языке, ни «красивого» и «некрасивого», ни «удачного» и «неудачного» и т.д. и т.д. В мире слов и звуков для него нет правых и виноватых.... В конечном итоге он ни одного факта не осудит, а лишь *изучит*.... Эта точка зрения, для современного лингвиста само собой подразумеваемая, ... чужда широкой публике»¹⁴. К идеям А.М. Пешковского я еще вернусь.

Однако безоценочный подход, выраженный во фразе одного американского ученого: «Языки равны только перед Богом и лингвистом»¹⁵, не может выдерживаться, по крайней мере, в двух случаях. Во-первых, в числе прикладных задач лингвистики остаются установление норм языка и их поддержание, культура речи, методика преподавания родного и иностранных языков, где оценочность необходима. Во-вторых, одной из областей науки о языке является социолингвистика, а здесь, даже отвлекаясь от избегаемых наукой, но встречающихся оценок типа «наше — не наше общество» (см. ниже), остается неустранимое неравенство языков с точки зрения количества и разнообразия их социальных функций. Русский или английский язык, обладающие большим количеством функций, и бесписьменный язык аборигенов Австралии или Амазонии, используемый (как и диалекты) лишь в функции бытового общения, равны с точки зрения их фонетики или грамматики, но не равны в функциональном отношении. А эти различия проецируются и на сам язык,

поскольку нельзя, скажем, сочинять поэму языком наставлений по стрелковому оружию или наоборот. По принятой терминологии, каждая функция языка требует особого функционального стиля. Стили всегда различаются лексикой и могут различаться грамматикой: например, в быту обычно не используют сложные синтаксические конструкции. Может быть построена шкала языков по количеству функций и стилей. Однако это неравенство — отражение объективных различий между более простыми и более сложными объектами, не имея отношения к этике и эстетике и тем более к политике (которые, конечно, могут примешиваться¹⁶), но наука стремится избавиться от этого).

И еще проблема языкознания, имеющая аналогии в общественных науках, — основания для сравнения языков. В лингвистике были выработаны три таких основания. Это типологический подход, сравнивающий структуры языков или функционирование языков безотносительно к их родству или взаимодействию, генетический подход, выделяющий семьи и группы языков по их происхождению, и ареальный подход, классифицирующий языки на основе общих признаков, приобретенных при языковых контактах. Первые два подхода сложились почти одновременно в начале XIX в. и довольно долго конкурировали друг с другом, последний — лишь в первой половине XX в. Отказ от стадий в эпоху господства позитивизма, изгонявшего из науки «метафизику», привел к преобладавшей несколько десятилетий идее о генетическом подходе как единственном научном. У нас Н.Я. Марр, наоборот, объявил ненаучным генетический подход, возродив типологию и стадии (первое возрождение оказалось научно продуктивным, второе — нет). После выступления И.В. Сталина по вопросам языкознания на некоторое время снова стали говорить: «Советское языкознание стоит

за генетическую классификацию языков как классификацию историческую, подлинно научную»¹⁷. Ареальный подход предложил Н.С. Трубецкой как частичную замену генетического подхода: признавая последний для близкородственных языков, скажем, славянских, он считал сходство индоевропейских языков результатом общего развития и контактов языков разного происхождения¹⁸. Но в итоге бури улеглись, и сейчас лингвисты признали правомерность каждого из подходов, по-разному сопоставляющих языки. Впрочем, подходы развиты не одинаково: генетическая классификация в своей основе общепринята и вызывает разногласия лишь в деталях (хотя языки аборигенов Америки или Австралии пока плохо изучены в этом плане), типологических классификаций много, и каждая из них вызывает споры, а полного разграничения языков мира на ареалы пока не существует.

А что в политологии и других общественных науках? Для примера позволю себе ограничиться одной, как мне кажется, представительной книгой: недавно выпущенным научно-методическим комплексом по политическим системам и процессам на Востоке, подготовленным в МГИМО коллективом авторов под редакцией профессора А.Д. Воскресенского¹⁹. Большое число замечаний и недоумений, которые последуют дальше, не означает отрицательной оценки этой серьезной и добротной книги, содержащей значительный материал по политическим системам стран Азии и Африки и всесторонний анализ рассматриваемых проблем. Я также не считаю свойства книги, о которых будет говориться, ее особенностью: нечто похожее, иногда гораздо в больших масштабах, можно встретить в очень многих публикациях у нас и за рубежом. Именно поэтому я не буду упоминать авторов тех или иных высказываний. Я также (в том числе на собственном не очень удачном опыте) знаю, насколько сложна в коллективной работе унификация точек зрения.

И разумеется, я нигде не спору с оценками в книге конкретных политических процессов в тех или иных странах: все ее авторы — признанные специалисты по этим странам. Речь пойдет лишь об обобщениях, классификациях и прогнозах, а также о согласованности точек зрения и формулировок.

В целом книга достаточно взвешена по оценкам и лишена крайностей. Но я привык мерить научные работы критериями, принятыми в лингвистике, и буду исходить из такого, безусловно, нестандартного и, вероятно, непрофессионального подхода.

Многое для лингвиста выглядит знакомым. Предлагается сравнительный анализ изучаемых объектов (с. 20), говорится о построении типологий и классификаций (с. 21), классификации делятся на эволюционные и морфологические (с. 47), что сходно с разграничением диахронии и синхронии в лингвистике. Понятие региона (с. 35) напоминает понятие языкового союза в ареальной лингвистике²⁰. Замечу, что противопоставление вышеуказанных трех подходов к сопоставлению языков имеет, как мне кажется, аналогии и в общественных науках. Правда, там всерьез можно говорить лишь о двух подходах, аналогичных типологическому и ареальному подходам к лингвистике: это соответственно формационный (в широком смысле, не только марксистском) и цивилизационный (и пересекающийся с ним региональный) подходы. Генетическому подходу может соответствовать лишь деление человечества на замкнутые и неизменные расы²¹, что не подтверждено наукой и после нацизма окончательно скомпрометировано. А о формациях и цивилизациях у нас, как известно, яростно спорили, и тоже речь шла (иногда идет и сейчас) о полной неприемлемости одного из подходов. И вряд ли случайно создатель ареального подхода в лингвистике Н.С. Трубецкой одновременно был и теоретиком евразийства, одной из разновидностей

цивилизационного подхода. Сама эта лингвистическая идея была им выдвинута в обоснование тезиса об особом евразийском ареале, который в области языка найти так и не удалось, зато идея языковых ареалов хорошо подтвердилась на Балканах, в Китае и Юго-Восточной Азии, в Западной Африке и др.

Но вернусь к книге «Восток и политика», включающей типологический и региональный подходы (я в основном буду говорить о типологии). С позиций лингвиста я нередко ощущаю в ней несоответствия принятым в нашей науке критериям (разумеется, и в лингвистике они — идеал, не всегда строго соблюдаемый, но все же их стараются придерживаться).

На страницах книги охвачены два континента: Азия и Африка, хотя и с пропусками: ряд стран, в том числе столь специфичный по политической системе Непал, упомянуты лишь в таблицах. Но важнее вопросы об основных понятиях, их определениях, эталонах и оценках.

«Англосаксонская традиция сравнительной политологии» является «ведущей в мировой политической науке» (с. 24). Два главных разграничения, вводимых в учебнике, восходят к ней, хотя, разумеется, распространены шире: Запад — Восток и демократия — авторитаризм — тоталитаризм. На Западе они давно известны, у нас долго с первым из них боролись, а второе игнорировали, но после 1991 г. они стали общим местом. Но как они обоснованы?

Географические границы Востока (в отличие от Запада) в учебнике охарактеризованы четко, за одним исключением: в таблицах к Большому Ближнему Востоку отнесены и республики Закавказья, но более нигде в книге они не упомянуты, как и Непал. Но если отнесение Непала к Востоку очевидно, то вопрос о Закавказье, по крайней мере о Грузии и Армении, спорен, а точка зрения авторов не оговорена (другой спорный вопрос, связанный с Израилем, решается одно-

значно в пользу отнесения его к Востоку). Но существеннее, конечно, вопрос о главных характеристиках Запада и Востока.

Дихотомия «Запад — Восток», постоянно присутствующая в книге, дополняется другой дихотомией: «Запад — Незапад»; говорится о «незападных или азиатских странах» (с. 8), тип восточного общества характеризуется как «часть незападного типа» (с. 25, 29, 614). Но лишь одна страна прямо характеризуется как одновременно не восточная и не западная: Россия; в неявном виде еще Бразилия, так как к Незападу отнесены все страны БРИК (с. 8). «Незападный тип» в книге никак не характеризуется, ни по границам (относятся ли к нему вся Латинская Америка или Балканские страны?), ни по существенным признакам²². А весь раздел о противопоставлении Запада и Востока (с. 25–35) построен по принципу «А — не А»: почти все характеристики одного типа общества прямо противоположны характеристикам другого типа, и чему-то третьему в этой системе координат не остается места.

В разделе о противоположностях западного и восточного мира перечислен ряд взаимоисключающих признаков, а затем вводится «дуалистическое противопоставление» (с. 33–34). Этой схеме свойственны две особенности.

Во-первых, видно одно противоречие. С одной стороны, сказано: «...такое дуалистическое противопоставление характерно прежде всего для традиционных восточных и западных обществ, в современных обществах оно становится все менее значимым» (с. 34). С другой стороны, если для Востока воспроизводятся его традиционные характеристики, то характеристики Запада в основном современные, никак не ослабевающие в наше время. Вот такое свойство Запада: «...общество стремится к всеобщему благоденствию, которое понимается как «потребительский рай» (с. 33). Исконная ли это черта или все же особенность

нашего времени? А выше среди черт обществ западного типа названы и такие: «отсутствуют «великие» коллективные ценности» и «национального суверенитета нет (или он постепенно сводится к минимуму)» (с. 31). Но ничего подобного не было не только на Востоке, но до недавнего времени и на Западе (да и сейчас это скорее свойственно Европе, чем США, где сохраняется общая ценность защиты и распространения демократии, а собственный суверенитет никак не исчезает). То есть сравниваются старый Восток и современный Запад.

Во-вторых, возникает вопрос о всеобщности выделенных характеристик. И здесь в книге не все согласовано. Например, сказано, что на Востоке «этика исключала какое-либо уравнивание, эгалитаристские концепции» (с. 78), но на с. 96 в числе африканских ценностей (а Африка последовательно отнесена к Востоку) названа «уравнивательность». Общим свойством Востока признается то, что его общества «основаны на теократическом принципе», а государство — «носитель... нравственно-религиозных критериев» (с. 32). Стало быть, религиозная составляющая всегда и везде первостепенна²³. Но, например, в очерке о Филиппинах религиозный вопрос даже не упоминается. И для всего Востока признается важной «вера в сакральность всего земного пространства... и соответственно в необходимость осуществления принципа соборности (А. Хомяков), т.е. организации светского общества по принципу храмовой общины с иерархией священник — царь/первосвященник — пророк и обязательным посредником между человеком и Богом» (с. 32). Похоже ли это на Китай или Японию (в том числе на традиционные)? И вообще насколько это применимо к обществам, где нет и не было единобожия? А Хомяков, как известно, прежде всего, писал о России, выведенной в учебнике за пределы Востока. В книге дважды осуждается теория азиатского способа производства К. Маркса как основанная

«на западных реалиях» (с. 7) и связанная с «недостатком знаний по Востоку» (с. 610); но Хомяков был старшим современником Маркса и вряд ли знал Восток (которым специально не занимался) лучше.

Обобщенный образ Востока иллюстрируется на примере разных стран и регионов, но они привлекаются неравномерно. Как часто бывает в очерках о «Востоке вообще», на периферии внимания оказывается Япония: в двух первых главах, посвященных общим вопросам политической культуры на Востоке, Япония, исключая раздел о делении на регионы, упомянута всего четыре раза и ни разу не говорится о традиционной Японии, ее исконных чертах.

Безусловно, какие-то общие свойства, сближающие, скажем, Японию с Ливией и отличающие их обеих от стран Запада, найти можно. Но не присутствует ли здесь отталкивание все от тех же западных реалий? Концепция единого Востока (не в географическом, а в культурном и политическом смысле) существует на Западе (перейдя затем и в Россию) уже много веков. Всегда при этом современный исследователю Запад, сам все время изменявшийся, рассматривался как эталон, а за его пределами отмечались, прежде всего, отличия от этого эталона. Иногда эти отличия фиксировались одновременно для разных к тому времени известных стран, иногда особенности одного региона или одной страны некритически обобщались, иногда обобщения основывались на ошибках и всегда на недостаточном знании. Особенности же отдельных народов и культурных ареалов, безусловно, фиксировались их исследователями, но оказывались второстепенными при построении общих «историко-софских» концепций²⁴. Границы Запада и Востока могли проводиться по-разному (например, в отношении России), иногда мог признаваться переход (скажем, Японии) с одной стороны на другую, но противопоставление в главном оставалось неизменным. Впрочем, существо-

вали и иные классификации, из которых наиболее известны две: противопоставление монотеистических народов и культур всем прочим и евразийство²⁵. Последовательной антитезой данному взгляду на мир стал цивилизационный подход у А. Тойнби и др.

Разумеется, сейчас о Востоке, в том числе о его традиционных и современных политических системах, известно намного больше, чем в эпоху К. Маркса и А.С. Хомякова. Но ориентация на составляющий небольшую часть мирового пространства Запад (и никак не на Восток или какую-то его часть) как на общий эталон, а на Восток (и весь Незапад) как на разные степени отклонения от этого эталона, чувствуется и в данной книге, и во многих других. Вопрос о критериях для сравнения, далеко не решенный и в лингвистике²⁶, тем более остается неясным здесь. А эталон на основе одного, пусть передового, региона, как и на основе одного языка (или нескольких близких языков) связан с одномерностью классификации и с оценочностью.

Другой ключевой вопрос — классификация типов государственного устройства. В книге принимается сейчас, пожалуй, наиболее известная и популярная в России классификация. «В ней по объективным критериям выделяются... теократические государства, а далее также тоталитарные, авторитарные и демократические. Такое разделение политических систем идет как по объективным, так и по субъективным параметрам, что привносит в эту классификацию проблематику категории «двойных стандартов» (с. 48).

Указание на «двойные стандарты» очень верно. Но что такое «объективные критерии»? Безусловно, признаков, по которым могут классифицироваться политические системы, как и языки, очень много. Обычно ни в лингвистической типологии, ни в сравнительной политологии уже не пользуются ни сознательно вымышленными, ни ошибочно

выделенными признаками, как это постоянно бывало в XVIII–XIX вв. Но остается вопрос об иерархии признаков: о том, какие из них существенны, а какие второстепенны. Он всегда был и остается сложным и для лингвистики, где и сейчас субъективность построений далеко не преодолена. Но некоторые общие правила есть. Вряд ли кто-то разделит языки мира на основе того, имеется ли в них образование вопроса с помощью вспомогательного глагола со значением «делать» или нет. Тем более никто на этом основании не будет приписывать английскому языку особые положительные или отрицательные свойства. Но вот более сложный случай. Русский и японский языки отличаются от большинства языков мира тем, что в них существенно противопоставление согласных по твердости-мягкости (выражаясь по-научному, непалатализованности-палатализованности). Это свойство не уникально в языках мира, но встречается сравнительно редко²⁷. Однако выделять русский и японский язык в типологический класс в современной науке вряд ли кто-то решится: при данном, по видимому, случайном сходстве эти языки по строю в целом мало похожи друг на друга, зато для каждого из них есть немало типологически более близких языков. Но Н.С. Трубецкой именно наличие данного противопоставления считал одной из главных черт евразийского языкового союза, который очень хотел выделить (хотя большинство так называемых евразийских языков его не имеют). Однако идея евразийского языкового союза всеми лингвистами оставлена, зато базировавшаяся на ней концепция евразийства и сейчас привлекает многих, хотя ее нельзя считать доказанной.

Что касается политологии, то вышеупомянутая концепция далеко не единственная. У нас несколько десятилетий, как известно, господствовали иные взгляды, согласно которым политические системы — часть надстройки той

или иной социально-экономической формации. По этому критерию выделялись рабовладельческое, феодальное, буржуазное, социалистическое государства; они могли далее классифицироваться по более частным признакам, например, по форме правления: буржуазные государства делились на монархии, парламентские республики, фашистские государства и т.п. Эта классификация тоже основывалась на объективных критериях. Но в этих двух классификациях могут выделяться разные признаки, а одни и те же признаки занимать разное место в признаковой иерархии.

Рассмотрим, как концепция тоталитаризма, авторитаризма и демократии (от теократических государств пока отвлекусь) проведена в книге. Чертами тоталитарного типа признаются «широкое использование идеологии, превалирование однопартийных систем, жесткий контроль над средствами массовой информации, жесткий государственный контроль над экономикой, стремление государства полностью подчинить себе граждан, добиться их беспрекословной преданности режиму, жесткий полицейский надзор, подавление любого свободомыслия и диссидентства» (с. 48). Авторитаризм далее характеризуется как «ослабленный тоталитаризм» (с. 49), хотя указано, что «при определенных исторических и национальных условиях он может обрести крайне жесткую антидемократичную форму» (с. 49). В дальнейшем появляется и особый термин «жесткий авторитаризм» (например, на с. 590). То есть данные типы систем отличны лишь степенью концентрации одних и тех же признаков: максимум в тоталитаризме, середина в жестком авторитаризме, минимум в «обычном авторитаризме». И очевидна оценка: тоталитаризм совсем плох, жесткий авторитаризм плох чуть менее, «обычный» авторитаризм хуже демократии, но лучше двух предыдущих типов.

Указанные признаки тоталитаризма легко узнаваемы: это СССР 50–80-х го-

дов в интерпретации его противников в холодной войне (и ретроспективно многих социологов и политологов современной России). Характерно, что из восьми перечисленных признаков лишь один — экономический, а большинство связано с разными способами подавления инакомыслия, за что Запад в те годы более всего осуждал СССР. Значимо и слово «диссидентство»: оно, по крайней мере, у нас не применяется к противникам строя ни в нацистской Германии, ни в СССР до 50-х годов. Но на с. 98 дается совершенно иное определение тоталитаризма и его отличий от авторитаризма, правда, применительно к Африке, но вряд ли концепция книги предусматривает здесь региональные различия. «Тоталитарным африканский авторитарный режим становится тогда, когда его действия направлялись на уничтожение части своего населения по этническому, расовому, религиозному, классовому или любому другому признаку». Обращаю внимание на формулировку «любому другому признаку», позволяющую (может быть, даже и помимо намерений автора) включить сюда, например, и уничтожение всяких политических противников. Но в любом случае СССР 50–80-х годов под эту характеристику не подпадает. Зато под нее могут подпасть ни разу не относимые в книге к тоталитарным государствам Республика Корея и Тайвань 50–70-х годов (да и, например, Турция в отдельные периоды, особенно после военного переворота 1960 г.).

В Республике Корея, например, после 1972 г. «новый режим стал абсолютно авторитарным; подавлялись любые проявления инакомыслия, личная жизнь граждан строго регламентировалась. В стране была введена система взаимной ответственности и слежки. В 1974 г. были приняты новые чрезвычайные правительственные декреты, запрещающие любую критику конституции, вводились военные трибуналы, широко применялась смертная казнь и пожизненное заключение. Характерной чертой режи-

ма Пак Чжон Хи стало проникновение армии во все эшелоны власти. В правительстве преобладали офицеры, которые занимали также руководящие посты в основных областях национального хозяйства» (с. 455). Широкое применение смертной казни — тоже «уничтожение части своего населения» по определенному признаку, а остальное соответствует первому определению тоталитаризма (формально не было однопартийной системы, но так же было и в ряде социалистических стран). Еще в большей степени уничтожались по обвинению в «коммунистических симпатиях» противники Чан Кайши на Тайване в первые годы после 1949 г. Но сказано лишь о «зримых тоталитарных чертах в режиме тайбэйских союзников», которые «всегда шокировали» США (с. 505). В целом же тайваньский режим раннего периода также характеризуется как «военно-авторитарный» (с. 505).

Чем оба этих режима (позже, несомненно, изменившиеся) не подпадают под определения тоталитаризма? Чем они были мягче (а авторитаризм, согласно концепции книги, всегда мягче тоталитаризма) СССР времен Л.И. Брежнева?²⁸ Тем, что западные авторы обычно не включают Тайвань и Республику Корея в число тоталитарных стран? Но это не критерий. В годы холодной войны на Западе не было принято своих союзников считать тоталитарными государствами уже потому, что это союзники. Но стоит ли так считать нам сейчас? И еще одно всегда важное для Запада, хотя прямо не присутствующее в учебнике различие: характер той идеологии, которая «широко используется». Но, например, коммунистические идеи, нацизм и, скажем, чучхе в КНДР или воззрения Туркменбаши (Туркмения на с. 327 отнесена к числу тоталитарных государств) трудно возвести к общему знаменателю. Во всем, кроме одного: отрицания системы ценностей, принятой на Западе²⁹. А в классификации у разных авторов нет единства: политиче-

ский режим в КНДР относят то к тоталитаризму (с. 453), то к жесткому авторитаризму (с. 590)³⁰.

Через всю книгу проходит ключевой вопрос о том, что такое демократия на Востоке. В ней принята точка зрения, согласно которой идеи демократии, западные по происхождению, полностью пришли на Восток извне³¹. Исключение составляет глава об Индии, авторы которой указывают: «Элементы западной демократии... были заложены в цивилизационном комплексе» (с. 351); успех демократизации в этой стране связан с «цивилизационными отличиями Индии» (с. 358). Тем не менее и Индия, хотя и «пример весьма успешной демократизации» (с. 351), но — лишь «становящаяся демократия» (с. 357), а не демократия в полном смысле. Эталон демократии в книге четок и конкретен: это общая основа в политическом строе современных США и Западной Европы (лишь изредка упомянуты различия отдельных стран, например, в степени государственного вмешательства)³². Ни одна современная страна Азии и Африки не признана в полной мере соответствующей этому эталону (с. 618), хотя, разумеется, не все они отнесены к авторитарным или тоталитарным. Второе базовое различие, итак, объединяется с первым: Запад = полноценной демократии, Незапад = всем остальным политическим системам от тоталитаризма до «становящейся демократии».

Другие виды демократии в книге сводятся к двум. Во-первых, это традиционные виды демократии, из которых в явном виде упоминается лишь об «африканской традиционной демократии племенного типа», с которой синтезировалась «европейская демократия» (с. 577). Вероятно, имплицитно нечто подобное имеется в виду и применительно к Индии. См. также указания на сходство ряда принципов английского и мусульманского права (с. 185). Место традиционной демократии в общей типологии (скажем,

ее соотнесение с тоталитаризмом и авторитаризмом) в учебнике не определено.

Во-вторых, говорится об особых «незападных демократиях» (с. 618 и др.) Иногда в сравнительной таблице политических систем так охарактеризована некоторая страна в целом (Малайзия на с. 588). Однако класс таких стран (независимо от не всегда унифицированной характеристики в таблице³³) оказывается очень широким. В него попадают все страны Востока, кроме чисто тоталитарных и/или авторитарных, а также теократических и еще группы стран Ближнего Востока, система которых обозначена как «националистический социализм» (с. 582). Еще не вписывается в общую классификацию характеристика Вьетнама: «социалистическая республика коммунистического типа» (с. 588). Эти классы, как и «военные диктатуры», есть в таблицах, но в начальной типологической части книги не выделены. А в некоторых случаях строй оказывается и не демократией, и не авторитаризмом (чем-то средним?), так охарактеризованы современные Филиппины (с. 418).

Авторы книги иногда отходят от привычных сейчас стереотипов. Например, чисто демократическими странами Азии принято считать Японию и Израиль. Однако обе эти страны отнесены к «незападным демократиям» вместе с Индонезией, Турцией, Египтом (еще при Мубараке³⁴) и др. (с. 618). В частности, относительно Японии сказано, что там «сложилась политическая система, весьма не похожая на действующие на Западе» (с. 607). Признается, правда: «Японская политическая элита предприняла очень серьезные усилия, чтобы доказать, что, несмотря на существенную специфику своей политической культуры, форма политического правления в стране в целом укладывается в определение понятия демократии» (с. 607). Так же оцениваются Малайзия и Сингапур, про которые отмечено, что они провозглашаются либеральными демократиями «современной

западной политической наукой», но «не вписываются в эту модель политического устройства» (с. 611). В другом месте сказано, что Сингапур имеет лишь «формально демократический фасад», за которым скрываются авторитарные конфуцианские традиции (с. 435)³⁵.

То есть в отличие от места традиционной африканской демократии место «незападной демократии» в типологии политических систем определено — нечто промежуточное между эталонной демократией и авторитаризмом (ср. «жесткий авторитаризм» как нечто промежуточное между тоталитаризмом и «обычным» авторитаризмом). Впрочем, и авторитаризм промежуточен между тоталитаризмом и демократией. Таким образом, мы имеем единую типологическую классификацию политических систем в виде общей шкалы (прямо в книге не заданной, но складывающейся из контекста учебника).

Внутри демократической части шкалы в учебнике выделяются экстралиберальные (= эталонным?), либеральные демократии, «просто демократии», нелиберальные демократии и находящиеся на границе с авторитаризмом плебиситарные демократии (с. 616–617). Также выделены более и менее существенные признаки демократического эталона. К существенным отнесены выборность и сменяемость власти, разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, наличие всеобщих гражданских (политических) прав (с. 616). При отсутствии каждого из этих признаков государство должно считаться авторитарным или тоталитарным. В то же время независимость прессы, гарантии частной собственности, политическая конкуренция, «достаточно высокая (но разная) открытость общества» в «незападных или нелиберальных демократиях»³⁶ могут и отсутствовать, что не исключает их отнесения к демократиям (с. 616).

Подобные шкалы хорошо известны и лингвистам, скажем, существующая уже

два столетия шкала языков по принципам организации слова: так называемые изолирующие, агглютинативные и флективные языки. Там также предельные случаи очевидны, но дискретные границы между типами провести невозможно, и какие-то языки трудно однозначно охарактеризовать³⁷, как и, судя по данной книге, общества КНДР или Филиппин. В лингвистике предпринимались и попытки количественного анализа, когда подсчитывался коэффициент встречаемости того или иного явления в текстах, в зависимости от которого определялось место языка на шкале³⁸. Не знаю, подсчитывал ли кто-нибудь «индекс тоталитаризма» или «индекс демократии».

Между современной лингвистикой и политологией в данном плане существуют, однако, два существенных различия (в обоих случаях лингвистика XIX в. занимала позиции, близкие к теперешним политологическим). Во-первых, современная лингвистика, начиная с выдающегося американского ученого первой половины XX в. Э. Сепира, отказалась от монистического взгляда на типологию. Весь XIX в. классификация по организации слова считалась основополагающей, причем помимо изолирующих (аморфных), агглютинативных и флективных языков выделялся четвертый класс — инкорпорирующие языки (в основном некоторые индейские языки Северной Америки), места которому на единой шкале не находилось. Э. Сепир в 1921 г. выдвинул идею о том, что единой шкалы нет, а языки можно классифицировать по разным основаниям. Таких оснований он выделил три, причем традиционная шкала стала одним из них, а инкорпорирующие языки удачно поместились на другой шкале³⁹. Сейчас лингвисты могут выдвигать разные основания для классификации, но чистый монизм нехарактерен, в отличие от политологии.

Разумеется, и в рассматриваемой книге учитываются иные признаки, пересекающиеся с основополагающим: мо-

нархии — республики, унитарные — федеративные государства и пр. (перечень см. на с. 48). Но последовательно выдержан монизм: все второстепенно по сравнению со шкалой от экстралиберальной демократии до тоталитаризма. Такой же монизм был принят и в общественных науках СССР, где современный мир делился на государства с социалистическим и капиталистическим (на периферии иногда и с феодальным) строем. Правда, советская классификация выделяла, особенно до 50-х годов, не шкалу, а дискретные классы⁴⁰, а решающим критерием вопреки заявленным основаниям классификации могли оказаться отношения того или иного государства с СССР⁴¹, но и принятая в учебнике классификация не свободна от последнего принципа, что видно на примере двух Кореи и Тайваня. При этом сложности могут возникать не только из-за не всегда явного места страны на шкале, но и из-за неясности, имеем ли дело с той же шкалой или с другими (ср. ситуацию с инкорпорирующими языками). Что-то на шкале не помещается: не только вышеупомянутые африканские демократии, но и, например, теократия. Из определения на с. 48 следует, что это особый тип, отличный от демократии, авторитаризма и тоталитаризма. Но современный иранский режим характеризуется как хотя бы отчасти теократический (с. 267) и в то же время авторитарный (с. 581), отмечаются и имеющиеся в нем «основы демократии» (с. 267). Если теократия входит в общий ряд, то не ясно, как она соотносится с остальными классами. Если не входит, то, стало быть, есть еще одно основание для классификации, по которому, скажем, обе Кореи вместе с США или Россией попадают в единый класс не теократических государств. И особо характеризуются «государства коммунистического типа»: в теоретических главах они специально не рассмотрены, но в таблице (с. 588–589) их три. Китай временно назван авторитарным государ-

ством, Лаос-демократическим, а место Вьетнама не определено. КНДР в данный тип не включена.

На с. 48 есть верное замечание об опасности как слишком простых, так и слишком сложных классификаций: «Сложная классификация затрудняет типологизирование, на ее основе иногда довольно трудно сделать какие-либо практические выводы». В лингвистике также впадали и в ту и в другую крайность. Деление всех языков мира на четыре класса, предложенное братьями Шлегель и В. фон Гумбольдтом, было признано упрощением, но и слишком сложные и многофакторные классификации оказались малоэффективными. Напомню и вышеприведенные слова о современной лингвистике, отвергнувшей «гипотезу о том, что языки могут по своему строю отличаться друг от друга неограниченным образом по неограниченному множеству параметров». Разумеется, то же относится и к политическим системам. Однако представление этих систем в виде нескольких дискретных классов или единой шкалы также может упрощать реальность. Даже отвлекаясь от привходящих обстоятельств вроде разных стандартов для политических друзей и врагов, эта классификация может, вероятно, многое не учитывать или преувеличивать⁴².

Второе различие — все та же оценочность, от которой в лингвистической типологии, как уже говорилось, в XX в. отказались. В политологии и других общественных науках все иначе, будь то науки советские или постсоветские. Впрочем, в данной книге степень оценочности у разных авторов неодинакова. На с. 85 говорится: «В глазах поверхностного наблюдателя материальное изобилие нередко выглядит следствием политического индивидуализма и либерализма, и, по его представлениям, одно не может существовать без другого». Но другой автор, перед этим отождествивший демократию и «либеральные ценности»⁴³, пишет: «Демократия и эко-

номическое процветание являются по существу синонимами» (с. 336). Верно ли это для Египта в 2010 г., отнесенного к либеральным демократиям?

В книге не раз делаются существенные оговорки. «Незападные политические системы и политические культуры» «не лучше» и «не хуже», а просто «другие» «и, возможно, лучше приспособлены для решения политических проблем специфических обществ иного, чем западные, типа»⁴⁴ (с. 614). «Все больше исследователей, как в западных странах, так и в России, высказывают сомнение в том, что теории современной западной политической модернизации (вестернизации) и демократического транзита, определяющие демократии западного типа единственным и идеальным образом демократического устройства, после событий «9/11» адекватно описывают мировой политический процесс с точки зрения региональных закономерностей и во всем многообразии» (с. 610). Иногда встречается стремление к безоценочности. Так, например, вводится понятие режима (с. 63), сейчас обычно имеющее отрицательную окраску. Иногда совмещается то и другое: очерк о КНДР большей частью лишен оценок, и лишь в конце автор вспоминает, что «англосаксонская традиция» оценивает эту страну резко негативно, и добавлена фраза о «бесперспективности» и «пагубности» «пути, по которому пошла Северная Корея» (с. 484).

Но все-таки мнение об западных демократиях как о пусть не идеальном, но единственном образце постоянно присутствует в разных местах книги. Запад в книге не рассмотрен в динамике, в отличие от Востока, и остается не ясным, есть ли слабости и противоречия в его политических системах. Их преимущества по принятой традиции не обсуждаются и принимаются как данность. Разумеется, в книге, как и во многих других, упомянуто и названное «классическим» высказывание У. Черчилля о том, что «демо-

кратия не идеальный способ правления, но наилучшего человеческого политическая мысль пока не придумала» (с. 614)⁴⁵. Черчилль, конечно, может считаться примером успешного политика, но почему именно он должен здесь считаться авторитетом? И сам принцип прятаться за спины авторитетов лингвистика осуждает, хотя на практике от него, конечно, избавиться трудно.

Разные политические системы «не лучше» и «не хуже», но в их сравнении постоянно присутствуют оценки, и в книге не найдется ни одного параметра, по которому какие-либо азиатские или африканские системы могли бы стать образцом для Запада. Это относится не только к политическим системам, но ко всем сторонам жизни.

Вот несколько примеров из многих. На с. 9–10 про ряд азиатских стран (включая КНР и Тайвань) сказано, что они «не только добились очень высоких экономических стандартов жизни, но и осуществили построение развитых плюралистических демократий»⁴⁶, т.е. обеспечили как материальное, так и духовное улучшение жизни своего населения» (курсив мой. — *Авт.*). Один из параметров для сравнения всех восточных стран: «...насколько велика дистанция, отделяющая сравниваемые страны от лидеров мировой экономики» (с. 53). То есть азиатские страны не входят в число лидеров не только в политических системах, но и в экономике (Китай и Япония тоже?). На с. 270: «Отказ от демократизации в современных условиях влечет за собой стагнацию». То есть демократия, «синоним экономического процветания», всегда и везде прогресс.

Вспомним слова в книге о том, что типологии политических систем строятся по объективным и по субъективным параметрам. Но какими могут быть объективные параметры оценок? В современной лингвистике оценки, как уже говорилось, сводятся к двум: степени сложности объекта (например, ко-

личества социальных функций и функциональных стилей в языке) и степени нормированности той или иной разновидности языка⁴⁷. Что этому может соответствовать в политологии? Общепринятых критериев сложности политической системы пока нет, и в данной книге они не вводятся. А если сравнивать системы «на глаз», то что сложнее: европейские системы начала прошлого века с большим числом партий и движений, часто неустойчивых, постоянной сменой политических конфигураций, падением кабинетов, борьбой разных систем ценностей или системы современного Запада, где сменяются у власти две-три партии с очень близкими программами, а в обществе благодаря приближению к «потребительскому раю» и успешной идеологической обработке⁴⁸ достигнуто почти полное единомыслие в главном?

Понятие же нормы в лингвистике, если отвлечься от связанных с ним (более в массовом, чем в научном сознании) представлений о нормированном (литературном) языке как «языке хороших писателей», предполагает установление для всех носителей языка единого стандарта⁴⁹. Этот стандарт позволяет (конечно, в идеале) достичь полного взаимопонимания всех говорящих на данном языке. Благодаря нему, например, в документах достигается единое употребление терминов, единое написание имен и фамилий и т.д. Что может соответствовать этому в политологии? Вряд ли различие нормированных и не нормированных языков можно спроецировать на различие, скажем, авторитаризма и демократии. Скорее аналогом здесь будет наличие или отсутствие четких и исправно функционирующих политических институтов.

Но, конечно, в общественных науках есть и другие более или менее признанные объективные критерии сравнения, прежде всего статистические. Они, однако, более или менее выработаны лишь для экономической сферы. Безусловно, косвенным критерием эффективности

политической системы является уровень экономического развития того или иного государства и доходов его граждан, выраженный в статистических показателях. Бесспорно, конечно, что все государства Запада в настоящее время принадлежат к наиболее развитым. Но только ли они? Сингапур, Республика Корея, Тайвань, КНР «использовали модель просвещенного авторитаризма для... успешного динамичного экономического развития в течение жизни одного поколения» (с. 9). Высокие оценки экономического развития этих стран, как и Японии⁵⁰, постоянны в книге, хотя ни одна из них не признана в полной мере демократической, а КНР и Сингапур не отнесены и к либеральным демократиям. Впрочем, для КНР делаются оговорки. С одной стороны, «политическая система КНР.. не исчерпала своих возможностей в эффективном обеспечении экономического прогресса государства, его модернизации, поддержании авторитета своей страны в мировом сообществе» (с. 514). Сказано и что «теория неомарксизма» «была эффективно применена в КНР» (с. 602). С другой стороны, те стороны китайской политической системы, которые отличают ее от западной (и сближают с советской), признаются недостатками, которые должны быть преодолены: монополия правящей партии (с. 10), отсутствие плюрализма (с. 503), политический принцип подбора кадров (с. 504). Но все равно не видно жесткой связи между местом страны на шкале «демократия — тоталитаризм» и ее развитием экономики и уровнем жизни.

Решающими для оценки, таким образом, остаются все-таки субъективные критерии. Уже упоминавшийся лингвист А.М. Пешковский писал: «Отсутствие оценки — первый признак объективного рассмотрения предмета. Такова точка зрения наук математических и естественных»⁵¹, а также лингвистики (исключая ее раздел, занимающийся нормой), которая тем самым является познающей, а не оце-

нивающей наукой. На деле же и в лингвистике «лучшим» мог признаваться либо родной язык автора, либо наиболее престижный для него язык: древнегреческий и латинский для просвещенного европейца до XIX в., русский для азербайджанского или чувашского языковеда советского времени. Подобная точка зрения соответствует традициям многих наук о человеке. Безоценочная позиция, по выражению А.М. Пешковского, «чужда широкой публике», что в политологии ощутимо и сейчас. Он считал: «Ни одна из гуманитарных наук... не может обойтись без понятия прогресса, притом уже не в эволюционном смысле, но и в культурно-историческом, а потому и неизбежно *этическим*»⁵². Однако понятие исторического прогресса, казавшееся очевидным столетие назад⁵³ и пережившее «ренессанс» в 90-е годы, когда стали популярны идеи «конца истории», сейчас потеряло отчетливость. Точки отсчета могут быть различными. В США, Западной Европе, в недавнем прошлом в СССР лучшей из существующих считается или считалась собственная политическая система. В современной России так, разумеется, не думают, и образцом принято считать системы победителей в холодной войне.

Помимо морфологических проблем в учебном пособии рассматриваются и эволюционные. Постоянно говорится о мировом процессе движения от авторитаризма или тоталитаризма⁵⁴ к демократии. Возможность обратного движения не рассматривается в теоретическом плане, хотя в очерках о конкретных странах говорится, например, об «отступлении Киргизстана от процессов демократизации» (с. 335). Таким образом, вводится не только оценочность, но и представление об однолинейности исторического процесса, хотя то и другое в книге иногда осуждается.

В книге, разумеется, не утверждается, как это часто делают в США, что любое внедрение выборов или многопартийности — всегда решающий шаг вперед. Про неудачу демократизации в Кирги-

зии сказано, что «в условиях социально-экономической отсталости настоящей демократии возникнуть, как правило, и не может» (с. 335)⁵⁵. В разделе о Монголии говорится, что стоявшие у власти в 1996–2000 гг. демократы «не смогли справиться с кризисом, инфляцией», довели население до обнищания, а «попытка искусственно скопировать западные партии их идеологию» «с трудом приживается на своеобразной монгольской почве» (с. 451). Но все это — примеры пагубности не копирования западных моделей вообще, а попыток слишком быстрого перехода с «необеспеченными тылами». А «забегание вперед» в индийской политической системе после получения независимости оценено положительно, так как в итоге «большинство элементов «забегания вперед» оказалось прочно утвержденными на индийской почве» (с. 358).

Однако в книге выражено и более глобальное сомнение по поводу «неизбежности движения всех государственных образований естественноисторическим путем в сторону западной модели развития» (с. 27). Важна и такая констатация: «Западные политологи и политики стали активизировать деятельность по насильственному внедрению вестернизированных систем и ценностей морали и образа жизни в общества Азии и Африки. При этом преследуется и сугубо политическая цель — обеспечить доминирование Запада в мировом масштабе не только в сфере экономики, но и во всех остальных сферах жизни. Американские и европейские политологи и политики попытались навязать миру свое понимание прав человека, методов правления, отвергая все другие» (с. 87). Весь тон этой цитаты показывает, что автор не разделяет такой подход. Напомню и уже упомянутый тезис о лучшем приспособлении «незападных демократий» к «проблемам специфических обществ».

Однако уже «уменьшение значимости дуалистического противопоставления» при заданной системе признаков

выглядит только как движение, пусть не всегда быстрое, именно в сторону, которой требует Запад. Не раз в учебнике встречаются такие формулировки: «Глобализация, во всяком случае в той форме, в которой она проходила на протяжении конца XX — начала XXI в., пока не смогла снивелировать значение этноконфессиональных и культурно-цивилизационных факторов» (с. 40)⁵⁶; «Многопартийная система в арабских странах... пока не создает реальной плюралистической основы общества» (с. 148) (курсив мой. — Авт.). Будущее развитие КНР предсказывается как движение в сторону процессов, происходящих в более вестернизированном Тайване: там «установилась политическая система, в целом отвечающая стандартам многопартийности, обеспечивающим политический плюрализм», а и «можно предположить, что в будущем, с ростом экономического могущества Китая... вопрос о политическом плюрализме так или иначе возникнет» (с. 503). То есть всемирно-исторический процесс с оговорками признан однолинейным. И так ли уж плохо в таком случае осужденное в книге «насильственное внедрение вестернизированных систем и ценностей», если оно служит историческому прогрессу?

На с. 618 ставится важный вопрос: «Незападные демократии... и их подтип — восточные, азиатские — это самостоятельный подтип демократий или же они неизбежно должны трансформироваться в либеральные или нелиберальные?». Отвлечемся сейчас от формулировки «трансформация незападных демократий в нелиберальные»: по другим формулировкам книги, приведенным выше, нелиберальные демократии — подкласс незападных. Но важно признание того, что приход каждой восточной страны к политическому плюрализму и пр. не предопределен. Правда, возникает такой, например, вопрос: в главе об Индии характерной чертой всех «восточных демократий» признаны коррупция, «пе-

рекупка депутатов», «торговля министерскими портфелями» и пр. (с. 354). Если трансформация не произойдет, то сохранится ли все перечисленное навечно?

Таким образом, авторы книги колеблются между двумя точками зрения: либо эталонная экстралиберальная демократия — светлое будущее человечества (пусть многим странам Азии и Африки до нее еще далеко), либо «азиатские демократии» (с постоянной коррупцией?) — не переходный этап, а политические системы, лучше всего соответствующие национальным традициям в тех или иных странах. Можно ли считать, что в каких-то странах этим традициям вообще соответствует не демократия, а что-то другое? Этот вопрос не обсуждается, если не считать выделение на с. 74 индивидуалистического, эгалитарного и иерархического типов политической культуры. При этом индивидуалистический тип характеризуется как плюралистический, а иерархический — как азиатский. То есть получается, что для всей Азии политический плюрализм, признанный неизбежным в будущем в Китае, не укоренен в ее культуре. Еще одно противоречие.

В отличие от структуры предложения, политические системы стран Запада и Востока пока невозможно представить как «редукцию некоторой абстрактной универсальной модели». Но стоит ли возводить в ранг такой модели одну политическую систему Запада, пусть развитую, но охватывающую меньшую часть мира, а прочие объекты по отдельности или даже все вместе рассматривать лишь с точки зрения их отличий от нее? Лингвистика (по крайней мере, типология) на определенном этапе развития преодолела этот подход, а политология без обоснования его принимает.

Я понимаю, что, выступая против эталонного подхода в политологии, я тут же исхожу из спорного эталона лингвистики как более «продвинутой» науки. Тут моя позиция, конечно, уязвима. И все-таки в науке о языке принято

устранять явные противоречия, разграничивать употребляемые термины, избегать утверждений, не имеющих до-

казательств, по возможности избегать субъективных оценок. Хотелось бы это видеть и в политологии.

- ¹ Я не буду рассматривать вопрос о предмете политологии, о границах между политологией и другими науками, например социологией. Для моих целей это несущественно, поскольку все, что далее будет говориться о политологии, вполне относится и к социологии, и к экономике, и к другим общественным наукам, о которых я не буду специально говорить.
- ² Лингвистика наряду с психологией, конечно, занимает среди эмпирических наук особое место: она изучает не только внешний, но и внутренний мир, исследователь не может не изучать (явно или неявно) и себя. Поэтому в этой науке важнейшую и неустранимую роль играют интуиция и интроспекция (попытки их исключения из науки о языке, особенно активные в первой половине XX в., оказались иллюзорными). Общественные же науки изучают институты, внешние по отношению к каждому отдельному человеку, включая исследователя. Однако я не знаю, можно ли для рассматриваемой здесь проблематики это различие считать определяющим.
- ³ Подробнее см.: Алпатов В.М. История лингвистических учений. 4-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 18–20. [Alpatov V. Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Izdanie 4. M.: Yaziki slavianskoi kulturi, 2005.]
- ⁴ Ориентация на один язык — язык своей культуры была исконно свойственна и всем другим традициям: индийской, арабской, китайской, японской. В этих странах идея многообразия языков появилась лишь под европейским влиянием.
- ⁵ Подробнее см.: Алпатов В.М. Указ. соч. С. 44–49. [Alpatov V. Ibid. S. 44–49]
- ⁶ Якобсон Р., Фант Г., Халле М. Введение в анализ речи: различительные признаки и их корреляты // Новое в лингвистике. Вып. 2. М.: Издательство иностранной литературы, 1962 (английский оригинал — 1952). [Jacobson R., Fant G., Halle M. Vvedenie v analiz rechi: razlichitelnye priznaki i ih korreliaty // Novoe v lingvistike, vypusk 2. M.: Izdatelstvo inostrannoi literature, 1962. (English original version 1952)]
- ⁷ Резникова Т.И. Грамматикализация конструкций с глаголом ДЕЛАТЬ: типология и семантика. Кандидатская диссертация. М.: МГУ, 2003. [Reznikova T.I. Grammatikalizatsiia konstruktov s glagolom delat': tipologiya i semantika. Kandidatskaya dissertatsiya. M.: MGU, 2003.]
- ⁸ Хорошее представление о современной лингвистической типологии дает рассчитанная на широкого читателя книга: Плунгян В.А. Почему языки такие разные? М., 2002. [Plungian V.A. Pochemu iaziki takie raznye? M., 2002.]
- ⁹ Впрочем, все не так просто. Одно из господствующих направлений в мировой науке — генеративная лингвистика, созданная Н. Хомским, во многом привлекает лишь английский материал, претендуя на изучение общих свойств Языка (таковы, прежде всего, работы ее основателя). Критики Хомского указывали на то, что его модели принципиально не разграничивают такие свойства и типологические особенности английского языка.
- ¹⁰ Тестелец Я.Г. Грамматические иерархии и типология предложения. Докторская диссертация в виде научного доклада. М.: РГГУ, 2003, с. 1. [Testelets Y.G. Grammaticheskiye ierarchii i tipologii predlozheniya. Doctorskaya dissertatsiya v vide nauchnogo doklada. M.: RGGU, 2003. S. 1.]
- ¹¹ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 310. [Humboldt W. von Izbannye trudi po yazyk-koznaniyu. M.: Progress, 1984. S. 1.]
- ¹² Штейнталь Х. Грамматика, логика и психология // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Учпедгиз, 1960. С. 110. В цитате речь идет о структурной классификации языков, а не о генетической классификации по семьям. [Shteintal H. Grammatika, logika i psichologiya // Zvegintsev V.A. istoriya yazykkoznaniya XIX i XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah. Chast 1. M.: Uchpedgiz, 1960. S. 110.]
- ¹³ В одной из статей я проводил их сравнение: Алпатов В.М. Марризм и марксизм (заметки неисторика) // Восток. 1992. № 3. [Alpatov V.M. Marrizm i marksizm (zametki neistorika) // Vostok, 1992, № 3.]
- ¹⁴ Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Звегинцев В.А. Указ. соч. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1960. С. 232–233. [Peshkovskiy A.M. Ob'ektivnaya i normativnaya tochka zreniya na yazyk // Zvegintsev V.A. Ibid.. P. 232–233]
- ¹⁵ Edwards J. Multilingualism. London — New York, 1994. P. 102.
- ¹⁶ И на серьезных лингвистов могут влиять вненаучные факторы. В начале XX в. появились идеи о том, что не древнегреческий, а современные западные языки, особенно английский, достигли

ВОСТОК И ПОЛИТИКА В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

наивысшего прогресса (видный датский лингвист О. Есперсен); в том числе признаком прогресса считался аналитизм (выражение грамматических отношений порядком слов и служебными словами, а не склонением и спряжением). А у нас в 1949 г. не менее крупный лингвист Н.Ф. Яковлев писал: «Английский аналитизм и наличие артикля — беда этого языка, пережиток отсталых условий средневековья и господства иноземцев». См.: Никольский В.К., Яковлев Н.Ф. Основные положения материалистического учения Н.Я. Марра о языке // Вопросы философии. 1949. № 1. С. 270. [Nikolskyi V.K., Iakovlev N.F. Osnovnie polozheniya materialisticheskogo ucheniya N.I. Marra o yazike // Voprosy filosofii. 1949. №1. S. 270.] Английский язык Н.Ф. Яковлев сравнивал, разумеется, с русским. См. также ниже о Н.С. Трубецком. Все эти концепции, однако, сейчас более свойственны публицистике; лингвистика их избегает.

- ¹⁷ Чикобава А.С., Шарадзендзе Т.С. Классификация языков // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 21. 1953. С. 368. [Chikobava A.S., Sharadzenidze T.S. Klassifikatsiya yazykov // Bolshaya sovetskaya entsiklopediya. Izdanie 2. T. 21, 1953, s. 368]
- ¹⁸ Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 44–59. [Trubetskoi N.S. Mysli ob indoevropeskoj probleme // Trubetskoi N.S. Izbrannie trudi po filologii. M.: progress, 1987. С. 44–59.]
- ¹⁹ Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект-Пресс, 2011. Далее ссылки на книгу в тексте с указанием лишь номера страницы. [Vostok i politika. Politicheskiye sistemi, politicheskie kulturi, politicheskie protsessi. Pod redaktsiei A.D. Voskresenskogo. M.: Aspekt Press, 2011.]
- ²⁰ В этом пункте политология обгоняет лингвистику: книга подразделяет все страны Азии и Африки по регионам, а в лингвистике полного распределения языков мира по ареалам не существует, что, впрочем, компенсируется развитием генетической классификации.
- ²¹ Именно этим аргументировал, в частности, отказ от идеи языкового родства Н.Я. Марр. Но аналогия — не доказательство, и его точка зрения оказалась научно несостоятельной.
- ²² Авторы здесь можно понять: обсуждение крайне спорного и различно решаемого вопроса о национальных инвариантах России завело бы их слишком далеко от главной темы. Но оговорить это, вероятно, следовало бы.
- ²³ Согласно книге, «религиозно окрашенная картина мира на Востоке составляла базис политической культуры» (с. 76). Даже отвлекаясь от современности, вопрос о религиозной окраске, например, конфуцианской картины мира дискуссионен, что в книге не отмечено.
- ²⁴ В языкознании процесс был похожим, но не во всем. С одной стороны, и там исходили из эталона одного или нескольких западных языков. Но с другой стороны, не было значимых попыток найти что-то общее во всех «не наших» языках, понятие «восточные языки» не имело типологического значения, и разные восточные языки признавались примерами разных отклонений от единого эталона.
- ²⁵ Последняя концепция не может рассматриваться как противопоставление Запада единому Востоку (включающему Россию): в евразийское сообщество не включались (в том числе по лингвистическим критериям) не только Запад, но и, например, Китай.
- ²⁶ Эти критерии выработаны вне зависимости от какого-то конкретного языка в фонологии, до некоторой степени в морфологии, но заметно ориентированы на английский эталон в синтаксисе (у генеративистов) и полностью пока что отсутствуют, например, в теории речевых жанров или изучении языковых картин мира, что ведет к явному субъективизму.
- ²⁷ Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001. С. 446. [Kodzasov S.V., Krivnova O.F. Obtschaya fonetika. M., 2001. S. 446.]
- ²⁸ Прямой оценки позднесоветского режима как тоталитарного в книге нет, но определение тоталитаризма как-то слишком хорошо с этим согласуется.
- ²⁹ Противопоставление «своих» и «не своих» и отсутствие интереса к различиям среди «не своих» — постоянное в мировой истории явление, хотя точки отсчета могут быть самыми разными. Ср. высказывание И.В. Сталина о том, что фашизм и социал-демократия — «не антиподы, а близнецы», или выдвинутый в Японии в канун Второй мировой войны лозунг об искоренении идей «американизма и коммунизма».
- ³⁰ Есть и иные различия: на с. 622 среди стран Большой Восточной Азии названы две «военные диктатуры», но в сравнительной таблице политических систем данного региона (с. 587–590), составленной тем же автором, ни одно государство так не именуется.
- ³¹ Целikom «следствием внешних факторов» считается в книге и «становление капиталистического способа производства» на Востоке (с. 79). Остается неясным, почему, например, в Японии капитализм смог развиваться, тем не менее, так быстро. Данная на той же странице схема «очагового» развития капитализма на Востоке не подходит к Японии.

- ³² Вопрос о границах распространения такой демократии (скажем, о ее восточной границе в Европе) в книге не обсуждается, но для ее целей достаточно, что к эталону отнесены США и крупные страны Западной Европы.
- ³³ В таблице для Африки (с. 572–577) одни страны названы «нестабильными демократиями», другие отнесены к «неустойчивым демократиям», два термина выглядят как синонимы, а на с. 615 приравниваются друг к другу; остается неясным, почему страны характеризуются по-разному.
- ³⁴ События 2011 г. в арабских странах не успели отразиться в учебном пособии. Отмечу разнородность в нем характеристик государств, ими затронутых: Ливия, Сирия и Тунис — «националистический социализм», Египет — «либеральная демократия», Йемен — «нестабильная демократия» (с. 581–582); последняя характеристика дается также Алжиру и Ливану.
- ³⁵ Отмечу в книге и другие оценки, выходящие за рамки стереотипов, восходящих к холодной войне, например, оценка Гоминьдана как партии ленинского типа при иной идеологии (с. 487).
- ³⁶ Соотношение этих двух типов демократии остается не до конца ясным. С одной стороны, если отвлечься от «экстралиберальных демократий», то либеральные демократии максимально демократичны, а ряд стран Востока отнесен к этому классу (скажем, Египет 2010 г.). С другой стороны, как уже упоминалось, полноценных демократий, согласно учебнику, на Востоке нет. Совместить это можно, лишь приравняв «полноценные» и «экстралиберальные» демократии, что прямо не указано. «Просто демократии» есть в классификации, но их примеров нет.
- ³⁷ Например, бирманский язык находится где-то посередине между типично изолирующими и типично агглютинативными, венгерский язык — между агглютинативными и флективными. К тому же в ряде языков есть признаки различных типов: в японском языке имя чисто агглютинативно, а в глаголе значительны черты флективности.
- ³⁸ См., напр.: Квантитативная типология языков Азии и Африки / под ред. В.Б. Касевича, С.Е. Яхонтова. Л.: ЛГУ, 1982. [Kvantitativnaya tipologiya yazykov Azii i Afriki. Pod red. V.B. kasevicha, S.E. Yahontova. L.; LGU, 1982]
- ³⁹ Сепир Э. Язык // Сепир Э. Избранные работы по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 117–137. [Sepir E. Yazyk // Sepir E. izbrannie raboti po yazykoznaniiyu i kulturologii. M.: Progress, 1993. S. 117.]
- ⁴⁰ Дискретность позднее несколько нарушилась из-за появления в Азии и Африке государств социалистической ориентации, которые невозможно было включить в состав социалистических, но и от капиталистического мира было необходимо отделять.
- ⁴¹ Яркий пример — статья «Европа» во втором издании Большой советской энциклопедии (Т. 15, 1952), где Югославия, в том числе в статистике, отнесена к капиталистическим государствам.
- ⁴² Власти КНДР обвиняются в том, что, изменив конституцию и фактически осуществив «конституционный переворот», они «не смогли *в силу этого* решить экономические проблемы» (с. 9. Курсив мой. — *Авт.*). Скорее, этот взгляд — проявление западного эталона, придающего чуть ли не везде решающее значение писаным законам, особенно конституции. Ср. представляющуюся более реалистичной оценку ситуации в Израиле: после принятия тех или иных законов, заменяющих отсутствующую в стране конституцию, «не произошло практически никаких перемен в работе органов власти» (с. 119).
- ⁴³ И тут в книге нет единой точки зрения: на с. 616 и др. демократия и либерализм разграничиваются.
- ⁴⁴ Но из цитаты получается, что восточные общества имеют свою специфику, а особой специфики западных обществ нет. И тут виден эталон!
- ⁴⁵ На уровне «придумывания» идея коммунизма вряд ли хуже того, что имел в виду У. Черчилль. Он все же говорил о практической реализации идей.
- ⁴⁶ Термин «развитая демократия» в дальнейшем не используется, его соотношение с типами демократии, выделенными на с. 617, остается неясным.
- ⁴⁷ Два параметра связаны друг с другом: многообразие социальных функций и разнообразие функциональных стилей возможны лишь в нормированных языках.
- ⁴⁸ Ср. упоминание в очерке об Индии обработки среднего класса «с помощью новейших политических методов» (с. 362). На Западе, разумеется, это процесс достиг совершенства.
- ⁴⁹ Русскому термину «литературный язык» во многих языках мира от английского до японского соответствует термин «стандартный язык», что точнее характеризует его основные функции.
- ⁵⁰ Вопрос об экономической стагнации в Японии рассмотрен в очерке о ней, но не затронут в теоретических разделах.
- ⁵¹ Пешковский А.М. Указ. соч. С. 231. [Peshkovskiy A.M. Ibid. P. 231]
- ⁵² Там же. С. 232.

ВОСТОК И ПОЛИТИКА В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

- ⁵³ Статья А.М. Пешковского издана в 1925 г., но он явно исходил из представлений начала века.
- ⁵⁴ Напрашивается вопрос: возможен ли на Востоке прямой переход от тоталитаризма к демократии или необходима промежуточная ступень авторитаризма. Этот вопрос в книге не обсуждается.
- ⁵⁵ Формулировка «как правило» предполагает, что из правила бывают исключения, но трудно в книге найти их примеры.
- ⁵⁶ В отличие от терминов «демократизация» и «вестернизация» (их значение иногда отождествляется, иногда разграничивается), термин «глобализация» встречается в книге не так часто, и его соотношение с двумя другими не вполне ясно.

ДВЕ НОВЕЙШИЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ ВОСТОКА И МИРА (О.Е. НЕПОМНИН VERSUS Л.С. ВАСИЛЬЕВ)

Л.Б. Алаев

Бывшие советские ученые не разобрались со своим прошлым. Что устарело из нашего прежнего теоретического багажа — по происхождению марксистского или усвоенного через марксизм, — а что остается операционным? Создалась некая смесь обрывков разнообразных концепций, не увязанных друг с другом и создающих впечатление хаоса. Непонятно, отброшена ли теория формаций, во всяком случае, ничего не предложено взамен. Цивилизационный подход не может служить заменой, поскольку он не нацелен на изучение движения.

Настало время вернуться к методологическим вопросам исторического процесса.

В данной статье предлагается критический разбор и сравнение концепций, представленных в недавно вышедших трудах двух китаистов¹. Концепцию Л.С. Васильева, строго говоря, нельзя назвать новой, поскольку в основных чертах она сложилась еще в 1970-е гг., но она получила в упомянутых томах некоторые новые акценты. Кроме того, она опубликована в качестве учебного пособия для высшей школы² и, насколько я знаю, активно используется в преподавании, так что ее разбор представляется актуальным.

В свое время, когда шагу нельзя было ступить без Карла Маркса или, в крайнем случае, Фридриха Энгельса, Л.С. Васильев выступил как сторонник «азиатского способа производства» (АСП). Потом, когда наступила идеологическая свобода, но от привычного словоупотребления еще трудно было отказаться, он стал вместо АСП употреблять выражение «го-

сударственный способ производства». Сейчас, судя по последней книге, автор остановился на формулировке «восточная структура». Книга написана заново, а не просто повторяет текст двухтомника «История Востока», который вышел уже шестым изданием. Теперь маститый ученый решил вписать историю Востока в историю всего человечества. Вернее, вписать историю человечества в историю Востока, что вполне закономерно, потому что история Востока — это история большинства человечества и наибольшая часть этой истории, т.е. 6 тыс. лет против 2,5 тыс. лет истории Европы. Ознакомившись с последней книгой Л.С. Васильева, лишний раз убеждаешься, что всемирную историю должен писать востоковед, и только востоковед.

Концепция строится во многом на отвержении марксизма, особенно исторического материализма, который, по мнению Васильева, является вульгаризацией марксизма. Представляется, что его ожесточенность несколько запоздала, особенно если учесть, что учебное пособие рассчитано на студентов, которые не проходили «Основ марксизма-ленинизма» или «Марксистско-ленинской философии». Васильев продолжает увлеченно бороться с поверженным врагом, при этом иногда с перехлестом.

Автор несправедлив к себе, когда он заявляет, что суть предложенного в книге «нового сводится к тому, чтобы поставить под сомнение созданную марксизмом схему базиса и надстройки» (II, с. 403)³. Содержание книги несколько богаче. Васильев не только отрицает классовую борьбу как основную движущую силу

истории, но и само существование социологической категории класса. А это уже неразумно, потому что классы явственно проявляют себя в общественной жизни и данная категория употребляется в той социологии, которую мы раньше называли «буржуазной». Оперирование понятием «класс» вовсе не означает признания антагонистичности классовых отношений, веру в революции как локомотивы истории и в конечную победу коммунизма (I, с. 54).

Отрицается даже наличие эксплуатации на традиционном Востоке. Там происходил «обмен деятельностью»! «Низы трудились, верхи управляли... Каждый из многочисленных социальных слоев, каждая из категорий подданных делали свое дело и были необходимы для нормального функционирования социально-политического организма в целом» (I, с. 248). Подобный пассаж, мне кажется, не требует комментариев.

Автор до предела вульгаризирует марксистское положение о первичности экономического фактора и после этого его, конечно, успешно опровергает (II, с. 404, 432). Упрощения марксистских взглядов досадны не только сами по себе, но и потому, что действительно могут ввести в заблуждение современных студентов, не знакомых с теорией К. Маркса и со всеми трудами по ее развитию. Другими словами, такая подача нанесет ущерб их образованности.

При всей враждебности Л.С. Васильева к марксизму он продолжает упорно привлекать в свою поддержку идею К. Маркса об «азиатском способе производства», как это делали все «азиатчики» сорок лет тому назад, когда без такой поддержки вообще слова нельзя было сказать. Маркс служил довольно крепким щитом всем тем, кто выдвигал новые идеи. Но зачем навешивать на себя щит сейчас, когда никто не нападает? Марксова идея современному Васильеву совершенно не нужна, тем более что для ее приспособления к своим нуждам ему приходится выворачи-

вать ее наизнанку, т.е. утверждать, вопреки очевидности, что Маркс этим термином хотел подчеркнуть специфику Востока и что «азиатский способ» не встраивался в его же, Марксову, схему формаций (I, с. 53, 60; II, с. 30, 411, 414).

Не думал я, что мне придется на старости лет возвращаться к проблеме, столь жгучей в 1950–1960-е гг.: **что** именно Маркс понимал под «азиатским способом производства»? Право же, этот вопрос сейчас не имеет ни малейшего значения. Но что делать, если в книге, которой по всем признакам предназначена славная судьба (как настольной книге российского студенчества), снова реанимируется эта проблема, причем дается совершенно ошибочная ее трактовка? Кроме того, формулировка АСП все еще популярна среди отечественных гуманитариев⁴.

Я уже все это излагал⁵, но приходится повторяться. Нет никаких свидетельств того, что «азиатский способ» каким-то образом «не вписывался» в схему формаций. Везде, где Маркс упоминает этот «способ», или «азиатские порядки», они стоят в перечислении на первом месте, т.е. являются синонимами первобытности. Маркс ввел в свою схему «азиатский» этап **не для того**, чтобы подчеркнуть особенности Востока, а с совершенно противоположной целью — **чтобы вписать его** в общую схему, выделив для него первую ступень. В своих работах он **четырежды** дает понять, что «азиатский строй» — это и есть первая ступень **европейской** истории. Боюсь, что если я просто укажу, на каких страницах сочинений Маркса это говорится, то никто не полезет искать пыльные уже теперь тома, и мое заявление будет воспринято как просто еще одно мнение. Но вот судите.

В 1859 г. К. Маркс в работе «К критике политической экономии» в сноске пишет, что первобытная общинная собственность не есть русская особенность и продолжает: «Более тщательное изучение азиатских, особенно индийских

форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения. Так, например, различные оригинальные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индийской общинной собственности⁶. Затем он переносит ту же сноску во второе издание 1-го тома «Капитала»⁷. В другом месте того же первого тома «Капитала» содержится иная сноска. В ней говорится, что крестьянское хозяйство и независимое ремесленное производство «образуют экономическую основу классического (т.е. античного — Л.А.) общества в наиболее цветущую пору его существования, после того, как первоначальная восточная общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в скольконбудь значительной степени»⁸.

Это была еще только гипотеза. Но 14 марта 1868 г. Маркс пишет Энгельсу, что «штудировал... новейшие сочинения старика Маурера» и убедился, что «выдвинутая мной точка зрения о том, что азиатские или индийские формы собственности повсюду в Европе были первоначальными формами, получает здесь (хотя Маурер ничего об этом не знает) новое подтверждение»⁹.

Сейчас эти высказывания вызывают недоумение. Трудно понять, как образованный и неглупый человек XIX в. мог считать, что современный ему Восток находится на первобытной стадии. Васильев как будто бы понимает, что Маркс хочет сказать, и восклицает: «Казалось бы, это нонсенс» (т. I, с. 55, 53). Да, нонсенс. Да, он «оставил в недоумении своих активных последователей», потому что они не могли принять, что Маркс высказывает явную несообразность. Но Карл Маркс **заслужил право на собственное мнение**, и не надо его искажать.

Вывод, который неизбежно вытекает из сказанного: концепция Васильева в этой части **не может опираться на Маркса**.

Леонид Сергеевич отверг теорию Маркса. Прекрасно. Но тогда зачем ему одна из явно неудачных гипотез этого мыслителя? А дело в том, что ему, как и всем нам, трудно освободиться от марксистского прошлого и прежних методов аргументации.

Это видно уже в главах, посвященных первобытности и процессу возникновения государства. Впечатление таково, что в данных вопросах автор недалеко ушел от Энгельса, вернее, от уровня науки о первобытном обществе второй половины XIX в. — эволюционизма, представления о развитии от простого к сложному, от общины к частной собственности и т.п. Справедливости ради надо отметить, что недалеко ушла и дисциплина, называемая «историей первобытного общества», а также социальная и культурная антропология. Антропологи опираются на этнографический материал обществ, которые сейчас считаются «первобытными». То есть они пытаются сконструировать **процесс, движение** на материале **неподвижных** социумов. Пытаются понять, как люди **шли** к цивилизации, изучая народы, которые никуда **не идут**! Данные разных племен склеиваются в единую картину при помощи логики, т.е. собственных представлений антрополога, как **должно бы** идти развитие.

Конкретно такой логический подход к ранним этапам истории приводит к нескольким ошибкам. Одна из них — постулируемая некая «свободная община», в которой старейшина «распределяет» пашню и уголья (I, с. 138, 140–141). Земля «традиционно считалась прежде всего коллективным владением общины» (I, с. 149). Здесь же упоминается о прекращении будто бы существовавших раньше регулярных переделов семейных участков. Так можно было писать в середине XIX в., когда логический однолинейный подход к первобытной истории превалировал, когда процесс возникновения земледелия еще не был известен,

когда еще не было понятия «неолитической революции». Сейчас же ясно, что с возникновением оседлости и земледелия участки пахотной земли сразу же становились семейными владениями, и община не занималась регулированием землепользования. Я писал об этом¹⁰, но это не просто мое мнение. Я опирался на труды российских и немецких ученых, авторитет которых высок. Как бы ни относиться к концепциям Ю.И. Семенова, никто не будет отрицать его энциклопедическую образованность в части сведений о первобытных и раннеклассовых обществах. И он утверждает, что нет **ни одного примера** коллективного хозяйства или переделов земли на этапе ранней земледельческой общины¹¹.

Проблему общины Васильев рассматривает так, как ее рассматривали в позапрошлом и в прошлом веках, но когда-нибудь этому бездумному схематизму надо положить конец. Я уверен, что представление о некогда общем общинном хозяйстве и о последующих переделах земли проникло в труд Васильева непосредственно из набросков письма К. Маркса к В. Засулич¹².

В принципе тот же источник у Васильева и при рассмотрении общины у древних германцев — а именно «Марка» и «К истории древних германцев» Ф. Энгельса. Согласно взглядам полуторастолетней давности, аллод превращается в частную собственность, происходит расслоение мелких собственников, возникают крупные землевладения, хозяева которых делают крестьянство «феодално-зависимым». Существует община в виде «сельского схода», который имеет право «выносить необходимые и обязательные для населения общины вердикты» (II, с. 231). А.Я. Гуревич давно показал, что эта схема надумана и не имеет общего с реальностью¹³. И ему никто не возразил. Аллод не становился частной собственностью. Скупка аллодов в те времена была немыслимой. Общины в то время не существовало. Хозяе-

ва жили отдельными хуторами. В данном сюжете снова заметно, что освободиться от старомарксистских представлений очень сложно.

Другая ошибка, вытекающая из антропологического подхода к истории, — конструирование схемы возникновения власти-собственности, т.е. становления эксплуатации общинников при помощи взимания с них налога. Налоговая система — по логической схеме — возникает путем усиления власти руководителя коллектива, вождя, который становится государем.

Между тем ранние цивилизации базировались не на мелких хозяйствах, обложенных «рентой-налогом», а на крупных хозяйствах или хозяйственных комплексах, принадлежавших храмам или казне, в которых работали зависимые люди, лишенные не только собственности на землю, но часто и вообще какого-либо имущества. Это демонстрирует и древнейший Египет, и ранние государства Месопотамии (самый яркий пример — III династия Ура), и древний Китай (от этих хозяйств сохранились склады каменных серпов). Васильев называет древнеегипетскую хозяйственную систему «казарменно-командной» (I, с. 176). Удачное выражение. Но возникновение подобной системы, а именно широкого слоя работников, лишенных имущества и находящихся на положении, близком к рабскому, концепция постепенного усиления власти вождя и появления ренты-налога не объясняет. Другими словами, вся эта тщательно сконструированная, я бы даже сказал, отглаженная схема возникновения государства оказывается бесполезной для уяснения конкретного процесса, шедшего в V—III тысячелетиях до н.э. на Ближнем Востоке, в долине Нила и, надо полагать, в других местах.

Переход от системы крупных казенных хозяйств к мелкому крестьянскому хозяйству, пользующемуся известной хозяйственной самостоятельностью и эксплуатируемому при помощи нало-

га, было существенным шагом вперед, совершившимся к концу эпохи очаговых цивилизаций и знаменовавшим переход к средневековым порядкам. Но Васильев этого не желает замечать. Для него «будь то Египет с его высокой степенью централизации или Индия с ее исключительно прочной практически автономно существующей общиной» демонстрируют «принципиальное сходство». В обоих случаях он видит власть-собственность и централизованную редистрибуцию. «Неважно, как это выглядело конкретно и какой принимало облик» (I, с. 246). Ему неважно, а мне важно. Я историк. И если я вижу, что в одном случае государство организует процесс производства через бригады работников, контролирует каждого производителя и диктует ему все сельскохозяйственные операции и вырабатываемые культуры, а в другом случае всем этим совершенно не интересуется, а озабочено только сбором налога с хозяйственно самостоятельных производителей, то я заявляю, что это разные системы (структуры, способы производства) и **разные общества**¹⁴.

Второй после «власти-собственности» пароль для входа в васильевскую «операционную систему» — это «централизованная редистрибуция». «В зависимости от титула, ранга, должности, родственной близости к правителю и некоторых иных обстоятельств каждый из них (власть имущих. — Л.А.) получал из государственной казны то, что ему полагалось, причем именно это и было централизованной редистрибуцией» (I, с. 247). Но ведь мы отлично знаем, что подобные ситуации были на Востоке крайне редки. Даже в Китае, где чиновники вроде бы получали жалованье из казны, на самом деле они кормились взятками, которые собирали на месте своей службы и которые взятками в то время не считались. Что же касается Индии, стран Ближнего и Среднего Востока, то там основной формой вознаграждения за «титул, ранг, и близость к правителю» служила раздача земельных

владений — *икта, тиулей, сююргалов, тимаров, зеаметов, джагиров*.

Можно, конечно, аргументировать, что земля и доход с нее — это собственность государства и в этом смысле тоже «казна», так что «военные лены», как их часто (может быть, неправильно) называют, — это тоже «централизованная редистрибуция». Но так может рассуждать только современный аналитик. Тогдашние *иктадары, тиульдары* и *джагирдары* отлично понимали разницу и отчаянно сопротивлялись, когда их хотели перевести с вознаграждения земельным владением на жалованье из казны. Так что «централизованная редистрибуция» — это тоже термин, обнимающий несколько вариантов строения правящего слоя.

Из «власти-собственности» логически вытекает «рента-налог». Эта категория — еще один осязательный «осколок» марксистского взгляда на Восток. Автор настаивает на том, что на Востоке налог и был рентой за землю (I, с. 140). Но ведь хорошо известно, что там имелись зажиточные налогоплательщики (в Китае — «крупные» и «средние» дворы, в Индии — *заминдары*), эксплуатировавшие арендаторов и разного рода зависимых и рабов. Они скупали земли и могли их продавать — следовательно, получали ренту, иначе земля не могла бы быть товаром. Ясно, что, как правило, налог не совпадал с рентой, и общинник выступал как собственник земли (подчиненный, зависимый, угнетенный — но все же собственник).

Подданные (кроме высшего слоя) отнюдь не были беззащитны перед лицом деспотической власти. Общины, корпорации, семейно-клановые коллективы, землячества и то, что называется «цехами» в городах, религиозные секты и тайные общества — они не просто «смягчали произвол», они обеспечивали функционирование всей системы в условиях отсутствия правовых гарантий жизни и имущества. Об этом вполне четко написано в I томе на стр. 252–253.

Основной нерв концепции Л.С. Васильева и основная идея рецензируемой книги — необратимая бифуркация человечества в середине I тысячелетия до н.э., возникновение «Запада», который и стал со временем современным западным обществом. Автор считает, что капитализм Нового времени развился непосредственно из античного общества, что это, собственно говоря, одно и то же общество («антично-капиталистическое»).

Автор многократно убеждает читателя, что для античного общества были характерны полная неограниченная частная собственность (I, с. 16, 422, 429, 436, 440). Непонятно, как все это можно утверждать, зная о том, что земля считалась собственностью города (общины). И в Греции, и, особенно, в Риме значительная часть земли оставалась в общей собственности города (*ager publicus*). Как можно говорить о свободной частной собственности, если в Афинах был «установлен земельный максимум», что ограничивало скупку земли (в Риме тоже, см. с. 360, 378), а до Солона имущество умершего становилось собственностью его фило (I, с. 307). Спартиаты вообще отрицали свою частную собственность (I, с. 305). Братья Гракхи опирались при проведении своих реформ на глубокое чувство общности, общинности, пронизывавшее римское общество, явно противоречащее идее частной собственности. Известны случаи беспричинной конфискации земли у богатых только потому, что они богаты (I, с. 300, 308). Как в данных случаях обстояло дело с уважением к правам частной собственности?

Удивляет автор и тогда, когда говорит о свободе древних греков и о правах их личности (II, с. 419). Оказывается, спартиаты «были свободными и полноправными гражданами своего государственного образования», и при этом «власти активно вмешивались во все мелочи жизни членов «общины равных»» (I, с. 304, 305). Как увязываются права личности с остракизмом в Греции и с проскрипци-

ями в Риме? В античном обществе действовали существенные ограничения «прав личности» со стороны общины.

Афинскую и существовавшую еще в нескольких полисах демократию автор склонен представлять нам как ранний вариант современной европейской. «В античности возникло демократическое общество свободных граждан» (II, с. 415). Он часто говорит о «выборах» и даже «электорате» (I, с. 441; см. также с. 442). Но известно, что представительной демократии греки не изобрели, выборов в современной понимании не было, все решалось жребием.

Смысл явной модернизации античных порядков, предпринимаемой Леонидом Сергеевичем, заключается в том, чтобы выстроить единый европейский путь развития — от Афин до Лондона и далее до Вашингтона (I, с. 9, 447; II, с. 230). «Западный мир ... наследник античной демократии» (I, с. 9). Средние века были «весьма значительным промежутком между двумя эпохами торжества Запада» (I, с. 447). Более того, и сейчас в мире господствует «античная структура» (II, с. 42–43, см. также с. 416).

Чтобы убедить в этом, надо не только «очистить» Древние Грецию и Рим от всего древнего (т.е. «античного»), но и выбросить из истории Европы Средние века. Нужно утверждать, что, с одной стороны, и после падения Рима сохраняются некие «традиции личной свободы граждан» в городах раннего Средневековья (II, с. 34; интересно, каких именно), а с другой стороны, что Западную Европу захватывают орды «варваров-кочевников», пришедших с Востока (II, с. 24; ниже, на с. 34 они названы «полукошачниками»), что совершенно неправильно. Германские племена были оседлыми и ко времени завоевания Западной Римской империи имели «стаж» пребывания в Европе не меньший, чем греки и римляне. Когда речь идет о завоевании Рима варварами, среди племен автор упорно упоминает гуннов (I, с. 444),

хотя известно, что гунны были разбиты на Каталаунских полях и отброшены и к созданию варварских королевств никакого отношения не имели. Но они нужны автору, чтобы утверждать, что эти королевства были «восточными по структуре» (I, с. 445) и даже «генетически родственны прежде всего Востоку» (II, с. 33).

Возникает новая неувязка. С одной стороны, «восточная структура», по Васильеву, это сильное государство и **«централизованная редистрибуция»**. С другой стороны, «феодализм в Западной Европе», который «был плотью от плоти классической восточной структуры» (II, с. 37, см. также с. 44), — это **«децентрализованная редистрибуция в политически ослабленных государствах»** (II, с. 33).

Появление античного общества действительно было величайшим событием в жизни человечества (наряду с возникновением морали в «осевое время» и взлетом Западной Европы в XV–XVII вв.). Наследие античной науки, искусства и политических идей действительно сыграло огромную роль в дальнейшем развитии всего мира. Без этого наследия даже арабо-мусульманская цивилизация не состоялась бы такой, какую мы знаем. Понятно, что для Западной Европы это наследие сыграло еще более значимую роль, чем для Ближнего и Среднего Востока. Но Европа не просто «развила» античные идеи. Она преумножила наследство: создала новую науку (опытную, ту, что мы сейчас называем наукой), новое искусство и новую политическую систему. Городское самоуправление Средневековья возникло самостоятельно, не на базе античных традиций. То же можно сказать о Парламенте, Генеральных штатах или кортесах. Это были **сословные** собрания, т.е. институт, принципиально отличный от античных органов самоуправления. Средневековая наука (схоластика, алхимия) имела европейское и арабо-мусульманское происхождение, это отнюдь не было «развитием взглядов» Сократа, Платона или

Аристотеля. Идея приоритета прав личности над правами коллектива (общества), лежащая в основе современного европейского общественного порядка, просто не могла возникнуть в недрах античного общества и потребовала значительных усилий в борьбе с церковью и государством в Средние века.

Современный исследователь утверждает: «В Средние века афинская демократия практически была неизвестна», а когда с ней познакомились в период Возрождения, то европейские мыслители ее еще долго порицали¹⁵. Нельзя забыть, что античность пришла в упадок. Сейчас не станем определять, по какой причине. Даже если это действительно была попытка выйти на современные буржуазные нормы, то необходимо признать, что она окончилась провалом.

Я согласен с Л.С. Васильевым, что возникновение античного общества можно счесть «социальной мутацией». Но, во-первых, надо понимать, что это означает. Слово «мутация» взято из генетики, где оно означает **случайный сбой генов**. Таким образом, говоря «мутация», мы утверждаем, что **не можем объяснить** случившееся. А во-вторых, эта мутация открыла **путь**, по которому пошла Европа, и этот путь состоял из нескольких этапов, каждый из которых был ею **преодолен!** Средневековье было не просто «перерывом» в становлении западноевропейской цивилизации, но важным периодом ее созревания.

Рассмотрение истории средневекового Востока в новой книге Л.С. Васильева в целом сохранилось таким же, как и в его предыдущих работах. Он продолжает утверждать, что ничего принципиально нового в Средние века не произошло, и он рассматривает Древность и Средневековье отдельно только для удобства изложения (II, с. 72–73). Однако и здесь, как и в разобранных выше положениях, его позиция несколько усложняется и потому становится противоречивой. Средневековый Восток имел «мало общего

с древневосточными цивилизациями» (I, с. 17). Однажды он упоминает духовные изменения, отмечаемые в Средние века (I, с. 438), имея в виду мировые религии и укрепление конфуцианства в Китае. Отмечаются «открытие и широкое применение новых технологий», «достижения культуры» и то, что «Восток видоизменился и в плане преобладающего типа государства» (II, с. 19). Имеются в виду крупные империи. Признается, что в Средние века произошло «расширение зоны, освоенной урбанистической цивилизацией» (II, с. 22), а также значительное развитие торговли, в том числе караванной (II, с. 25). Но всему этому, по мнению автора, не следует придавать серьезного значения: «речь не идет о каких-либо принципиальных структурных различиях» (I, с. 427, выделено автором; см. также II, с. 18).

Что автор понимает под «структурными различиями»? Мы ведь теперь не обязаны искать «способ производства». Изменение характера государственности и распространение новых, именно мировых, религий — это незначительные изменения? Видны изменения и в экономике. Государство отказывается (даже в Китае) от вмешательства в землевладение и землепользование общинников.

В связи с этим вернемся к понятию «власть-собственность». Леонид Сергеевич настаивает на своем приоритете в его выработке. Пусть будет так. Но нас интересует не только роль Л.С. Васильева в науке, но и существо проблемы феодальной собственности на землю. Между тем еще советские медиэвисты в свое время обращали внимание на то, что при феодализме большое значение имеют личностные и властные отношения. А.Я. Гуревич в ряде работ обратил внимание на то, что понятия «власть» и «собственность» при феодализме были неразличимы. «Земельная собственность феодала была опосредована его властью над крестьянином, собственностью на его личность», «Король жаловал, собственно,

власть над людьми, а не земельное владение, иммунитет, а не поместье». «Феодальная собственность представляла собой не право свободного распоряжения какой-либо территорией, а власть над людьми, живущими и трудящимися на этой земле». «Вопрос о собственности был вместе с тем вопросом о власти»¹⁶. Предоставляю читателю судить, кто первый сказал «а». Для меня важен не приоритет личностей, а приоритет Западной Европы. Давно признано, что власть-собственность — это признак феодальных общественных (включая экономические) отношений.

Конечно, можно на этом основании считать западноевропейские государства в Средние века «восточными деспотиями». Но эта новация Леонида Сергеевича вряд ли будет воспринята всерьез.

Не останавливаясь на ошибках, допущенных автором при изложении индийских сюжетов. В книге такого масштаба ошибки в чуждом материале случаются. Но создается впечатление, что Л.С. Васильев при работе над индийскими главами пользовался не очень доброкачественной литературой¹⁷.

В основу концепции положена простая схема, решительно подчиняющая себе реальную историю. Постоянно применяется прием «выпрямления». Это и выстраивание единой линии возникновения стратифицированного общества и государства — на основе этнографических, антропологических, а не исторических данных. Это и логическое, а не историческое понимание процесса возникновения централизованной эксплуатации («власти-собственности», «ренты-налога»). Это и схематизация средневековых восточных обществ (всяческое умаление негосударственных экономических и социальных отношений). Это и схематизация (и, следовательно, примитивизация) западноевропейского пути развития — спрямление его вплоть до отождествления античного и капиталистического обществ. Но история не

подчиняется подобным упрощенным схемам. Концепцию исторического процесса еще предстоит вырабатывать.

Недавно Олег Ефимович Непомнин выступил с книгой, также претендующей на теоретическое обобщение исторического процесса в странах Азии. Он включил в книгу несколько статей Николая Алексеевича Иванова (1928–1994) и главу, написанную В.А. Тюриным (последний почему-то не значится в числе авторов и в списке копирайтеров, правда, он упомянут в предисловии), но это не меняет того факта, что книга в целом отражает взгляды именно Непомнина: он писал большинство глав, он отбирал другие тексты для включения в книгу¹⁸.

Его концепция переплетается с рассмотренной выше концепцией Л.С. Васильева, но отличается от нее многими важными качествами.

Основная задумка книги — выделить на Востоке несколько «моделей» общественных отношений, отличающихся не только от «Запада», но и друг от друга. В отличие от Васильева, он хочет не «обобщить» Восток в единообразную схему, а выявить различия между азиатскими цивилизациями. В принципе такой подход может оказаться плодотворным. Если определять особенности «моделей» некими объективными методами. И если предложить убедительные параметры сравнения.

Намекает автор также на то, что средневековый Восток отличался от древнего. У него встречаются «древняя формация» (с. 17), «стадия древнего мира» (с. 21), «дофеодалные институты». Правда, не разъясняется, что это такое.

Что касается презентации отдельных моделей, возникает масса возражений и недоумений. У меня как индолога больше всего возражений вызывает подача индийского материала. Не буду об этом говорить, потому что это не уместится ни в какую статью приличного размера. Кратко говоря, автор значительно «ев-

ропеизировал» средневековую Индию, приняв некоторые едва намечавшиеся тенденции за сложившиеся институты. Япония как «модель» европеизирована тотально. Здесь достаточно сказать, что автор называет частной собственностью на землю владения князей (*дайме*) и *сегуна* (с. 264–265)¹⁹. В таком случае нужно и государственные земли в Китае и других странах тоже назвать частной собственностью императоров и падишахов.

Что касается метода сравнения, то утверждается, что «Запад» не должен быть эталоном (с. 15), однако по сути дела именно он взят за точку отсчета. По всей книге восточные общества выступают как более или менее удаленные от этого эталона (с. 5, 426). Но в самом конце все переворачивается: «Абсолютное большинство древних и средневековых обществ возникало и функционировало в рамках азиатского способа производства. Именно последний претендует на роль общемировой нормы. Тем самым античный Запад (Греция и Рим), а затем и западноевропейский (и японский) феодализм оказываются отклонениями от нормы, т.е. являются боковой ветвью древа мировой истории» (с. 428).

Вопреки общей задумке книги, значительная ее часть (5 глав) посвящена рассуждениям на уровне: «Запад» в целом и «Восток» в целом, без «расчленения». При этом, конечно (это неизбежно при таком подходе), автор конструирует свой собственный «Запад» и свой собственный «Восток».

Автор заявляет, что «мы берем западную модель как нечто целое» (с. 112). Прекрасно, можно абстрагироваться от особенностей Италии или Скандинавии. Но нельзя отвлекаться от истории. Европа в Средние века развивалась очень быстро, и сопряжение данных разных веков в едином тексте может создать искаженную картину. С «Западом» какого времени Непомнин сравнивает «Восток»? По прочтении выявляется, что таких «Западов» два. Автор имеет в виду либо модель «классиче-

ского феодализма», которая существовала только в мозгах мыслителей Возрождения и в наших учебниках политэкономии, либо Европу позднефеодальную, синхронную рассматриваемому им «Востоку» (с. 75). Но, по его же словам, Восток (кроме Японии) не дошел до стадии «позднего феодализма». Какой же смысл сравнивать общества разного уровня развития?

Что касается «классического феодализма», то этот виртуальный «Запад» «полностью и давно очистился от ... отсталых звеньев и прошлых стадий», «внутри западного мира существовали лишь развитые феодальные общества» (с. 19), «на Западе в разных странах наблюдался один и тот же уровень развития феодальной государственности» (с. 25). «В Западной Европе ... решающим фактором формирования позднесредневековых классов в конце концов стала частная собственность — сильная и независимая от короны» (с. 28)²⁰. «Целью производства здесь (в средневековой Западной Европе — Л.А.) была прибыль» (с. 63)²¹. После хозяйственного упадка, связанного с падением Западной Римской империи, Европа больше не знала спадов, «движение — только вперед, по восходящей» (с. 114)²². «В западном варианте власть оказалась вторичной, проистекая из сферы сначала землевладения, а затем земельной собственности, т.е. из экономики» (с. 28)²³. «В Западной Европе королевскую власть ограничивали органы сословного представительства — парламент, кортесы, Генеральные штаты, ландтаги» (с. 29)²⁴. «На Западе власть оказалась отделена от собственности», «западноевропейские феодалы — аристократия и дворянство — стали не государственным, а частным социальным образованием». «Амальгама власть-собственность здесь не сложилась» (с. 31). «В Европе власть и собственность оказались разделенными» (с. 77).

Разбирая концепцию Л.С. Васильева, я уже писал о том, что «власть-собственность» — это и есть характери-

стика любой феодальной собственности. Среди востоковедов распространено представление, что западноевропейский феодализм был основан на частной собственности. Это родовая травма бывших марксистов. Мы привыкли танцевать от «производственных отношений», «основой» которых, как нам разъяснил тов. Сталин, является та или иная «собственность на средства производства» — общественная, рабовладельческая, феодальная или буржуазная²⁵. А в предсмертной работе «Экономические вопросы социализма в СССР» он приказал считать, что основой феодальных отношений является феодальная собственность на землю²⁶. Исследования показывают, что власть-собственность — это не тот признак, который отличает феодальный Запад от средневекового Востока.

Должен доложить, что в последнее время историки-медиевисты, как западные, так и отечественные, обнаружили, что западноевропейское общество в Средние века значительно отличалось от той модели феодализма, которая сложилась в их умах в прежние годы²⁷. Они **перестали находить феодализм** в изучаемых ими странах²⁸. Чтобы дать понять, о чем идет речь в дискуссиях, приведем несколько цитат. И.В. Дубровский излагает соображения Г. Рейнолдс, а также комментирует их от себя: «Представление о вассалитете сложилось в те историографические времена, когда отрицали существование в Средние века политической власти и всякого понятия о публичном». «Понятием вассалитета нередко стремятся описать нормальные отношения между правителем и подданными». «В качестве земельного пожалования феодал нередко подразумевает собой в это время (около 1000 г. — Л.А.) род собственности, которой наделяются графы, виконты, викарии и другие высокопоставленные представители публичной власти из фонда публичных (фискальных) земель, отчего слово *fiscus* оказывается обычным синонимом феодала, а сами пожалования

привязаны к административному делению на графства, викарии и затем кастильянства». «Сеньориальный строй не основывался на системе поземельных отношений в той степени, как это было в позднее Средневековье. Власть существовала, так сказать, в чистом виде — не будучи опосредованной поземельными правами, не выступая в их облике. Власть в этом мире — она и есть власть». «Никогда до XIII в. феодал не обозначал собственности знати как таковой; некой особой благородной собственности до тех пор вообще не существовало»²⁹. Французский историк А. Герро утверждает, что в так называемые Средние века преобладала система «глобального господства», и лишь «упразднение глобального господства (к XVIII в. — Л.А.) позволило выделить внутри феодальных отношений право собственности, и светские аристократы незаметно (выделено мной. — Л.А.) превратились в землевладельцев»³⁰. Наши расхожие представления, что западноевропейский феодализм базировался на отношениях частной собственности на землю, оказались неверными, они попросту устарели. Таким образом, «расплывается» «точка отсчета»: с чем же, в самом деле, сравнивать «Восток» или его отдельные части?

О.Е. Непомнин придерживается «учения о формационном развитии человеческого общества» (с. 420). Но как он его понимает? Сколько формаций он насчитывает? В «Предисловии»³¹ утверждается, что Непомнин считает формацию на традиционном Востоке «азиатским способом производства» (с. 5)³². Но он сам утверждает обратное: концепция «восточного феодализма» «так и не была поколеблена. Более того, именно она оказалась наиболее аргументированной и успешно применимой к реалиям средневекового Востока ... Поэтому мы (т.е. Непомнин. — Л.А.) пользуемся здесь именно этой концепцией» (с. 15). На Востоке и Западе «имело место параллельное и одновременное сосущество-

вание двух самостоятельных вариантов, или типов, **единой** формации» (Там же. Выделено мной. — Л.А.). Но если это так, при чем здесь АСП?

В «Заключении», как уже упоминалось, АСП оказывается столбовой дорогой человечества (за исключением некоторых отщепенцев). На с. 417 нам сообщают, что спор о том, как называть общественный строй традиционного Востока: «азиатским способом производства», «восточным феодализмом», «государственным феодализмом» или «государственным способом производства», — является «бесполезным и бессмысленным» (с. 417). Однако на с. 426 оказывается, что «восточный феодализм» и «азиатский способ производства»³³ — это две разные формации. В Китае же начиная с древности и до современности «неизменной формацией» был АСП, а «феодализм» возникал время от времени как политическая надстройка (с. 214, 327). Но все это не помешало Китаю уже в VII в. войти «в стадию развитого феодализма» (с. 258, 260).

Автор утверждает, что феодальная «формация на обоих континентах развивалась по сходным ступеням эволюции», но процессы феодализации «шли с отставанием Азии от Европы на два-три столетия» (с. 71). Ниже автор поясняет, что «к XVII–XVIII вв. Азия полностью реализовала все возможности собственного ... варианта исторической эволюции», остановившись на «второй стадии» феодализма («развитой феодализм»). «Развитым феодализмом» в Европе обычно считаются XI–XV вв. Надо ли понимать так, что в странах Западной Европы в XI или XV вв. существовал тот же строй, что и в странах Востока в XVIII в.? Автор вряд ли хотел это сказать, но в чем же состоит концепция?

Раз уж от формаций автор не отказывается, неплохо было бы сейчас, в обстановке неразберихи в методологии исторического исследования (когда от марксизма отошли, не отрекшись), четко сформулировать, что именно понима-

ется под «архаикой», «первичной формацией», «древней формацией», «стадий древнего мира», и что такое феодализм, «чистый феодализм» (с. 18), «раннефеодальная стадия», «развитый феодализм», «вторая фаза» феодализма, «уровень развитого феодализма» (с. 21). Что такое «формационная чистота», «снижение формационного уровня» (с. 17), «общий кризис феодализма» (с. 72)³⁴. И что такое «многолинейная эволюция» (с. 24). Куда вели линии?

Что касается того «Востока», который используется в книге для сравнения с Европой, то он, как говорилось, с одной стороны, традиционен (т.е. соответствует модели, выработанной европейской колонизаторской историографией XIX в.), а с другой — специфичен, опирается на представления Непомнина о Китае.

Автор утверждает, что «в Азии частное владение землей не вело к установлению власти над населением» (с. 79). Что горизонтальные связи — групповые, клановые, патронажные, отношения личной зависимости — были «частью политической системы», т.е. институтами, упрочивавшими власть восточной деспотии (с. 88–89). Что «Азиатская ... государственная машина не допускала самостоятельной организации крупных, средних и мелких частных землевладельцев в любой форме и в любых масштабах» (с. 91). Что сельская община в Китае разложилась еще в древности (с. 303, 307, 309)³⁵. «Деревенские старосты либо назначались властями, либо утверждались ими» (с. 89). «На средневековом Востоке в условиях азиатской деспотии не могло быть независимых от монарха “частных войск” и отрядов» (с. 92). Все эти утверждения можно оспорить или уточнить. В данной статье для этого нет места. Могу лишь сказать, что отечественные востоковеды опубликовали значительное количество работ, освещающих не схему «восточного общества», а конкретные его проявления.

Мне кажется, что китаисты находят-ся под влиянием имеющихся у них источников, которые исходят «сверху» — от двора, из столицы. У исследователей создается превратное впечатление о могуществе центральной власти. Мы, индологи, тоже думали, что власть в Индии безгранично сильна, пока пользовались персоязычными хрониками и налоговыми инструкциями. Но введенные в оборот новые источники (купчие и другие документы на уровне деревни) заставили переменить эти взгляды³⁶. Отсутствие подобных источников в распоряжении китаистов, возможно, объясняет их убеждение типа того, что в Китае «государство формировало общество» (с. 118). Мне кажется, что общины всякого рода **успешно** противодействовали бездушному государственному регулированию. Я уверен, что успешно, потому что иначе восточные деспотии истощили бы свои ресурсы в несколько лет, и империи не были бы многовековыми.

Автор остается на позициях отставания Востока от Западной Европы на единственно возможном пути. Основная причина отставания — наличие первобытной периферии и разрушения, причинявшиеся кочевниками (с. 18–19, 21). Некоторые его формулировки отражают, видимо, представление (как и у Васильева), что община в средневековом обществе являлась пережитком первобытности. Поэтому у него фигурируют некое «дофеодальное свободное общинное крестьянство», которое подвергается «феодализации», однако оказывают этому процессу сопротивление (с. 306, 308–309 и др.). Все это — результат совершенно неправильного понимания института общины в стратифицированном («классовом», если хотите) обществе. Об этом уже говорилось в связи с концепцией Васильева. Община повсюду, где она прослеживается как активный институт (в Германии — с XII в.; в России — с XVII в., в Индии — с периода древности, точную дату установить невозможно, по-

тому что источники не датированы), никакого отношения к первобытности не имеет и играет важную роль в функционировании именно такого общества³⁷. Противопоставить Восток, как «зараженного первобытностью», Западу, как «свободному от первобытности», тоже не удастся.

Действительно важным отличием цивилизаций Востока от Западной Европы, на которое наши ученые обращали мало внимания, являлась разная роль **права** в этих обществах. Европейцы все отношения стремились закрепить в праве, а на Востоке обходились без права, закрепленного в законе. Не была законодательно закреплена не только низовая собственность налогоплательщиков (что неудивительно), но ведь и верховная собственность государства не имела юридического закрепления. «Государственная собственность на землю» — это наше юридическое европеоидное понимание ситуации, когда возможности контрагентов не фиксируются, зависят от соотношения сил.

Отрадной особенностью книги Непомнина является признание того, что помимо отношений, завязанных на государство, в Азии существовали и частнофеодальные отношения. Это существенная корректировка расхожего представления о Востоке. Но здесь, как и в других вопросах, автор совмещает противоречивые формулировки. С одной стороны, «азиатский феодализм» у него состоит из двух систем: государственной и частной. Существуют два различных класса феодалов: государственные и частные. Сосуществуют две формы изъятия прибавочного продукта: рента-налог и частная земельная рента (с. 27, 36). Взаимодействуют «две антиподные структуры» (с. 27), «два господствующих класса — верховный и частнофеодальный» (с. 37, см. также с. 33–34, 36, 38). Но при этом не проводится четкого различия между владельцами права на налог (участников государственной эксплуатации общин) и налогоплательщика-

ми, низовыми собственниками. Не разъясняется также, что слой подчиненных собственников в социальном плане представлял собой единство (что и проявлялось в так называемых «крестьянских» восстаниях), а с другой стороны, охватывал разные в классовом отношении группы — как крестьян, так и эксплуататоров. Этим последним он иногда тоже называет «крестьянами» или «общинной верхушкой» (с. 306–307). Смешение двух слоев сельского населения — доминирующих полноправных общинников, с одной стороны, и собственно крестьян и безземельных работников — с другой — проходит по всей работе.

Главное же — автор не видит, что его признание наличия двух феодальных классов требует пересмотра всей концепции азиатского общества. «Азиатский феодализм» не может при таком понимании быть «средой монопольного господства в руках самого госаппарата» (с. 30. Сохраняю стиль автора. — Л.А.). Рента и налог не могут «совпадать», соответствующие цитаты Маркса, пользующиеся до сих пор популярностью, уже не годятся.

Правда, класс частных феодалов, по О.Е. Непомнину, извлекает частную ренту, не имея собственности на землю, опираясь только на право владения. Ладно, допустим, что в этом состоит развитие автором марксистского учения о собственности и о классах.

Объясняется такая позиция тем, что автор прилагает к Востоку эталон, прокрустово ложе, «полной частной собственности», рассматривая эту категорию как внеисторическую. Но если действовать таким методом, то и в средневековой Европе, да и в Античности мы собственности не найдем. Выше приводились примеры, показывающие, что и в Европе в Древности и Средневековье абсолютной частной собственности не было. Среди советских юристов долго шла дискуссия, как надо понимать собственность. Наиболее крайних взглядов по этому вопросу придерживался М.В. Кол-

ганов. Он считал, что собственности не существовало, пока не возникло буржуазное право собственности. «Владение — такова, согласно Марксу, форма земельной собственности во всех докапиталистических обществах»³⁸. Это именно юридический, а не исторический и не политэкономический подход.

Мне кажется, что институты, в том числе институт собственности, исторически изменчивы, и нужно исходить не из определений, которые мы сами измыслили, а из того понимания, которое сложилось в изучаемом обществе. В средневековой Индии общинники-налогоплательщики назывались «собственниками» (*маликами*), «вотчинниками» (*ватандарами*), «господами земли» (*арбаб-и замин*), их права назывались «собственностью» (*милкият*). Они имели право наследования и отчуждения — продажи, заклада, сдачи в аренду (см. у Непомнина с. 33, 35, 39). Я не вижу оснований переименовывать их во «владельцев». Я называю их «подчиненными» или «податными» собственниками, указывая на те ограничения, которые накладывались на их права.

Я не касаюсь здесь рассуждений автора по поводу «соотношения китайской модели и китайской цивилизации», или об особом, циклическом типе эволюции китайского социума (с. 112–116, 254), потому что эти сюжеты мне совершенно

непонятны. Я не вижу в концепции циклического развития Китая (выдвинутой еще в период Чжоу для легитимации очередного переворота) ни объясняющей способности, ни китайской специфики. Циклическая история характерна для всех восточных обществ. Автор правильно пишет, что «вся история Среднего государства в понимании традиционного китайца» (выделено мной. — Л.А.) представляла собой периодическую смену «порядка» и «расцвета» «хаосом и упадком» (с. 258). Непонятно, почему современный исследователь должен оставаться на ментальном уровне «традиционного китайца».

Априори понятно, что восточная и западноевропейская системы были различны, шли по разным векторам, что видно хотя бы по результатам движения. Но нельзя сказать, что вопрос о существовании различий ясен или проясняется в последние годы. Нужны, во-первых, новые подходы к периодизации исторического процесса, исходящие не из единого фактора (способа производства или чего-то иного), а из многофакторной парадигмы. Нужны новые серьезные исследования пути развития Запада. Я пытался показать, что наши представления об этом крайне устарели. Основой же любых концепций может служить только глубокое изучение тех стран, которыми мы занимаемся.

¹ Васильев Л.С. Всеобщая история : в 6 т. Т. 1. Древний Восток и античность. Т. 2. Восток и Запад в Средние века : учебное пособие. М. : Высш. шк., 2007. С. 447, 478. [Vasiliev L.S. Vseobshchaya istoriya. V 6 tomah. Tom 1. Drevniny Vostok I antichnost'. Tom 2. Vostok I Zapad v sredniye veka. Uchebnoye posobiye. M.: Vis'shaya shkola, 2003. S.447, 478.] (Вышли также 3-й и 4-й тома задуманного шеститомника, но они не содержат дальнейшего развития концепции.); Непомнин О.Е., Иванов Н.А. Типология азиатских обществ. М. : Вост. лит., 2010. [Nepomnin O.E., N.A.Ivanov. Tipologiya aziatskih obshchestv. M.: Vost. Lit., 2010] Я опубликовал рецензию на два первых тома работы Л.С. Васильева. (см.: Алаев Л.Б. Всеобщая история от Леонида Сергеевича // Восток. 2009. № 2. С. 209–220. [Alaev L.B. Vseobshchaya istoriya ot Leonida Sergeevicha // Vostok. 2009. № 2. С. 209–220.]. В данной статье я повторяю некоторые тезисы этой рецензии.

² Васильев Л.С. История Востока. Т. 1–2. М. : Высшая школа, 1993; 1994; 2001; 2003; 2004; 2008. [Vasiliev L.S. Istoriya Vostoka. T. 1–2. M.: Vis'shaya shkola, 1993; 1994; 2001; 2003; 2004; 2008.]

³ В данной части статьи ссылки в тексте относятся к первым двум томам «Всеобщей истории» Л.С. Васильева.

⁴ См.: Рашковский Е.Б. Азиатский способ производства как историографическая проблема // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. В честь С.О.Шмидта. М.,

2002. С. 403–405. [Rashkovyi E.B. Aziatskiy sposob proizvodstva kak istoriograficheskaya problema // Istochnikovedenie I istoriografia v mire gumanitarnogo zananiya. V chest' S.O.Shmidta. M., 2002. S. 403–405.]
- ⁵ Алаев Л.Б. Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах / автор и сост. Л.Б. Алаев. М. : Вост. лит., 2000. С. 437, 439–440. [Alaev L.B. Obtschina v ego zhizni. Istoriya neskolkih nauchnyh idei v dokumentah I materialah / avtor i sost/ L.B.Alaev. M. : Vost. Lit., 2000. С. 437, 439–440.]
- ⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. С. 20. [Marx K., Engels F. Sochineniya. T. 13. S. 20.]
- ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 88. [Marx K., Engels F. Sochineniya. T. 23. S. 88.]
- ⁸ Там же. С. 346.
- ⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 32. С. 36. [Marx K., Engels F. Sochineniya. T. 32. S.36.] Выделено мной. — Л.А.
- ¹⁰ Алаев Л.Б. Проблема сельской общины в классовых обществах // Вопросы истории. 1977. № 2. [Alaev L.B. Problema selskoi obtschini v klassobih obshchestvah // Voprosi istorii. 1977. № 2.]; Алаев Л.Б. Община в его жизни ... С. 168–182. [Alaev L.B. Obtschina v ego zhizni... S. 168–182.]
- ¹¹ Семенов Ю.И. О стадильной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 75–81 [Semenov Y.I. O stadial'noi tipologii obtschini // Problemi tipologii v etnografii. M., 1979. S. 75–81]; Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее классовое общество. Часть II. М., 1993. С. 411–412. [Semenov Y.I. Ekonomicheskaya etnologiya. Pervobitnoye I rannee klassovoie obshchestvo. Chast' 2. M., 1993. S. 411–412.]
- ¹² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 418. [Marx K., Engels F. Sochineniya. T. 19. S. 418.]
- ¹³ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. М. : Наука, 1985. С. 90–136. [Istoriya krest'ianstva v Evrope. Epoha feodalizma. T.1. Formirovanie feodalno-zavisimogo krest'ianstva. M. : Nauka, 1985. S. 90–136.] См. также: Гуревич А. Избранные труды. Норвежское общество. М. : Традиция, 2009. С. 201–254. [Gurevich A. Izbrannie trudi. Norvezhskoie obshchestvo. M. : Traditsiia, 2009. S. 201–254.]
- ¹⁴ В статье о феномене феодализма Л.С. Васильев, упрекая меня за то, что я поставил под сомнение его приоритет во введении в научный оборот понятия «власть—собственность», а также исказил содержание этого понятия, пишет, что в его работах, «где часто употребляется термин «власть—собственность», никогда ничего не говорилось о «восточной системе эксплуатации». Вообще, понятие «власть—собственность» не имеет прямой связи с марксистским представлением об «эксплуатации трудящихся»: оно много глубже и серьезнее, нежели это представляется Алаеву, который оперирует им довольно легкомысленно и часто невпопад» (Васильев Л.А. Феномен феодализма (Новый взгляд на старую проблему) // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 152). [Vasiliev L.A. Fenomen feodalizma (novyi vzgliad na staruiu problemu) // Obshchestvenniye nauki I sovremennost'. 2007. № 6. S. 152.] Близкую по содержанию сноску см. в рассматриваемом двухтомнике, II, с. 39. Упрек, видимо, справедлив. Я действительно не представляю, что за глубина скрывается под этим понятием. «Власть» — это значит право на налог. «Собственность» — это значит право на ренту. Объединение этих понятий означает особую форму эксплуатации. Кого? Трудящихся или нетрудящихся — это как когда, и это другой вопрос.
- ¹⁵ Маринович Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению : учебное пособие. М. : КДУ, 2007. С. 13. [Marinovich L.P. Antichnaya I sovremennaya demokratiya: novye podhodi k sopostavleniiui. Uchebnoe posobie. M.: KDU, 2007. S. 13.]
- ¹⁶ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М. : Высшая школа, 1970. С. 44, 45, 46, 59. [Gurevich A.Ya. problema genezisa feodalizma v Zapadnoi Evrope. M. : Vis'shaya shkola, 1970. S. 44, 45, 46, 59.] См. также: Гуревич А.Я. Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы // Вопросы истории. 1968. № 4. С. 97, 98, 99, 103. [Gurevich A.Y. Problema zemel'noi sobstvennosti v dofeodal'nihi I rannefeodal'nihi obshchestvah zapadnoi Evropi // Voprosi istorii. 1968. № 4. С. 97, 98, 99, 103.] Помню, как ортодоксы ругали А.Я. Гуревича за «власть—собственность» (как и за другие новации). Как же так: ведь власть — это надстройка, а собственность — это базис. Как же можно их смешивать!
- ¹⁷ Об индологических ошибках Л.С. Васильева см. мою рецензию, упомянутую выше.
- ¹⁸ Здесь встает не только этическая проблема (захотел ли бы Н.И. Иванов включить свои тексты в такого рода книгу, сочетать свои идеи с идеями О.Е. Непомнина), но и чисто академический вопрос: насколько его тексты отражают современное состояние в этой отрасли знаний. Второй вопрос сводится к первому: не захотел бы Иванов переписать свои старые тексты?
- ¹⁹ Во второй части статьи ссылки в тексте указывают на страницы книги О.Е. Непомнина и Н.А. Иванова.

- ²⁰ Заметим от себя: да, стала, но «в конце концов» и для «позднесредневековых классов». А как дело обстояло раньше? В «Средние века» в собственном смысле?
- ²¹ Обычно считается, что эта цель стала главной только в эпоху капитализма.
- ²² Но известен кризис XIV в., вызвавший огромное сокращение населения; стагнация XV в. Неуклонный рост населения начался только в XVIII в.
- ²³ Интересно, из какой экономики проистекала власть королей и баронов?
- ²⁴ Когда?
- ²⁵ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: ОГИЗ, 1939. С. 556. [Stalin I.V. Voprosy leninisma. Izdanie odinnadsatoie. M.: OGIz, 1939. S. 556.] Новацией Сталина явилась также формулировка о «неполной собственности на работника производства» при феодализме.
- ²⁶ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 98. [Stalin I.V. Ekonomicheskiye problemisotsializma v SSSR. M., 1952. S. 98.] В этой же работе Сталин объявил, что «формы собственности на средства производства» определяют все иные производственные отношения (Там же. С. 172–173.)
- ²⁷ Одиссей. Человек в истории. 2006. Феодализм перед судом историков. М.: Наука, 2006. С. 5–200. [Odissei. Chelovek v istorii. 2006. feodalizm pered sudom istorikov. M.: Nauka, 2006. S. 5–200]
- ²⁸ См., напр.: Reynolds S. Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford, 1994.
- ²⁹ Одиссей... С. 52, 53, 55–57. [Odissei... S. 52, 53, 55–57.]
- ³⁰ Там же. С. 101.
- ³¹ Автор не указан. Авторские права имеют М.Н. Иванов и И.Б. Иванова.
- ³² Обращаю внимание на то, что в данной формулировке и приводимых ниже смешиваются понятия «формация» и «способ производства». Если уж употреблять марксистские категории, то надо делать это грамотно.
- ³³ О.Е. Непомнин дополняет формационную теорию идеей «синтеза» местных «прогрессивных элементов» с «внешними элементами» (с. 422). Модная несколько лет тому назад идея «синтеза» требует отдельного рассмотрения и в данной статье не рассматривается. В разбираемой книге проблема «синтеза» затронута только в главе о Тайване, которая с основным содержанием книги не связана.
- ³⁴ До сих пор нам был известен только «общий кризис капитализма», о котором, к счастью, сегодня все забыли.
- ³⁵ Я не владею материалом по Китаю, но знаю, что аграрное общество без общины не может существовать. Как мне известно из других работ, государственный аппарат в императорском Китае не проникал ниже уезда. Далее простиралась, скорее всего, общинная жизнь.
- ³⁶ Фундаментальная работа по этой теме: Habib I. The Agrarian System of Mughal India (1556–1707). Bombay, 1963; Sec. ed. Delhi, 1999.
- ³⁷ Указания на многочисленные исследования на этот счет см. в: Алаев Л.Б. Община в его жизни... С. 15–201. [Alaiev L.B. Obtschina v ego zhizni.... S. 15–201.]
- ³⁸ Колганов М.В. Собственность в социалистическом обществе. М., 1953. С. 12. [Kolganov M.V. Sobstvennost v sotsialisticheskom obtschestve. M., 1953. S.12.]

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ВОСТОКЕ*

С.И. Лунев

В Новейшее время было два основных этапа развития политической мысли на Востоке. Видимое превосходство европейской цивилизации было наиболее очевидным в первой половине XX в., особенно в межвоенный период. Продолжавшееся расширение колониальной системы, появление анклавов капиталистических отношений и современного производства во многих странах Востока, растущее заимствование европейской техники и знаний, наконец, обучение (общее или профессиональное) многих тысяч людей по европейскому образцу во все большей степени размывало и деформировало автохтонные цивилизации. Создавалось впечатление, что страны Азии и Африки идут по тому же социально-экономическому и техническому пути, по которому движутся развитые страны. Проявления же мировоззренческих и социально-культурно-религиозных особенностей автохтонных цивилизаций рассматривались как неизбежные последствия запоздалого развития, которые со временем могут отмереть. Иными словами, события именно этого периода заставили многих ученых, публицистов и политических деятелей считать, что происходит сближение цивилизаций и размывание наиболее острых межцивилизационных противоречий. Однако при этом предполагалось, что это сближение и складывание «общечеловеческих ценностей» возможно лишь на основе европейско-христианской цивилизации. На Западе интерес к восточной традиции был крайне ограничен.

Неизбежность следования по европейскому пути осознавалась и в афро-азиатских странах. Достаточно на-

помнить о возникновении движения теософов с их учением о мировой религии, проповедях М. Ганди, сочетавших элементы различных религий, провозглашении Турции — столицы халифата — светским государством. Политология на Востоке полностью ориентировалась на западные научные школы.

В середине XX в. ситуация начинает изменяться, что связано с ростом национально-освободительного движения и его победами. Обычно в отечественной востоковедческой литературе, работах ученых и публицистов развивающихся стран и западных радикалов внимание преимущественно обращается на значение этого движения в освобождении колоний от иностранного господства или ликвидации неравноправного положения формально независимых стран. Но у этого явления есть и другая сторона — рост национализма, отчужденности и враждебности к иностранцам коренного населения. При этом для пробуждения национального самосознания использовались исторические прецеденты, преувеличивались реальные или мифические достоинства национального характера, преимущества местной религии и пр. Все эти идеи национального превосходства и отчуждения от европейских ценностей нашли достаточно четкое отражение в концепциях Ф. Фаннона и Л. Сенгора в Африке, «Братьев мусульман» на Ближнем Востоке, «Хинду махасабхи» (Великое собрание индусов) в Индии. Можно сказать, что идеи возрождения автохтонных цивилизаций и отрицания европейских ценностей возникли еще до достижения политической независимости.

Практическое же их воплощение началось после достижения независимо-

сти (в Азии — на рубеже 1940–1950-х гг., в Африке — на рубеже 1950–1960-х гг.). На место иностранного колониального чиновника приходит местная элита. Воспитанная в европейском духе, она пытается сохранить, насколько это возможно, усвоенную ею систему ценностей, манеру поведения и пр.; для нее это и защитный барьер против местных конкурентов. Но в обстановке подъема национального самосознания она вынуждена устанавливать прямые и обратные связи с основной массой населения. Вследствие этого столь долго подавляемые и размываемые проявления автохтонной цивилизации начинают прорываться наверх, оказывать влияние на власть. По мере изменения состава элиты в силу биологических причин или повышения вертикальной мобильности, пополнения ее выходцами из низших и средних слоев, выросших в условиях национального подъема и поэтому отличавшихся большей приверженностью местным традициям и обычаям, чем элита колониальных времен, влияние цивилизационных ценностей на власть возрастало.

Все эти явления довольно быстро нашли отражение в законодательстве. Лишь очень небольшому числу стран удалось сохранить нормативные институты (конституции, уголовные и гражданские кодексы, принятые после провозглашения независимости), да и то с довольно большими дополнениями и изменениями. Конституции, составленные по европейскому или американскому образцу, были заменены или переработаны в соответствии с местными реалиями, всплывшими на поверхность вскоре после обретения суверенитета. Подверглись изменениям и гражданский и уголовный кодексы, в которые стали включаться положения о поощрении традиционных форм организации, религиозного образования, традиционных форм жертвований, о наказаниях за нарушение традиционных норм и введении самих традиционных форм наказаний и пр.

Постепенно ограничивалось и влияние западной идеологии и массовой культуры: введены были ограничения на деятельность западных миссионеров и их школ, а также издательств; была установлена довольно жесткая цензура на распространение западных фильмов, телепрограмм, художественной и учебной литературы. При этом запрещалось распространение произведений, не соответствующих местным представлениям. В итоге возвращение к традиционным цивилизационным нормам закреплялось не только в сознании, но и в официальной практике.

Большая часть политологов в этих странах стремились теоретически поддерживать происходившие изменения, что было связано и с давлением власти, которая требовала от общественников лишь обоснования необходимости отхода от западных норм и ценностей, и с реально существовавшей обстановкой. Установление системы представительной демократии в достаточно строгом западном варианте целым рядом стран афро-азиатского мира более полувека назад было очевидным «забеганием вперед», что провоцировало неизбежный «откат». Западные теории, разработанные на материале развитых стран, плохо работали на Востоке. Изучение традиционалистских сообществ требует сочетания общетеоретических дисциплин (общих теорий) и страноведения, учитывающего региональную специфику, и, более того, анализ развития стран Азии и Африки предполагает необходимым некоторое переосмысление общих теорий. При этом гуманитарная наука на Востоке продолжала испытывать мощное воздействие Запада. В результате, при определенном сохранении традиционного знания и ценностей, восточные исследователи стали использовать «западный» категориальный и понятийный аппарат.

Долгое время западная политическая мысль в целом отказывалась вос-

принимать специфику Востока и пыталась объяснить настоящее и будущее мироздания как прогрессирующую унификацию экономических и политических изменений в направлении заранее заданной европоцентристской «идеальной модели». Однако конкретная реальность демонстрировала невозможность построить в афро-азиатском мире достаточно гомоморфную модель, соответствовавшую западному прообразу. Постепенно в западном политологическом сообществе с 1960-х гг. стали появляться специалисты, предостерегавшие от применения чисто западной методологии для анализа восточных обществ. Один из ведущих американских специалистов, Л. Пай, даже сформулировал 17 специфических закономерностей «незападного» политического процесса. Среди них, например, отсутствие строгого разделения между политической сферой, с одной стороны, и общественными и личными взаимоотношениями, с другой; политические организации — скорее носители определенного мировоззрения, а не выразители политических взглядов; значительное количество различных кланов и кланов; гораздо меньшая по сравнению с Западом приверженность политических лидеров какой-либо стратегии; частое инициирование оппозицией революционного движения; слабая или вообще отсутствующая интегрированность участников политического процесса; постоянное появление новых лидеров; существенные различия в политических взглядах различных поколений; частое изменение отношения к легитимности тех или иных политических действий; слабое влияние политических дискуссий на процесс принятия решений; малое количество организованных групп интересов; доминирование лидеров харизматического типа; отсутствие стремления у политических лидеров к четкому высказыванию своих взглядов на внутрисполитические процессы (в отличие от международных проблем); из-

лишняя эмоциональность лиц, принимающих решения¹.

Цивилизационное поле, на котором осуществляется социально-экономическое развитие, очень обширно — от индивидуализма, этой основы западного общества, до коллективизма, свойственного традиционному восточному обществу, с существованием огромного количества промежуточных вариантов. Американской цивилизации присущ наиболее четко выраженный индивидуалистский путь, хотя и его нельзя назвать «крайним» (среди американских норм и ценностей есть немало групповых и общественных). Он позволяет США обеспечивать прогресс на путях либеральной экономики и полной, в западном понимании, свободы личности, но соответствует только американскому обществу, с его исключительным историческим своеобразием. Западноевропейские государства, не говоря уже о североамериканских странах, отличаются меньшим индивидуализмом.

Континентальным странам Восточной Азии свойственен более традиционный путь, близкий к четкому коллективистскому вектору. Возможно, этим объясняется довольно легкое приобщение китайского общества и стран Индокитая к социалистическому опыту. Вместе с тем в 1950-е и особенно в 1960-е гг. китайские руководители выбрали модель, не соответствующую традиционным нормам. Отказ КНР от обычной эволюционности и стремление революционными радикальными действиями («Большой скачок» в 1958–1960 гг., начало «культурной революции» в 1966 г.) обеспечить прорыв страны вызвали лишь огромные потрясения, потерю людских и материальных ресурсов и замедление экономического развития. Возврат же Китая на более традиционный путь в 1980-е гг. (отказ как от радикализма, так и от слепого копирования западных политических систем; проведение определенных рыночных реформ в условиях со-

хранения контроля единого центра над основными рычагами управления страной) за три десятилетия позволил ему выйти на второе место в мире по объему экономики, исчисленной по паритету покупательной способности. При этом, безусловно, опыт КНР — не идеален. Япония и Сингапур демонстрируют гораздо более удачный пример синтеза восточного и западного. Обращает, правда, на себя внимание интересный феномен: это удалось осуществить на практике, а теория оказалась недостаточно разработанной.

Однако даже в такой азиатской стране, обычно включаемой в понятие «Запад», как Япония, трудно не заметить колоссальные отличия ее модели от западной в плане организации и политической, и экономической, и социальной жизни. Не случайно американский профессор К. ван Вулфен заявил на конференции в Токио: «Мы не можем обнаружить гражданского общества в Японии... японское население не оказывает никакого воздействия на политические процессы... это — не настоящая демократия... у них нет свободного рынка»². Новые индустриальные экономики Восточной Азии, которые отстают от Севера только в количественном плане, совершили прорыв в условиях существования авторитарных режимов, с существенными элементами тоталитаризма. Цивилизационные особенности в организации производства и управлении обществом, а также в структурировании последнего, все нагляднее проявлялись в таких странах, как, например, Южная Корея, Индонезия и Таиланд. Только добившись значительных социально-экономических успехов, большинство стран Восточной Азии начали путь к внедрению ряда основных элементов западной демократии.

Для цивилизаций, окружающих «ядро коллективистского вектора» — российской и индийской, характерен срединный путь — развитие по широ-

кому полю, но довольно далеко от чисто коллективистского и индивидуалистского векторов. Именно определенная близость к западной цивилизации по подходу к фундаментальным проблемам и позволила Индии установить политическую систему, которая по сравнению со странами Юга наиболее соответствует большинству западных параметров. В условиях низкого уровня социально-экономического развития в Индии не могли бы прижиться элементы западной демократии, если бы они уже не были заложены в комплексе ценностей (так, три тысячи лет назад в Индии существовали «панчаяты», самоуправляющиеся общины, в дела которых государство практически не вмешивалось). Вместе с тем для Индии характерны и существенные отличия. Срединный путь Индии (очень существенная роль государства в экономике, значительные ограничения на деятельность предпринимателей и т.д.) позволял многим советским ученым и политическим деятелям причислить Республику к «странам социалистической ориентации», а американским президентам (политический строй) называть ее «самой большой демократией в мире». Социально-экономическое развитие Индии показывает, что и на этом пути, если он соответствует цивилизационным характеристикам общества, можно добиться существенного прогресса.

Любая попытка слепо копировать чужую модель приводит к серьезнейшим последствиям, что показывает опыт других азиатских стран. Так, в период правления Реза Пехлеви Иран был «витриной» западной модернизации. К 1979 г. Иран добился существенного прогресса по макроэкономическим показателям, но все это сопровождалось ухудшением материального положения и статуса огромного числа крестьян, рабочих и значительных слоев мелкой буржуазии, которых к тому же пытались лишить традиций в повседневной жизни; потерей социальной перспективы для средне-

го класса и «белых воротничков»; полной неустроенностью большинства молодежи. Это и предопределило победу иранской революции. Таким образом, вестернизация может приводить к краху незападные страны, если они не принимают попыток адаптировать западные модели к своим конкретным условиям и способствовать постепенной трансформации менталитета автохтонного населения (иранская модернизация не затрагивала базовую сущность местной цивилизации, а предлагала лишь новые, вестернизированные формы).

Если принять во внимание чрезвычайную внутреннюю этническую и культурную гетерогенность азиатских стран по сравнению с западными державами, то понятна особо важная роль государства и религии в данных государствах. Опыт целого ряда стран Восточной Азии свидетельствует, что именно деятельность государства имела основополагающее значение при формировании новых структур, что позволило таким державам в сжатые исторические сроки перенять у высокоразвитых стран достижения научно-технической революции и завершить процессы индустриализации. Конечно, чисто административная система, как показывает опыт азиатских стран, действительно менее эффективна по сравнению с рыночной. Но этот же опыт демонстрирует, что любой бизнес, в отсутствие реального контроля, будет стремиться лишь к получению максимальной прибыли, что, как правило, не отвечает интересам подавляющего большинства населения и не способствует развитию науки и высокотехнологического производства. Характерным является пример Южной Кореи, в которой военный диктатор Пак Чжон Хи заключил в тюрьму без суда и следствия крупнейших предпринимателей страны и выпустил их тогда, когда они приняли обязательства руководствоваться исключительно его указаниями по развитию производства, в том числе и технологического. Как это

ни прискорбно, но именно с этого момента началось «южнокорейское экономическое чудо», приведшее к удвоению ВВП страны за 11 лет.

Строгий учет цивилизационных особенностей и адаптация к ним западных ценностей дает возможности обеспечить всесторонний прогресс, что показало развитие восточноазиатских стран, которые добились колоссальных экономических успехов именно благодаря тому, что они отнюдь не буквально воспринимали западный путь, а переосмысливали его и приспосабливали к собственным потребностям. Подобное же поведение характерно и для азиатских гигантов — Китая, Индии и Японии. Для Китая на определенных этапах истории было свойственно стремление к самоизоляции и достаточно презрительное отношение к окружающему миру, но представляется, что в настоящий момент, после всех уроков XX в., этот культурологический пласт не оказывает серьезного воздействия. Соответственно, и в Индии колониальный период «растворил» ощущение своего превосходства и восприятие других как «млечча» (варваров). Сейчас индийцы и китайцы с готовностью воспринимают необходимость адаптации к своим условиям различных типов мирового опыта. Япония, как островная цивилизация, с самого начала демонстрировала способность воспринимать чужой опыт, соотнося его с традиционными ценностями. В Средние века Запад мог предложить Японии лишь христианство, что привело к принятию той решения о прекращении контактов. В середине XIX в. демонстрация экономического, технического и военного превосходства европейских держав немедленно вызвали стремление заимствовать новую технику, а для ее успешного использования менять законодательство и создавать соответствующие организационные структуры, а главное — готовить кадры, способные овладеть этой техникой. Все это было реализовано благодаря революции Мэйдзи.

Сокрушительное поражение во Второй мировой войне повлекло за собой уже готовность изменить политическую систему и на практике использовать западные политические теории, адаптированные к условиям Японии.

Неспособность к заимствованиям в целом демонстрирует Ближний Восток и Тропическая Африка. Наиболее перспективные молодые исследователи эмигрируют из региона. Более того, его покинули и самые прославленные арабские политологи. Среди восточных исследователей наибольшей известностью пользуются, видимо, Эдвард Саид и Самир Амин. Автор 22 монографий, палестинец Э. Саид (1935–2003) с 1950-х гг. проживал в США. Его наиболее знаменитая работа «Ориентализм» (1978) буквально взорвала западное сообщество, поскольку впервые четко и логично было доказано, что западная наука воспринимала Восток как «Другого», причем трактовала его образ в уничижительном плане (сейчас термин «ориенталист» воспринимается на Западе в том же негативном ключе, как и слово «империалист»). Египтянин Самир Амин, признанный лидер неомарксистской научной школы и антиглобалистского течения, с 1960-х гг. проживает в Сенегале.

Ислам, выступающий не только как религия, но и как идеология, в арабском регионе оказался не способен выработать основ государственного устройства, сопоставимых с западными нормами, и здесь, по существу, отсутствуют основы для строительства гражданского общества. Арабская интеллектуальная элита, идентифицирующая в целом свои страны по западному образцу, пришла к неутешительному выводу о «нелиберальной» демократии: демократизация арабских стран по западному варианту приводит к тому, что на выборах к власти приходят исламисты. Не случайно властям и армии нередко приходится разгонять законно выбранные новые правительства (обращает на себя внимание, что подоб-

ная ситуация характерна и для некоторых других неарабских мусульманских стран, даже для такого светского государства Среднего Востока, как Турция).

В Тропической Африке ситуация сложилась еще более неудовлетворительная. Ни одна страна не вошла в первую сотню стран по индексу развития человеческого капитала. Обращает на себя внимание регресс, который характерен даже для лидеров региона. Полной неудачей окончились попытки внедрения буржуазно-демократических теорий и марксизма-ленинизма, хотя в некоторых странах были предприняты усилия по их определенной адаптации к африканским условиям. По всей видимости, для Тропической Африки необходимо создание совершенно новых теоретических концепций, соответствующих менталитету местного населения.

В восточной политологии появились новые концепты на основе противопоставления «индивидуалистического» Запада «коллективистскому» Востоку. Особое звучание получили идеи «азиатских ценностей», чье быстрое распространение было связано, прежде всего, с давлением Запада после распада биполярной системы на развивающиеся страны в целях приведения их к наибольшему соответствию с западной моделью построения общества и экономики. Это встретило отторжение во многих благополучных странах Восточной Азии, которые были воодушевлены экономическими успехами и не желали распространения в регионе пороков, свойственных индивидуалистической западной парадигме: высокий уровень преступности, распространение наркотиков, резкий рост разводов, проблема бездомности, расовое напряжение в обществе.

Здесь начали активно прорабатывать концепцию «азиатских ценностей», в которые включают семью как оптимальную модель организации, сильную клановую систему, дисциплину и пови-

новение, уважение к старшим, приоритетное значение общественного согласия, сильное государство. Данная теория выполняла две весьма противоречивые задачи: 1) защитить ряд традиционных ценностей и объяснить их основополагающее значение для азиатских стран; 2) обосновать свой путь абсолютно необходимой модернизации, но четко показать ее неполное совпадение с вестернизацией. Таким образом, мы имеем дело с реальной попыткой синтеза восточных и западных норм. Как это ни парадоксально, концепция выполняла в Сингапуре модернизирующую функцию, постепенно видоизменяя менталитет населения в сторону сближения с западными нормами.

Впервые об азиатских ценностях заговорил первый премьер-министр Сингапура (1959–1990) Ли Куан Ю, который для объяснения огромных социально-экономических успехов некоторых стран Азии утверждал, что главным фактором столь быстрого роста в Азии был упор на подчинение авторитету группы, трудолюбие, семью, сбережения и образования. Интересно отметить, что, наряду с «отцом сингапурского экономического чуда», основными теоретиками данной концепции стали представители высшей бюрократии страны, получившие европейское образование: дипломат, обучавшийся в Гарвардском и Кембриджском университетах Томми Кох, бывший посол в США Чан Хенг Чи, получившая степень магистра в Корнельском университете, и бывший посол в ООН Кишори Махбубани, почетный доктор наук университета Дальхузи, одного из ведущих учебных центров Канады, где он в свое время стал магистром философии. Первоначально — в 1980-е гг. — концепция развивалась в духе конфуцианских ценностей: полноценное развитие образования, набор на государственную службу лучших студентов (как это практиковалось в императорском Китае), меритократический подход (выдвижение

на руководящие посты наиболее способных людей, отбираемых из всех социальных слоев), бережливость и напряженная работа, почтительность к старшим, патриархальное общество, социальный контракт между доброжелательными правителями и уважительными подданными (вариант «мандата Неба»). Определенное беспокойство властей Сингапура по поводу реакции мусульманской, индусской, буддийской и даосской общин на распространение конфуцианских норм заставило несколько переосмыслить концепцию, которая получила название «азиатских ценностей».

Томми Кох перечислил их 10 основных составляющих: избегание излишнего индивидуализма; поддержание крепкой семьи; преклонение перед образованием; бережливость и высокая норма сбережений; напряженная работа; коллективное взаимодействие в масштабах страны; достижение азиатского социального контракта; восприятие всех граждан как организаторов коллективного дела (членов коммуны); развитие всего, что морально благотворно; отсутствие абсолютной свободы прессы. Чан Хенг Чи отмечала, что от либеральной демократии азиатские ценности отличаются коммунитаризмом, уважением к власти, наличием доминирующей партии, сильным государством и централизованной, жестко иерархизированной бюрократией.

Концепция «азиатских ценностей» получила широкое распространение в Восточной Азии. Особую роль в продвижении данной теории сыграл премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад (1981–2003 гг.), способствовавший превращению Малайзии в современное государство с развитой экономикой, одно из самых передовых государств исламского мира. В его работах находит отражение отрицание западной и советской систем, апеллирование к традиционным нормам мусульманского и восточного общества, признание необходимости мо-

дернизации и инкорпорирования различных западных ценностей (в том числе и роли знания, хотя и полагает этот параметр наследием раннего мусульманского периода). Он известен и как критик исламского фундаментализма, и как сторонник точки зрения, что современная глобальная борьба с терроризмом является войной с исламом. Его характеристика «азиатских ценностей» весьма близка к взглядам его сингапурских коллег: ориентация на коллективизм и семью; уважение к власти; иерархично выстроенное общество; патерналистское, нелиберальное и сильное государство.

Данная концепция обрела множество поклонников в Китайской Народной Республике, в том числе и на самом верху, которые неявно, но настойчиво, используют ее для оправдания специфики развития КНР в области демократии и соблюдения прав человека. При этом наблюдается стремление соединить традиционные принципы и социалистическую систему (конфуцианство оказывало существенное воздействие еще на первого лидера КНР Мао Цзэдуна).

Можно согласиться с Фр. Фукуямой, что традиционные азиатские культуры начинают с четвертого (культура) и третьего уровней (гражданское общество) и продвигаются вверх — ко второму (институты) и первому (идеология) уровням, а современная западная политическая мысль старается идти сверху вниз. Поэтому наличие институтов для традиционного Востока менее значимо, чем сохранение укоренившегося морального кодекса.

Среди противников идеи азиатских ценностей в Восточной Азии следует упомянуть, в первую очередь, политических деятелей, ориентирующихся на западное сообщество: Далай-ламу, бывший президент Тайваня Ли Дэнхуэй, лидер оппозиции Мьянмы Аун Сан Су Чи, бывший заместитель премьер-министра Малайзии Анвар Ибрагим и другие.

Западные исследователи, как правило, отрицают значимость данной концепции. Так, американские специалисты Б. Бузан и Г. Сигал пишут: «Азиатские ценности неотличимы от викторианских (сильная семья, сильное государство, сильный национализм), что просто подчеркивает то обстоятельство, что всех сферах — от индустриализации до демократизации — восточные азиаты находятся еще далеко позади» — и добавляют, что «мир развивается в сторону цивилизации западного типа»³. Представляется, что это — сильное упрощение. Если брать роль семьи, то достаточно отметить, что в хинди, например, существуют десятки названий различных родственников, тогда как в английском — лишь несколько (русский язык находится по этому показателю в середине). Более того, как отмечалось, есть фундаментальный разделительный принцип — приоритетность групповых или личных интересов.

Поскольку Запад в целом не желает признавать возможность отхода от его идеальной модели, то подобное развитие было воплощено в практике, но не нашло достойного отражения в теории.

К сожалению, в западной политической науке практически отсутствует стремление отказаться от европоцентристского (американоцентристского) взгляда на происходящие события и искать новую «миросистемную» парадигму. Возьмем для примера господствующую догму о глобальном процессе якобы неизбежной демократизации, которую рьяно отстаивают американские обществоведы, поскольку это полностью соответствует задачам и целям внешнеполитического курса США. Действительно, практически нет стран, где не проводились бы выборы в законодательные органы, внешне соответствующие западным демократическим принципам. Однако на глубинном уровне в очень многих регионах нет схождения по существу с тем, что принято считать едиными базовыми нормами западной демократии. По-

добная ситуация ведет к потере четких ориентиров и у западного сообщества, нередко затрудняющегося определить, какие страны и регионы Юга в реальности соответствуют представлениям о демократии. Эта проблема решается крайне просто: западные политики и ученые объявляют страны «демократическими» и «идущими к демократии» либо «недемократическими» и «тоталитарными» в зависимости от соответствия их парастратегии интересам западного сообщества. При этом в развитых странах произошел фактический отказ от использования исторического метода.

Правда, существуют и альтернативные точки зрения. Их сторонники выпустили в 2000 г. своего рода манифест — работу «История мир-системы: социальная наука долгосрочных изменений». По их мнению, европоцентристский анализ игнорирует существование мировой системы до наступления европейской гегемонии, что не позволяет дать адекватный анализ нынешней системе и прогнозировать дальнейшее развитие. Авторы предлагают переходить на «человекоцентризм» и даже «экоцентризм». Для них «золотой век» Запада — явление временное и, возможно, преходящее. Они резко критикуют магистральный путь западной науки (включая марксизм), в рамках которого существуют три основные идеи: 1) мировая система зародилась в Европе; 2) «подъем» Запада связан с исключительностью Европы; 3) европейцы инкорпорировали остальной мир в свою «современную капиталистическую мир-систему» после 1500 г. По их мнению, следует принять различия Запада и Востока и признать наличие общей истории, которая развивается на основе длинных циклов, и общего будущего. Исследователи также отвергают примат анализа на индивидуальном уровне. В рамках данных представлений существуют разные подходы: постоянное развитие единой мировой системы (А.Г. Франк и Б.К. Гиллс), суще-

ствование нескольких мировых систем и их сравнительный анализ (К. Чейз-Данн и Т. Холл), центральная мировая система, засасывающая периферию, при восприятии мировых систем как цивилизаций (Д. Уилкинсон) и «эволюционирующая» мировая система, в которой функции мирового лидерства осуществляют последовательно сменяющие друг друга государства (Дж. Моделски и У. Томпсон).

Можно отметить, что данная концепция очень близка восточной традиции, многим школам которой имманентно присуща идея о мире, в котором все элементы связаны в единую структуру и оказывают друг на друга взаимное воздействие. Можно вспомнить о традиционном принципе дальневосточной философии «одно во всем и все в одном», в крайнем форме проявившемся в дзэн-буддизме. Положения о взаимозависимости и взаимообусловленности свойственны и даосизму и буддизму⁴. Цикличность развития — один из постулатов индуизма, буддизма и даосизма⁵, для которых, правда, характерна большая линейность, чем современным исследователям.

К сожалению, подобные взгляды не находятся в «мейнстриме» западной политической науки. Как правило, западные обществоведы либо не пытаются предложить новые модели развития стран Востока и принять их цивилизационные отличия от европейской модели, либо разрабатывают концепции (как С. Хантингтон), опираясь на строчки Р. Киплинга «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут...». Мы практически не видим в политической науке стремления создать синтез концептов «индивидуалистического» Запада и «коллективистского» Востока.

Целый ряд западных политологов замечают определенную деградацию развитых стран на уровне культуры (роль семьи, религия, моральные ценности и т.д.), при сохранении этих норм на Вос-

токе, что во многом связано с крайностями индивидуалистического пути. Однако пути решения возникающих проблем они ищут не в азиатском опыте.

Так, в американской социальной теории с 1990-х гг. вокруг концепций А. Этциони активно развивается такое направление, как коммунитаризм (термин, активно используемый в теории «азиатских ценностей»). Однако его сторонники, недовольные излишним развитием индивидуалистического либерализма, базируются на трудах Аристотеля, Ф. Тенниса, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Д. Белла, католической философии. При наличии определенных общих составляющих (укрепление моральных ценностей, понимание определенной ограниченности индивидуальных прав, культивирование сообществ, восстановление роли семьи, достижение морального консенсуса) теория коммунитаризма отвергает вмешательство центральной власти в дела местной, а местной власти — в дела семьи и противостоит традиционалистскому авторитаризму.

Первый массовый всплеск интереса Запада к восточной традиции произошел на рубеже 1960–1970-х гг., когда там был брошен активный вызов традиционным либеральным ценностям и потребительской модели общества (кульминацией стали молодежные выступления 1968 г., которые И. Валлерстайн называет «революцией»). Резко вырос интерес к традиционным «восточным учениям» периода Древности и Средневековья. Правда, в первую очередь использовалась внешняя форма (категории, принципы и понятия), а глубинная сущность восточной традиции была мало востребована.

К концу 1980-х гг. позиции западных диссидентов резко ослабли, и основным течением вновь стал либерализм, точнее, неолиберализм и неоконсерватизм, представители которых отвергают какое-либо значение восточной традиции, даже ее внешних форм. Вместе с тем восточ-

ная философия остается востребованным продуктом, когда берется восточная форма, которую заполняют западным содержанием. Так, активно используется работа «Искусство войны» Сунь-цзы, написанная в V в. до н.э. На базе 36 стратегем древнекитайского полководца и основоположника «школы военной философии» во многих бизнес-школах Запада проводится обучение стратегии ведения бизнеса, менеджменту и маркетингу. Иногда складывается впечатление, что ряд восточных традиций все-таки используется Западом на практике, однако американские и европейские политологи не готовы в целом признать это открыто.

Часть западного мира видит резервы восточной культуры в обуздании современного экологического нигилизма. Экологическое движение, оформившееся в 1960–1970-х гг., активно использует восточный принцип «у вэй» (другое написание — «ву-вэй»⁶), что означает недеяние, или не-действие, или «вэй-у-вэй» (деяние через недеяние), провозглашенный еще Лао-цзы, которого китайская традиция именует основателем даоизма (хотя даоизм оформился через полтысячи лет).

Принцип «у-вэй» означает невмешательство в протекание естественного хода событий и природного процесса, отказ от активности индивида в противовес космическим силам, а не просто о каком-либо праздном бездействии. Таким образом, он полностью противостоит западной норме преобразующего деяния. Даосский принцип⁷ распространяется почти на все основные параметры деятельности человека (конфуцианская традиция полагает, что он действует только в отношении личности императора). Существует и такое его восприятие, как создание идеальной модели, в дела которых нет необходимости вмешиваться.

Если сторонников внедрения принципа «у-вэй» в политической и социальной сфере практически нет, то он активно используется не только восточными

учениями (йога, система медитации, боевые искусства, дзэн), но и экологической этикой⁸. Его наиболее радикальное направление предлагает человечеству отказаться от господства над природой. В 1985 г. Дж. Сеженс и Б. Деволл выдвинули экологическое предписание «Ничего не делай!». Б. Калликотт, один из наиболее авторитетных сторонников новой этики, провозглашает необходимость экоцентризма и отказа от антропоцентризма и полагает, что идеи экоцентризма заложены в принципе «у-вэй», а также в индусской философии (отождествление Брахмана и Атмана, объективного и субъективного начала, Бога и индивидуума⁹) и дзэн-буддизме (принцип единства познаваемого объекта и познающего субъекта). Новая этика предполагает адаптацию человека к природной среде, их имманентно присущую взаимообусловленность, признание человечеством своей ответственности перед природой и отказ от ее целенаправленного преобразования.

Появление такой дисциплины, как экологическая этика, свидетельствует о том, что на Западе начинается осознание существования экосистемного кризиса в мире, а экологические проблемы могут быть окончательно сняты лишь в глобальном масштабе: в границах национальной территории, да и в рамках континента, их нельзя решить. За последнее время произошел перенос в развивающиеся страны «грязных» производств (а также трудоемких и энергоемких) на основе деятельности ТНК либо долгосрочной контрактации продукции местных предприятий. На Западе происходит сокращение физического производства (окончательное становление постиндустриального мира может произойти лишь при наличии индустриальной периферии). Если, образно говоря, раньше мы делили мир на «город» (Север) и «деревню» (Юг), то теперь его надо делить на «офис и лабораторию» (Север), «город» (Восточная и Южная Азия, Ла-

тинская Америка) и «деревню». Перенос грязных производств из США и Европы в «город» не привел к решению экологических проблем в зоне развитых государств. В Европе резко улучшилось качество воды и почвы, но климатические катаклизмы случаются все чаще.

Любопытно отметить, что наука развитых стран призывает к воплощению в жизнь тех традиционных норм Востока, от которых там уже отказались. Индустриальный путь, по которому идут Китай и Индия, приводит к жесточайшему нарушению экологического баланса. Более того, в азиатских странах экологические кризисы случались еще в древности. Вырубка лесов началась в Индии и Северном Китае еще в 3 тысячелетии до н.э. (данная причина и засоление почвы привели к гибели древнейшую индийскую цивилизацию Мохенджо-Даро и Хараппа, а Китай столкнулся с серьезными экологическими проблемами в V в. до н.э.).

Сейчас в наиболее быстро развивающихся странах Востока все пропитано аурой динамики, тогда как Западную Европу накрыла статика и застой. Правда, данное обстоятельство может способствовать тому, что принцип «недеяния» укоренится уже на европейской почве, если разработки западных сторонников экологической этики получат всеобщее признание.

Определенный интерес политическая наука Запада проявляет к этике ненасилия, разработанной, прежде всего, в рамках индуизма и буддизма. В индийской истории было меньше социальных конфликтов по сравнению с другими социумами, что связано, в первую очередь, с индуизмом. Такие основополагающие понятия, как *карма* (общая сумма совершенных индивидом поступков в предыдущих рожденьях и воздаяние за них в настоящем и будущем) и *дхарма* (долг человека, его статус, права и обязанности), определяют, что индивид не может возлагать ответственность за свои невзгоды на

общество или конкретных людей, а должен винить лишь себя за несоблюдение норм в этой ли жизни или в предыдущих. Особое значение для Индии всегда играл и принцип «ахимсы» (непричинение зла), впервые упомянутый еще в одной из ранних, «главных» упанишадах — Чхандогья-упанишаде. Он предполагает не только запрет на убийства, но и отвергает причинение какого-либо вреда действием или словом. Ахимса является первым предписанием для джайнов (которые распространяют его действие и на растения) и буддистов. Данный принцип лежал и в основе мировоззрения Махатмы Ганди.

В отечественной науке среди разработчиков идеи о резервах восточных традиций в формировании новой политической философии следует особо выделить В.С. Степина и А.С. Панарина. Соглашаясь друг с другом в том, что потенциал восточных учений очень значителен и рассматривая те же ее основные принципы (в первую очередь, «у-вэй» и ненасилие), они расходятся в плане оценки способности западной теории осознать необходимость включения восточной традиции в качестве составной части общей теории. По мнению академика РАН В.С. Степина, эвристический потенциал западной культуры очень велик, и она способна найти новые ценности и использовать в этом процессе восточный духовный опыт. Он полагает, что они будут представлять особый синтез западной и восточной традиции, не сводясь ни к одной, ни к другой, что и приведет к реализации популярной сейчас концепции «диалога цивилизаций». А.С. Панарин считал, что Запад не способен на какую-либо адаптацию чужих идей, и «безответственный экономический человек» — последняя модель западной теории и практики.

Таким образом, современная политическая мысль и практика Востока мало востребована на Западе. Ряд исследователей проявляют большой интерес к восточной традиции и стремятся к воплощению в современную жизнь целого ряда норм восточных учений. Парадокс ситуации заключается в том, что современное общество Востока как раз отходит от этих своих традиционных принципов.

Можно предположить, что именно российское обществоведение способно сейчас к проведению наиболее фундаментальных исследований по созданию полноценной теории синтеза Запада и Не-Запада. Для наших ученых прошел период определенной самоизоляции и достаточно скептического отношения к немарксистским теориям. Крах социалистической системы и Советского Союза «растворил» ощущение превосходства марксистско-ленинской теории, и сейчас отечественные ученые с готовностью воспринимают необходимость использования лучших образцов западной мысли. В то же время складывается впечатление, что уже прошел период и комплекса неполноценности, и российские специалисты (в своем большинстве) уже не воспринимают американоцентричный взгляд на мир, его историю и его будущее. Россия оказалась «более сдвинутой» в Азию, чем СССР, хотя бы с геополитической точки зрения, что диктует важность разработки теории синтеза. Одновременно здесь появилось поколение, которое не только глубоко понимает азиатские проблемы, но и хорошо знакомо с западными теориями, что дает возможность подобной разработки, и не под давлением новых политических и идеологических установок, а на основе объективности и научности.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 11-03-00099а.

¹ Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2. С. 66–86. [Paj L. Nezapadnyj politicheskij protsess // Politicheskaja nauka. 2003. 2. P. 66–86.]

- ² The Vitality of Japan. Sources of National Strength and Weakness / Ed. by Clesse A., Inoguchi T., Keehn E. B. and Stockwin J. A. A. London New York: "Macmillan Press LTD", "St.Martin's Press, Inc.", 1997. P. 406.
- ³ Buzan B., Segal G. Forget "The West Versus the Rest" Welcome to the Westernistic Era. New Delhi: RGICS Working Paper Series. 1999. No 3. P. 1, 11.
- ⁴ Так, махаянские тексты содержат принцип: «Когда одно противопоставляется всем остальным, оно воспринимается как нечто пронизывающее их всех до одного и в то же время содержащее их всех».
- ⁵ Космические циклы — цзэ (китайский язык), кальпа (санскрит).
- ⁶ Такое написание используют исследователи, который дают перевод не с китайского языка, а с английского, где китайский иероглиф 無 транслитерируется как «wú».
- ⁷ Лао-цзы говорил: «Действуй недеянием — и не будет того, что не управлялось бы тобой» — и «Мудрец действует недеянием и учит молчанием» («Дао дэ цзин»).
- ⁸ Экологическая этика — область исследований, предметом которой является выработка нравственных основ отношения к природе в процессе ее использования.
- ⁹ «И эта тонкая сущность — основа всего существующего, То — действительное, То — Атман. Ты одно с Тем» («Чхандогья-упнишада»).

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

А.Д. Воскресенский

О мировой политике как о современном феномене международных отношений можно говорить определенно с конца XIX в., когда начало реально формироваться международное сообщество, существовавшее до этого в виде различных цивилизационных миров, не связанных в единую международную систему. Только к середине XX в. колониальное и зависимое политико-экономическое состояние стран Востока, составляющих большинство стран мировой системы, но присоединившихся к ней в конце XIX — начале XX в., в основном на правах ее вспомогательных и зависимых частей, сменилось поисками своего собственного суверенного пути развития. После обретения независимости в странах Востока постепенно наметились существенные сдвиги, там утвердились различные формы сосуществования индустриальных и аграрных секторов с превалированием индустриальных в наиболее продвинутых странах, а традиционная система общественной жизни начала трансформацию в систему анклавного или анклавно-конгломеративного типа со сложным взаимоотношением традиционно зависимых групп, расширяющейся осовременивающейся политической элиты и синтезом «восточных» и «западных» цивилизационных компонентов в зависимости от внутренней способности восточных обществ к модернизации и трансформации. В целом этот процесс проходил в рамках сначала колониальной модели развития, а затем — догоняющей модели экономической и политической модернизации и сопровождался до конца XX в. зависимым и/или соподчиненным внешнеполитическим развитием.

Современная теория международного развития называет четыре главные структурные причины усиления неравномерной значимости национальных государств в системе мировых отношений: **глобализация, модернизация, интеграция и регионализация**. Неоднородность мирового политико-экономического пространства приводит к тому, что в различных пространственных сегментах мира, имеющих собственные формы эволюционирующей внутренней организации, каждый из этих процессов имеет свою скорость и форму протекания и, соответственно, по-разному влияет на региональную структуру, определяя своеобразие региональных подсистем международных отношений в рамках единой международной системы. В конечном счете, именно эти причины и определяют успех моделей развития тех или иных государств, способствуя или препятствуя их подъему или упадку, в конечном счете определяя характер мировой системы отношений и направление ее развития.

В Европе, развивающейся экономически и политически поступательно на протяжении последних 200 лет, модернизация и интеграция были и являются важнейшими факторами и стимулами внутреннего развития. Ни на одном континенте мира интеграционные процессы не идут с такой скоростью, не достигают такого объема и глубины. Даже мировой финансово-экономический кризис не смог затормозить этих процессов, а заставил приступить к проработке моделей дальнейшей «гибкой» и «разноскоростной» интеграции «ядра» ЕС. Несомненно влияние этих процессов на развитие Северной Америки, привед-

шее сначала к выдвижению США в лидеры мирового экономического развития, предлагавшего в течение долгого времени эталон для решения экономических и политических проблем, затем после образования ЕС стимулировавшего появление интеграционной модели по типу НАФТА, а затем Тихоокеанского партнерства, центрированных вокруг США. Регионализация, в свою очередь, приводит к снижению региональных диспропорций, сближению темпов и уровня развития регионов, созданию предпосылок для дальнейшей интенсификации интеграционных процессов, в частности, путем развития трансграничных «треугольников роста» и трансграничного сотрудничества. Эта проблематика находится в центре единого комплекса учебных и научных дисциплин, получивших название Европейских (European Studies) и Американских исследований (American Studies), предметным полем которых фактически является комплексный политико-экономический анализ региональных моделей развития двух крупнейших пространственных сегментов западного мира, оформленных в виде единого транснационального политического пространства¹. В центре направления Европейских исследований, как правило, находятся процессы европейской интеграции и ее внутренних и внешних последствий, а в центре Американских исследований — роль США в формировании различных «поясов» и сфер мировой и региональной политики преференциального типа, центрированных «вокруг» этого мирового и регионально-го лидера. Поскольку все эти процессы связаны с распределением и перераспределением влияния в мировой системе и структурах международного управления, подъемом и упадком государств, характером и методами управления мировыми процессами, то по своему типу такого рода анализ относится к области международного политического и политико-экономического анализа, обладающего

своей спецификой методологии постановки и решения проблем, связанной со спецификой предмета исследования: явлениями анархизированного (т.е. происходящего в отсутствие мирового суверена), но определенным образом упорядоченного содержательного и пространственно-временного взаимодействия суверенных государств и других акторов мировой политики в форме международной жизни, укорененной в региональной сфере².

Политические и социально-экономические трансформации конца XX — начала XXI в. привели к тому, что современный мир вступил в такой новый этап своей эволюции, когда уже отнюдь не исключительно западные страны, как это происходило в XIX и XX вв., стали определять не только сами параметры этой эволюции, но и научные рамки ее осмысления. Существовавший до последней четверти XX в. «разрыв» между мировой политикой глобального уровня и внешними политиками государств-наций стал заполняться быстро расширяющимся пространством регионального и макрорегионального/трансрегионального взаимодействия, которое стало постепенно менять сложившиеся параметры глобального взаимодействия, сначала для западных стран, а затем и для восточных. Естественно, что эти новые явления получают отражение как на уровне теоретического осмысления, так и в практике мировой политики и внешнеполитического взаимодействия. В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что любое объяснение современных международных политических и экономических процессов не может считаться полным без анализа их специфики в незападных регионах мира, поскольку именно к этой части земного шара относится большинство участников международной системы. В то же время характер процессов, происходящих в этом макро-региональном сегменте мира, известен значительно меньше, в целостном виде

практически не представлен в мировом научно-образовательном пространстве, так как долгое время считался второстепенным, в то время как без анализа этой проблематики сегодня ни один учебник мировой политики, международных отношений или международной политической экономики не может считаться адекватно отражающим мировую реальность. Дело в том, что на протяжении достаточно длительного времени теоретическое осмысление особенностей азиатских и африканских регионов с точки зрения сравнительно-политической перспективы заметно отставало от рассмотрения аналогичных процессов в западном мире, а ролью Востока в мировой политике пренебрегалось, либо она практически не учитывалась, считаясь второстепенной, прежде всего с точки зрения влияния на мировую политику, творившуюся великими ядерными державами. Подобная ситуация зачастую приводила к тому, что теоретические подходы, основанные на западных экономических реалиях и логике биполярного противостояния великих ядерных держав, автоматически считались применимыми ко всем остальным частям земного шара в полной мере, без их модификации, либо с незначительной модификацией. Это в конечном итоге стало вызывать существенные искажения в понимании характера политических процессов в западных регионах мира, Азии и Африке, а искажения на уровне понимания вели не просто к «западоцентризму»/«европоцентризму», «востокоцентризму»/«китаоцентризму», западному снобизму или антизападному радикализму, а к крупным просчетам и проблемам на уровне практики международного взаимодействия (латентное неослабевающее противостояние России и НАТО, связанное с расширением НАТО на восток и разработкой систем ПРО ТВД, террористические акты «9/11», проблемы торговых и финансово-экономических дисбалансов, связанных с ростом Китая и

Азии, сложности в Ираке и Афганистане, различные оценки внутри мирового сообщества последствий вмешательства в ливийские события и др.) и внутренней политики в самих странах Запада (реакция на события «9/11», террористические акты, война с «Аль-Каидой», волнения в Париже и Лондоне, «ислаимизация» и «азиатизация» Европы, появление партий «истинных европейцев», дело А. Брейвика и т.д.).

Основная проблематика сегодняшней мировой дискуссии о связи экономической и политической модернизации и влиянии этих процессов на мировое развитие и мировую политику вращается вокруг двух стержневых гипотез. В соответствии с первой экономической рост сопровождается появлением устойчивых демократических форм модернизированной политической системы (С. Липсет). Гипотеза подтверждается как количественными статистическими расчетами целой серии исследований экономистов и политологов (А. Пшеворски, М. Алварес, Х.А. Чейбуб, Д. Асемоглу, Д. Робинсон и др.), так и эмпирическими примерами. Этому взгляду соответствует политический лозунг «экономика предшествует политике» в его различных теоретических и практических вариантах, озвученных как политологами (С. Липсет, А. Пшеворски и др.), так и политиками (Дэн Сяопин, У. Клинтон, В. Путин и др.). В соответствии со второй гипотезой, подсказанной жизнью и стихийно озвученной сначала политиками (В. Гавел, Л. Валенса), а затем политиками, экономистами, политологами (Б. Ельцин, Е. Гайдар, А. Чубайс, А. Мельвиль), существует обратная причинная связь — «политика может предшествовать экономике» — сначала нужно целенаправленно форсированными темпами модернизировать политические институты, а затем вследствие этого неизбежно ускорится экономическое развитие. Эта гипотеза основана на теоретических предположениях, но также имеет некото-

рые эмпирические подтверждения (опыт стран Восточной Европы). В то же время она интенсивно дискутируется и оспаривается, к примеру, в России и Китае, что косвенно свидетельствует о роли фактора региональной специфики, так и не нашедшего адекватного контекста в этой дискуссии. Соответственно центральной становится проблематика идеальной, т.е. наиболее конкурентной, модели экономического и политического устройства, приближения существующих к этой модели и степень допустимости региональной/страновой вариативности ключевых параметров. Понятна и прямая связь этих теоретических дискуссий с практикой внутристрановых трансформаций («подталкивание» vs «стабилизация») и их влияния на международные отношения, мировую политику и практическую дипломатию. В то же время обозначенная проблематика не является предметом исследования ни в международных отношениях, ни в мировой политике, поскольку изучение современных международных отношений основано на плоскостной развертке международных связей основных акторов, прежде всего государств, а мировую политику интересуют структурообразующие факторы, а потому ход и результаты этой важнейшей дискуссии отражаются в этих дисциплинах в основном косвенно и в форме нормативных утверждений субъективного характера.

Российская востоковедная обществоведческая школа (мировое/зарубежное комплексное регионоведение, сравнительная политология, сравнительная мировая политика) — одна из первых национальных социально-гуманитарных научных школ, которая не только осознала, но и стала целенаправленно изучать новую мировую тенденцию повышения роли стран Востока в глобальных процессах, соединив в объяснении этого процесса мировые теории международных отношений и автохтонную традицию изучения общественных наук, изначально

но основанную на ньютоново-декартовом научном видении мира, но в целом не зашоренную регионально-страновыми предубеждениями в силу особой исторической судьбы нашей страны, находящейся географически, исторически, демографически, экономически и политически «между» Востоком и Западом. Особую роль в этом процессе сыграло наличие собственной, мирового класса, востоковедной традиции, очень рано обратившей внимание на роль структурных факторов, объясняющих отличия во внутренней организации двух крупнейших макрорегионов мира (дискуссия об «азиатском способе производства»). Однако в целом структурные исследования в международной сфере зарубежного регионоведения и сравнительного политического востоковедения, получившие дополнительный внутренний импульс к развитию в России после распада СССР, достаточно долгое время в самой России, как и в странах Запада, считались локальной экзотикой, которой можно было пренебречь, поскольку судьба мира, как считалось, решается на Западе, а созданные там теории наиболее адекватно объясняют мировую политику, международные отношения и политико-экономическую реальность. Такой взгляд на мировое развитие либо стопроцентно поддерживался, либо также стопроцентно оспаривался, а оспаривание рассматривалось прежде всего как признак ретроградности. Это привело к ситуации, когда предлагалось слепо копировать сначала западную, а затем, когда это встретило экономические и внутривнутриполитические затруднения, точно так же слепо копировать восточную модель развития без учета последствий их применения к российской реальности/российской специфике. Эта специфика либо полностью отрицалась, либо чрезмерно выпячивалась.

Однако в начале XXI в. ситуация в мире изменилась кардинальным образом: глобализирующийся мир стал как

бы сжиматься, а на первый план выходить проблемы новой, более тесной взаимозависимости природы и человека, людей, наций, народов, стран между собой в процессе устойчивого поступательного развития, без решения которых само существование человечества становилось проблематичным. В связи с этим и сами западные исследователи и политики сначала стали отмечать, а потом и объяснять новую тенденцию повышения роли стран Востока в мировой политике, пытаясь предложить новое целостное объяснение специфике процессов, происходящих в разных регионах мира. Возникла мировая дискуссия внутри единого западного и наиболее продвинутой части восточного политического и интеллектуального сообщества о роли региональных факторов в экономико-политическом развитии мира, хотя сам термин «региональный фактор», по крайней мере, на начальной стадии дискуссии и не употреблялся (Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, А. Франк, П. МакНилл, Д. Лэндс, Е. Гайдар, К. Махбубани, Хатами и др.). Затем реальность нового века (события «9/11» и мировой финансово-экономический кризис) заставила пересмотреть некоторые из дотоле казавшихся незыблемыми парадигмальных представлений прикладных общественных наук и обратиться к незападноцентричным, объективистским объяснениям мировых политических и экономических процессов, пока все еще не представленных в виде целостных логически непротиворечивых объяснений. В соответствии с этой новой тенденцией, впервые объясненной в исследовании Д. Норта, Д. Уоллеса и Б. Вайнгаста³, существует три типа социального порядка: примитивный, естественный и открытый. Примитивный социальный порядок сегодня в целом неконкурентоспособен, и сфера его распространения сокращается, оказываясь во все более суживающихся, депрессивных и отстающих региональных сегментах (точнее — фрагментах) мира.

Существование естественного социального порядка (в системе аргументации Д. Норта, Д. Уоллеса и Б. Вайнгаста он не нуждается в вычленении специальных этапов структурной дифференциации) проходит, в свою очередь, определенные временные этапы: хрупкое естественное государство, базисное естественное государство и зрелое естественное государство. Однако, судя по всему, существуют и структурные подтипы естественного социального порядка, по-видимому, уже на этапе зрелого естественного государства: архаизированный, традиционный, анклавный, анклавно-конгломеративный, конгломеративный, гибридный, переходный. Сегодня примерно 170 государств принадлежат к государствам с естественным социальным порядком. Кроме этого, существует и социальный порядок открытого доступа, который создали 25 государств. Государства с этими двумя типами социального порядка активно конкурируют друг с другом на международной арене, причем если к естественному (социальный порядок естественного доступа) принадлежит большее количество государств, то считается, что открытый (социальный порядок открытого доступа) позволяет быстрее реагировать на непредвиденные политико-экономические обстоятельства, он лучше гасит негативные внешние и внутренние импульсы, при экономических кризисах имеет меньшую глубину падения и отката назад, имеет предохранители против возникновения системных кризисов и в силу этого стабильнее и в целом интенсивнее развивается. Ранее считалось, что переход от естественного социального порядка к открытому происходит автоматически и спонтанно по мере экономического развития общества и повышения его экономического благосостояния, главное — только понять и осознать эту историческую закономерность, подобно тому, как в свое время была осознана и обоснована историческая закономер-

ность неизбежности перехода всех стран от капитализма к социализму, а затем и к коммунизму во всемирном масштабе. Последние научные и статистические исследования и, в частности, исследования компании Renaissance Capital, оценивающие изменения в политическом строе и уровень ВВП на душу населения в 150 странах мира за период с 1950 по 2009 г., свидетельствуют, что демократии с высоким уровнем валового внутреннего продукта на душу населения (выше 10 тыс. долл.) могут сформировать устойчивый тип открытого социального порядка (социальный порядок открытого доступа), что позволяет таким обществам устойчиво и относительно стабильно развиваться, но если доход превышает 19 тыс. долл. на душу населения, то вероятность построения социального порядка открытого доступа в государстве с естественным социальным порядком становится маловероятной⁴. Таким образом, в процессе трансформации социальных порядков ключевую роль, судя по всему, играют не только спонтанные, но и сформированные или формируемые факторы: понимание исчерпанности циклической модели развития, сознательный консенсус политических элит и общества по вопросу необходимости модернизации и эволюционной трансформации социального порядка и системы обеспечения правопорядка, гарантирующих эволюционную, но стабильную и поступательную трансформацию, без чего невозможно строить современные устойчивые политические и социальные институты, без которых, в свою очередь, невозможно проводить дальнейшую экономическую модернизацию, без которой, в свою очередь, невозможно построить сильное, благополучное и свободное государство. Такой подход позволяет понять внутреннюю связь между формами социального порядка и политическими системами, т.е. роль внутриполитических факторов в развитии, и по-новому подойти к проблеме влияния внутренних структурных

процессов в государствах разного типа на характер международных отношений и процесс мирового развития, т.е. анализировать и прогнозировать влияние разных типов социальных порядков на взаимоотношения государств в международной сфере. Это способствует пониманию причин существования разных теорий объяснения международной реальности (реализма, идеализма, прагматизма, конструктивизма и др.), а также западноцентричных и незападноцентричных подходов к международным отношениям. Одновременно такая постановка проблемы требует применения комплексных, интегральных подходов к анализу мировой и региональной реальности.

Одной из пионерских книг, в которой было предложено пересмотреть западноцентричный подход к мировым процессам и международной политической экономии, стало исследование А.Г. Франка⁵, открывшее путь трем крайне важным и интересным прикладным теоретическим научно-исследовательским работам: Б. Бузана и О. Уэвера⁶, П. Катценштейна⁷, А. Ачарии и Б. Бузана⁸, упрощившим в англоязычной литературе по международной проблематике понимание необходимости выработать новые исследовательские интерпретации мировых и региональных процессов. В последнем исследовании также была проанализирована и оценена вероятность появления незападных теорий международных отношений в ареале стран Восточной Азии, в целом интегрирующих и экономически модернизирующихся значительно быстрее других незападных регионов мира, а кроме того, и породивших страны, сумевшие перейти в XX в. от естественного социального порядка к открытому, правда, со своей национальной спецификой (Япония, Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Гонконг), либо находящиеся на пути перехода от естественного социального порядка переходного типа (гибридный или переходный)

к открытому (Индия, Шри-Ланка, Турция, Малайзия).

Следует отметить, что такого рода идеи возникали и раньше, но осознание необходимости собственной теоретизированной рефлексии в области международного развития, а соответственно, и обобщение этой тенденции, невозможно в немодернизированных обществах, не освоивших мировую политическую теорию международных отношений и экономическую политологию в их современных формах⁹. Осознание этого факта может сопровождать, но не способно предшествовать модернизации¹⁰. Появление такого рода исследований ознаменовало и одновременное наступление этапа более глубокого и непредвзятого научного осмысления проблематики в англоязычной исследовательской традиции, хотя в ряде работ (к примеру, у А. Франка) явственно ощущается и их полемическая направленность с классическими «западноцентристскими» исследователями (П. МакНил, Д. Лэндс¹¹), а А. Ачария и Б. Бузан, несмотря на заострение проблемы появления незападных теорий международных отношений, в целом достаточно сдержанны в оценках перспектив построения таких теорий. В 2010 г. «западная» и «восточная» интерпретации мировой истории были суммированы в исследовании Йэна Морриса¹², в котором была показана историческая ограниченность западноцентричного и восточноцентричного видения истории с точки зрения прогнозирования тенденций будущей синтетической парадигмы развития человечества, основные контуры которой только начинают вырисовываться. В то же время такая постановка проблемы не отменила необходимость анализа дихотомии Восток/Запад с точки зрения понимания специфики протекания социально-политических процессов и строения социального порядка на конкретных этапах развития истории человечества в региональных сегментах ми-

ра, несмотря на понимание того факта, что дихотомические противопоставления априори предполагают методологическую редукцию.

Постепенно, по крайней мере части наиболее продвинутых и парадигмально не зашоренных исследователей, стало ясно, что **рост межгосударственного взаимодействия** на региональном и макрорегиональном уровнях в качестве значимой тенденции мирового развития, **экономическая и политическая модернизация, открытый регионализм, регионализация** и появление феномена **макрорегионального и трансрегионального сотрудничества (трансрегионализма)** — а именно с этими новыми глобальными тенденциями и связано так же, как и в случае стран Запада на другом временном отрезке его развития, действительное повышение роли стран Востока в мировых процессах — определяют не только экономические, но также политические, социально-культурные и цивилизационные факторы, поскольку в каждом из региональных сегментов существует свой уникальный состав государств с разными типами социального порядка. В связи с этим действительно на конкретном историческом этапе развития вероятен переход мировой системы к реальной полицентричной структуре со сложной конфигурацией взаимодействия Запад — Восток/Север — Юг, основывающейся на усилении политико-экономической интеграции внутри регионов, появлением противоречий, связанных с необходимостью государств с разными типами социального порядка конкурировать и сотрудничать на пространственно сопредельных региональных сегментах, и одновременно развивать трансрегиональное сотрудничество, которое является в новых условиях специфической формой глобализации; формированием на этой базе мировых центров (включая новые) разной степени конкурентоспособности и, одновременно, проявлением противоречий между

ними — культурными, экономическими, политическими и иными. В ходе разрешения этих противоречий и происходит дальнейшее развитие мировой системы в рамках эволюции и трансформации мировых порядков вплоть до перехода международной системы в новое над- и транснациональное качество. Такая постановка вопроса подразумевает переосмысление проблемы мирового лидерства и эволюцию и/или трансформацию его характера от военно-экономического к структурно-политическому, включая вариант коллективного трансрегионального лидерства и мирового регулирования (G20), аналогичного, но не конгруэнтного ни по форме, ни по содержанию «концерту великих держав» XIX в., поскольку оно основано преимущественно на усилении новой тенденции кооперативного взаимодействия, а не на военном балансировании. Современные официальные парадигмы международных отношений в рамках специализированных государственных институтов — министерств иностранных дел, признавая необходимость сотрудничества, осознают эти процессы пока в основном только в рамках переосмысленного реализма и неореализма и плохо увязывают процесс мирового развития кооперативистского типа с проблематикой экономической и политической модернизации, в то время как реальное политико-экономическое наполнение этого процесса, как стало ясно в ходе мирового финансово-экономического кризиса, сложнее и многомернее, а стремление к сотрудничеству и развитию, даже при стремлении укрепить и обезопасить свой суверенитет от внешних опасностей, превращается в превалирующую тенденцию начала XXI в., которую не смогли подорвать даже мировые террористические акты.

Дело в том, что появление реальной полицентричности и усиление регионализации на конкретном историческом этапе может как бы притормозить

глобализацию, но это не обязательно означает усиление противоречий внутри мировой системы, чреватых войной, как считают представители теорий реализма, а наоборот, может свидетельствовать скорее об ускорении процесса взаимозависимости и гомогенизации внутри макрорегиональных комплексов, за которой последует новый виток трансрегионального сотрудничества и глобализации уже на основе сформированных макрорегиональных и трансрегиональных объединений разной степени конкурентоспособности. В рамках такого концептуального научного, а не нормативно-идеологического объяснения, макрорегиональные комплексы (НАФТА и Транстихоокеанское партнерство, ЕС, ВАС, АСЕАН, СНГ и др.) могут выступать в качестве прообразов новых центров полицентричной мировой системы, основанной на преобладании кооперативистских тенденций, трансрегиональные образования (БРИКС) — способствовать подъему новых мировых центров, т.е. способствовать выравниванию мирового пространства путем трансрегиональной кооперации нового типа, а теории регионального уровня — существенно дополнить, а возможно, и восполнить существующие сегодня теории международных отношений и мировой политики.

Как мы видим, экономический кризис перетряхнул мир, но не породил угрозу нового общемирового военного конфликта, а дал импульс к укреплению международного сотрудничества по его преодолению. Одновременно, перейдя из экономической в социально-политическую фазу, мировой кризис подтолкнул к поиску новых объяснений неравномерности развития глобализирующегося мира, преодолению этой тенденции и появлению незападноцентричных экономических теорий, объясняющих, подобно «Другому канону экономической науки» Эрика Райнерта¹³, причины мирового подъема и длитель-

ного стабильного развития стран Запада на конкретном историческом этапе его развития. Это понимание было синтезировано профессором Хэ Чуаньци в теорию двух фаз процесса всемирной модернизации¹⁵.

Следует констатировать, что существующая переходная модификация мирового порядка, более современного по своей структуре и типу по сравнению с предшествовавшими ему в XIX и XX вв. Вестфальским, Венским, Версальским и ранним Ялтинско-Потсдамским, породившими в XX в. две мировые войны и распад системы стран Варшавского договора и СССР, оказалась достаточно эластичной. Несмотря на целую серию военно-политических и финансово-экономических кризисов, последняя модификация мирового порядка устояла. Одновременно мировой порядок продолжил свою трансформацию эволюционным путем, в частности, путем политико-экономической модернизации государств, разновекторной и разноскоростной макрорегиональной и трансрегиональной интеграции, включая новые формы «мягкой интеграции», регионализации и открытого регионализма, перераспределения влияния между макрорегионами, трансрегионального сотрудничества и поиска новых политико-экономических моделей развития с целью преодоления экономической неоднородности мира, и вызвавшей, в конечном счете, мировой финансово-экономический кризис. В данном контексте особую актуальность приобретает вопрос о том, какие политико-экономические принципы определяют на современном этапе функционирование незападных/восточных обществ в отдельности и восточных регионов как единого целого, как эти общества реагируют на глобальные политические процессы; какие факторы, в конечном счете, определяют тенденции политической модернизации в странах Азии и Африки, как эти страны воспри-

нимают политическую модель «экстра-либеральной демократии американского типа», продвигаемую США в период президентства Дж. Буша-младшего и существенно переосмысленную и модифицированную Б. Обамой в ходе адаптации США к новой экономической и политической реальности, а также разные версии либеральной демократии в интерпретации разных стран Европы. Какие альтернативные модели политического и экономического развития (форм демократии и интеграции), и, в частности, моделей незападной демократии, нелиберальной демократии и гибридных режимов, формируются на Востоке, который также, несомненно, пытается модернизироваться и интегрироваться? Насколько новые формы демократии и интеграции альтернативны существующим, какова их экономическая и политическая перспектива? Могут ли они каким-то образом повлиять или как-то скорректировать вектор мирового развития? На новом этапе глобализации именно от этого, в конечном счете, и будет зависеть направление мирового развития, поскольку одни только западные страны, пусть и задавая общий вектор развития, уже не смогут определять судьбу всей планеты, даже если они и выйдут на новый уровень инновационного и технологического развития.

Дело в том, что государства с порядком открытого доступа по вэберовскому допущению монопольно контролируют легитимное применение насилия путем подчинения военных сил контролю политической системы, гарантирующей смену власти в случае злоупотребления этим контролем. Эта способность основана на поддержке безличных отношений как внутри государства, так и в более широком масштабе¹⁵. Для физической защиты своего населения экономически самые развитые государства открытого социального доступа создали и самый мощный в мире военно-политический блок НАТО. «Военная сила» этого бло-

ка «политически» подкрепляет поддержку распространения системы безличных отношений в более широком масштабе. Распространение безличных отношений в целом способствует уменьшению опасностей столкновения государств в том числе и с разными системами социального доступа, так как государства не разоружаются и продолжают поддерживать свою военную силу. Как стало ясно в самом начале XXI в., после террористических актов в столицах ведущих государств с системой открытого социального доступа и их ответных военных кампаний в Афганистане, Ираке и Ливии, на нынешнем этапе мирового развития существовавшая ранее система баланса государств с разными социальными порядками перестала существовать. Система баланса поддерживалась наличием ядерного и военного паритета двух внеевропейских центров биполярности (СССР и США) международной системы европейского типа, логика которого подчиняла все другие интересы поддержанию этого паритета, поскольку в противном случае разразилась бы ядерная война. После распада биполярной системы Ялтинско-Потсдамский порядок начал эволюционно трансформироваться в новое качество, поскольку возникла потребность в новой, модифицированной системе мирового регулирования и поддержания мировой стабильности. Процесс трансформации в целом зашел достаточно далеко, чтобы стать очевидным в связи с происходящей эволюцией категории национального суверенитета, воспринимаемой достаточно болезненно во всех региональных сегментах мира (в ЕС в связи с бюджетным дефицитом Греции, в России и Китае в связи с опасениями внешнего «подталкивания» этой эволюции, в Ираке, КНДР в связи с иракскими и ливийскими событиями и т.д.), но одновременно он еще очень далек от своего завершения.

Для стран Востока политический и экономический векторы модернизации

сегодня связаны прежде всего с поиском адекватного мировым закономерностям импортированного, либо автохтонного социально-экономического и политического развития, модернизирующего их социальные порядки и проходящего этапы, в целом сходные по структурным параметрам, но одновременно различные по временной последовательности и конкретному наполнению по сравнению со странами Запада. Некоторые из стран Востока к тому же активно экспериментируют на пути трансформации социального порядка. Все эти страны заняты поиском пути развития, повышающего уровень политической стабильности и благосостояния своих народов, сохранением культурной самобытности и самоидентификацией в глобализирующемся мире, повышением авторитета, и, соответственно, места в сохраняющейся неформальной иерархизированной структуре мировой системы де-юре равных суверенных государств, совершенствованием своего внутреннего социального порядка и существующего мирового порядка, их эволюционной трансформацией, а не желанием кардинально переустроить мир, подорвать существующую мировую систему, хотя некоторые радикалистские движения и даже отдельные страны (страны с архаизированными социальными порядками или радикалистски настроенными элитами — так называемые «страны-изгои») пытаются, хотя и безуспешно, предпринять такие попытки. Создав и начав распространять систему институтов открытого социального порядка, Запад открыл эпоху освоения этих институтов другими государствами, в том числе и восточными, которые получили возможность конкурировать с Западом на пути создания более приспособленных, т.е. более конкурентных, региональных версий такого порядка. Конкретным историческим развитием макрорегиональных сегментов мира, структурой национально-го социального порядка и связанными с

ним цивилизационными особенностями функционирования экономической системы, типом и особенностями национальных политических систем и режимов, а также спецификой политической культуры на конкретных этапах развития макрорегиональных сегментов и определяется общий характер конкретного исторического этапа и одновременно вектор мирового развития. Сравнительный анализ политических систем мира и адекватное понимание специфики политической культуры восточных обществ создает благоприятные условия для практического установления взаимовыгодных отношений с государствами Востока, позволяет им и нам найти свое адекватное место в мировой системе, повысить уровень общей вовлеченности в мировую политику, самооценки и дружественного восприятия, одновременно не теряя перспектив общего направления развития, что предопределяет важность такого анализа для политиков и дипломатов, задача которых — уметь адекватно и непредвзято объяснить и спрогнозировать форму протекания мировых и региональных процессов, вовремя скорректировать опасные проявления, а не способствовать подрыву, невольно или нарочито, существующих моделей мировой стабильности. Практическая же задача политиков и политологов в этой связи — объяснить, почему одним странам удалось выйти на путь стабильного экономического и политического развития, а другие не могут выйти из постоянно повторяющихся циклов тупикового военного балансирования и воспроизводства уже существующих, неизменных или мало поддающихся изменению политических и экономических институтов, которые гарантируют периодические потрясения катастрофического типа (системные кризисы) и отставание от равномерно и поступательно развивающихся государств. Такие потрясения регулярно ставят перед дипломатами практическую задачу «восста-

новления», «повторных нормализаций», периодических «перезагрузок» отношений, которые могут быть более или менее удачными, а могут и не осуществиться вообще, либо ухудшить отношения с конкретными странами. В случае системного внутривнутриполитического кризиса они также чреваты в некоторых государствах на конкретных этапах их исторического развития «чистой» политической этажа внешнеполитического аппарата и опасностью мало продуманной «внешнеполитической переориентации». С этой точки зрения комплексно подготовленный международник (т.е. всесторонне методологически и практически подготовленный) и овладевший методологией кроссрегионального политического анализа, может представить уникальный «интеллектуальный продукт», синтезирующий знание мировых закономерностей (мировая политика и глобальные процессы), региональных закономерностей и региональной проблематики (кроссрегиональный политический анализ и комплексный анализ регионов мира) и глубокое понимание страновых и локальных особенностей (компаративный страновой анализ). То есть главной задачей курсов, основанных на методологии и практике регионального политического анализа, является выработка объективистского видения современных мировых и региональных процессов, отражающего последние тенденции мировой политико-экономической мысли, т.е. понимания не только западноцентристского, но и незападноцентристского взглядов на мир, в целом отражающих мировое развитие во всей максимально возможной комплексности и взаимосвязанности. Такое понимание мировых и региональных процессов предполагает:

— существование на конкретных исторических этапах развития разных типов социального порядка: примитивного, естественного (на разных временных этапах своего развития выступающего в виде хрупкого есте-

ственного порядка, базисного естественного порядка и зрелого естественного порядка, с выделением разных подтипов зрелого естественного порядка: архаизированного, традиционного, анклавного, анклавно-конгломеративного, конгломеративного, гибридного, переходного), открытого социального порядка и соответствующих им типов обществ: примитивных, архаичных, традиционных, анклавных, конгломеративных, анклавно-конгломеративных, гибридных, переходных и гомогенизированных/плюралистичных, транскультурных и синтетических). Характер их внутреннего развития и взаимодействия формирует единые общемировые тенденции, модифицированные применительно к конкретной временной (исторической) и пространственной (регионально-географической) реальности в связи со своеобразием внутрирегиональных факторов;

— наличие культурной и социально-психологической специфики (т.е. обусловленной страновой спецификой и типом социального порядка политической культуры, национальной психологии, национального характера, своеобразия национальной экономики и менеджмента), связанной с особой ролью трансформирующихся, но полностью не исчезающих временных и пространственных факторов, которые не отменяют/отрицают общемировые закономерности и тенденции, но, как правило, определяют характер, последовательность, скорость, временную протяженность, своеобразие этапов протекания общемировых процессов на региональных и национально-исторических этапах модернизации и развития;

— наличие разных архетипов модернизации, соотнесенных с разными подтипами обществ, временными этапами их развития и национальной спецификой;

— наличие разных видов, моделей, закономерностей экономического и политического развития, которые обус-

ловлены отличиями экономических и социально-политических структур в конкретных странах, и одновременно «вписанных» в глобальные политико-экономические закономерности развития мира.

Эти положения основаны на том, что в последнее десятилетие в мировой политической науке становится плодотворным слияние классического страноведения (*Area Studies*) и дисциплинарных (прежде всего политологических и политико-экономических) исследований (мировая политика, сравнительная политология, экономическая политология, международная политическая экономия и др.), с опорой прежде всего на методологическую базу политической науки. В основе этого научного синтеза лежат принципы структурно-пространственного временного (темпорального) кроссрегионального политического анализа¹⁶. За последние несколько лет российскими политологами были не только разработаны методологические принципы, но и подготовлена целая серия изданий на эту тему¹⁷. Эти издания позволяют выявить сравнительную перспективу в специфике и временной динамике социально-политических процессов на Востоке, все более и более влияющем на общие тренды мирового развития, и одновременно понять, что в национальных моделях модернизации и развития может быть скорректировано (и каким образом), чтобы рационально ускорить этот процесс, сокращая путь там, где его возможно сократить на основе научно корректного теоретического понимания глобальных процессов и накопленного мирового опыта, не насилуя и демографически ослабляя население своей страны, если модель чередования этапов мобилизации/стабилизации полностью исчерпала свой потенциал для развития, одновременно понимая историческую неизбежность прохождения фаз развития, уже пройденных другими государствами мира и неизбежных для прохождения последующими.

- ¹ Транснациональные политические пространства: явление и практика. / отв. ред. М.В. Стрезнева. М. : Издательство «Весь мир», 2011. С. 121 [Transnatsionalie politicheskie prostranstva: javlinja i praktika. / Ed. M.V. Strezhneva. M.: Ves' Mir, 2011. P. 121]
- ² О роли анархического взаимодействия суверенных государств и формах обеспечения порядка в международных отношениях см. классическое основополагающее исследование Хедли Булла: Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. New York: Columbia University Press, 1977.
- ³ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. : Издательство института Гайдара, 2011. [Nort D., Wallice D., Waingust B. Nasilije i socialnie porjadki. Kontseptyal'nie ramki dlja interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva. M. : Gaidar Institute, 2011].
- ⁴ См. также: Асемоглу Д., Робинсон Д. Экономические истоки диктатуры и демократии. М. : Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2011 [Asemoglu D., Robinson D. Ekonomicheskie istoki diktatury i demokratii. M.: GU-VShE, 2011].
- ⁵ Frank A.G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley: University of California Press, 1998.
- ⁶ Buzan B., Waever O. Regions and Powers. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- ⁷ P. Katzenstein P. A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- ⁸ Non-Western International Relations Theory. / ed. A. Amitav, B. Buzan. New York: Routledge, 2010.
- ⁹ См., к примеру, их некоторые национальные версии: Современная мировая политика / под ред. А.Д. Богатuroва. М. : Аспект Пресс, 2009; Афонцев С.А. Политические рынки и экономическая политика. М. : КомКнига, 2010; Экономическая политология / под ред. А.Д. Богатuroва. М.: Аспект Пресс, 2012 и др. [Sovremennaja mirovaja politika. / ed. A.D. Bogaturov. M: Aspekt Press, 2009; S.A. Afontsev Politicheskie rynki i ekonomicheskaya politika. M: KomKniga, 2010; Ekonomicheskaja politologija. / ed. A.D. Bogaturov. M.: Aspekt Press, 2012.]
- ¹⁰ Chan S. Beyond the North-West: Africa and the East / Contemporary International Relations: A Guide to Theory / ed. A.J.R. Groom, Margot Light. London & New York: Pinter Publishers, 1994. P. 248.
- ¹¹ McNeil W. The Pursuit of Power. Chicago: University of Chicago Press, 1982; Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2008; Landes D. The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some Are So Poor. New York: Norton, 1998.
- ¹² Morris I. Why the West Rules — For Now. The Patterns of History and What they Reveal about the Future. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2010.
- ¹³ Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными? М. : Высшая школа экономики, 2011 [Rajnert E.S. Kak bogatye strany stali bogatymi i pochemu bednye strany ostajutsja bednymi? M.: Visshaja shkola ekonomiki, 2011].
- ¹⁴ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М. : Издательство «Весь мир», 2011 [Obzornyj doklad o modernizatsii v Kitae (2001–2010). M. : Ves' mir, 2011].
- ¹⁵ Норт Д., Уоллис Д. и Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. : Издательство института Гайдара, 2011. С. 71–72 [Nort D., Wallice D., Waingust B. Nasilije i socialnie porjadki. Kontseptyal'nie ramki dlja interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva. M: Gaidar Institute, 2011. P. 71–72].
- ¹⁶ Воскресенский А.Д. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А.В. Торкунов. М. : Просвещение, 2004. С. 494–500; Воскресенский А.Д. Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений // Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2002. С. 3–14; Воскресенский А.Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы) // Восток — Запад — Россия. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 141–144 [Voskresenskij A.D. Teoretiko-prikladnye aspekty regionalnogo izmerenija mezhdunarodnyh otnoshenij // Sovremennye mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika / ed. A.V. Torkunov. M. : Prosveshenije, 2004. P. 494–500; Voskresenskij A.D. Predmet i zadachi izucheniya regionalnyh podsystem mezhdunarodnyh otnoshenij // Vostok/Zapad: regionalnye podsystemy i regionalnye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij / ed. A.D. Voskresenskij. M. : ROSSPAN, 2002. P. 3–14; Voskresenskij A.D. Regionalnye podsystemy mezhdunarodnyh otnoshenij i region mira (k postanovke problemy) // Vostok-Zapad-Rossija. M. : Progress-Traditsija, 2004. P. 141–144].
- ¹⁷ Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2002; Китай в мировой политике / отв. ред. А.В. Торкунов, вступит. слово А.В. Торкунова, отв. составитель А.Д. Воскресенский. М. :

РОССПЭН, 2001; Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А.Д. Воскресенского, отв. сост. и научн. ред. А.Д. Воскресенский, К.П. Боришполец. М. : РОССПЭН, 2004; Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2008; Восток в мировой политике. Сравнительный анализ мировых процессов // Сравнительная политика. № 2. 2010 (спец. выпуск / под ред. А.Д. Воскресенского и Д.В. Стрельцова); Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы : науч.-метод. комплекс / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2011 [Vostok/Zapad: regionalnye podsistemy i regionalnye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij / ed. A.D. Voskresenskij. М. : ROSSPAN, 2002; Kitaj v mirovoj politike. / ed. A.V. Torkunov, preface A.V. Torkunov, editor A.D. Voskresenskij. М. : ROSSPAN, 2001; Severo-Vostochnaja i tsentralnaja Azija. Dinamika mezhdunarodnyh i mezhregionalnyh vzaimodejstij. / ed. A.D. Voskresenskij, responsible and scientific editors A.D. Voskresenskij, K.P. Borishpolets. М.: ROSSPAN, 2004; Konflikty na Vostoke: etnichesie i konfessional'nie. / ed. A.D. Voskresenskij. М. : Aspekt Press, 2008; Vostok v mirovoj politike. Sravnitel'nyj analiz mirovyh protsessov. // Sravnitel'naja politika. 2010 № 2. (special issue ed. A.D. Voskresenskij, D.V. Streltsov)].

МИФЫ О РОССИИ VS РЕАЛЬНОСТЬ

В.Д. Соловей

Одна из самых удивительных вещей, периодически встречающихся в публицистике и даже в серьезной науке, это так называемая «русская историософия», сиречь рассуждения о «русском характере» и «миссии России». Неплохо образованные и порою неглупые люди пишут о нашем народе так, как можно писать об инопланетянах, которых воочию никто никогда нигде не наблюдал.

Узнаете ли вы русских в подобном описании: аскетичный, равнодушный ко всем материальным благам, братолюбивый, общинный, богобоязненный, послушный властям народ, мечтающий о том, чтобы отдать ближнему последнему рубашу и надорваться, выполняя великую миссию («землю в Гренаде крестьянам отдать», восстановить «третий Рим», на худой конец, спасти Ливию от натовской агрессии)? Живя с русскими и среди русских более полувека, я подобных экземпляров не встречал. Честно говоря, очень сомневаюсь, что русские и в прошлом когда-нибудь были такими, как их воображают некоторые народолюбцы, хотя и признаю допустимость подобных суждений. Мне в истории видится одно, а другим наблюдателям — иное.

Однако настоящее-то для нас всех общее. И оно позволяет понять, каковы россияне не в отвлеченных полетах теоретической мысли, а на самом деле. Имеются по крайней мере два надежных и проверенных способа выносить суждения о народе: наблюдение его массовых практик (то есть повторяющихся моделей поведения масс людей) и интерпретация его ценностных ориентаций, выявленных посредством социологии, а не путем интеллектуальных спекуляций. Если оба этих способа дают подтверждающие друг друга результаты, то, со всеми возможными оговорками, этот результат

и будет максимально возможным приближением к реальному положению вещей.

Специально подчеркну, что для валидности результата имеет принципиальное значение обширное пересечение массовых практик и ценностных ориентаций. Это особенно важно в связи с существованием хорошо известного социологам феномена так называемых «парадных ценностей», или *ценностей для других*. Парадные ценности — это представления (обычно весьма приукрашенные) о себе, которые мы хотим вызвать у окружающих. Перефразируя Фромма, казаться людям важнее, чем быть. В то время как в своем актуальном поведении мы руководствуемся иными ценностями — *ценностями для себя*.

Весьма схематично современные массовые практики и жизненные стратегии в России можно охарактеризовать как *достижительные*, т.е. ориентированные на социальный и материальный успех. Причем речь идет об успехе здесь и сейчас, для себя и для семьи, а не о стремлении к некоему общему успеху в светлом, трансцендированном будущем. Стремление жить лучше и готовность ради этого много и тяжело работать служит своеобразной «красной нитью» российского общества.

При этом наши сограждане вовсе не аскеты и не «уравнители», как им приписывает неославянофильская псевдопатриотическая мысль. Расхожее мнение о приверженности отечественного менталитета «уравниловке» опровергается социологией. Хотя «наши сограждане очень чувствительны к проблеме справедливости <...> большинство — в настоящее время это 60%, а среди молодежи до 30 лет 67–68% опрошенных — отдает предпочтение равенству возмож-

ностей, считая это более справедливым, чем механическое нивелирование условий жизни»¹. Характерно, что даже в старших возрастных группах (51–60 лет и старше 60 лет), т.е. среди людей, выросших и прошедших социализацию в советскую эпоху, идея «равенства доходов» отстает от идеи «равенства возможностей»².

Впрочем, для знающих советскую жизнь по личному опыту, а не понаслышке, в этом нет ничего удивительного. Несмотря на официально поощряемые ценности коллективизма и социального равенства, неформальные массовые советские практики носили вполне достижительный характер. В этом смысле ценностная революция последнего двадцатилетия была подготовлена советской эпохой, в полном смысле слова созрела в ее недрах, а не привнесена извне.

Примечательно, что и тогда — в позднем СССР, и сейчас характер материальных притязаний подавляющего большинства населения был и остается довольно скромным. По крайней мере в сравнении с европейским или, тем паче, американским горизонтом. Краеугольный камень материального успеха в нашем социуме — наличие собственного жилья (квартиры или дома), в идеале — городской квартиры и загородного дом(ик)а. Однако для подавляющего большинства населения (около 80%) перспектива приобрести собственное жилье в настоящее время гораздо менее реалистична, чем во времена жилищной программы последнего советского генсека Михаила Горбачева.

Но это уже вопрос к крайне несправедливому устройству нашей социально-экономической системы, где даже упорно работающие люди имеют не слишком много шансов реализовать свои более чем умеренные надежды и чаяния. Доля россиян, выигравших в результате кардинальных социоэкономических и политических трансформаций последнего двадцатилетия, весьма невелика. Надеж-

ным, хотя и косвенным показателем ее оценки способно служить число граждан страны, выезжающих за границу с туристическими целями.

По данным 2010 г., доля россиян, никогда не покидавших пределы России, составила 79%, в то время как в zahraniчные туристические поездки в том году выезжало около 10%. Но если иметь в виду, что немалая часть туристов покидала страну дважды, а то и трижды (и все это шло в общий зачет), что для ряда дальневосточных регионов и Калининградской области туризм носил преимущественно характер приграничной торговли, то число, так сказать, «подлинных» туристов уменьшится до 6–8%. А это ничтожно мало по любым меркам. Для сравнения: в прошлом десятилетии zahraniчные вояжи регулярно совершали 54% французов и 75% шведов. Хотя у россиян есть желание путешествовать за границу (по опросу ВЦИОМ 2011 г., 80% респондентов хотели бы совершить туристическую поездку), у подавляющего большинства нет для этого финансовых возможностей.

По этой грубой прикидке, доля бенефициаров постсоветской системы колеблется между 10–20% (последняя цифра, вероятно, даже несколько завышена). Неудивительно, что достиженность служит вектором массовых практик россиян. Для людей, живущих бедно и стесненно, естественно и неизбежно стремление жить лучше, естественно и нормально старание потрудиться ради этой лучшей жизни. В этом смысле современный российский горожанин ничем не отличается от русского крестьянина XIX в., когда «главными считались... ценности сугубо материальные: деньги, хорошая, усадьба, богатство, успех, жизнь, “как у барина”»³.

В целом отечественное общество развивалось в том же направлении, что и западное, с некоторым запозданием следуя пройденным им путем. «Достижитель-

ность русского общества конца XIX века во многом... типологически близка достижительности синхронных ей западных обществ, т.е. русская культура того времени ориентирована в основном на посясторонние, а не потусторонние цели»⁴. Мощная коммунистическая прививка на время отсрочила, но не смогла остановить однажды начатое социокультурное развитие. Более того, именно советская модернизация сделала его в каком-то смысле необратимым — и не только потому, что превратила российское общество в современное (в смысле одного из вариантов общества *Modernity*).

Коммунистические санкции против любых социально и политически ориентированных коллективных действий, табуирование несанкционированной публичной жизни с неизбежностью канализировали людскую активность в приватную сферу. Приблизительно с 1960-х гг. в советском обществе интенсивно формировалась парадоксальная ситуация господства частной сферы при отсутствии частной собственности⁵. Советский человек был сперва «приватизирован» коммунистическим режимом, а уже в посткоммунистическую эпоху этот психологически и культурно подготовленный человек взялся за приватизацию материальных активов и обустройство собственного (как я показал, весьма скромного) быта.

Ну а что касается якобы присущего русским аскетизма, то не очень умно и откровенно нечестно возводить вынужденное состояние (а очень долгое время нам приходилось жить скудно и даже бедно в силу внешних обстоятельств) в ранг добродетели. Идеал он потому и идеал, что выбирается осознанно и добровольно, а не навязывается обстоятельствами или властью.

Не говорю уже, что в традиционалистской историософии отсутствует элементарная логика. Каким-то непостижимым образом она выводит, что именно русские не такие, как другие народы,

что удел России — аскеза, напряжение и жертвенность ради высокой цели, а жизнь в достатке и спокойствии нам заказана. Стало быть, все другие страны и народы мира могут плодиться и размножаться, строиться и обогащаться, что они, кстати, и делают, лишь России и русским предназначено прозябать в вечной нищете.

Где, на каких скрижалях истории, в каком божественном завете отчеканена эта вопиющая несправедливость? Разве высокая цель отменяет комфортную жизнь? Нравится нам или нет, но именно американцы сейчас самый мессианский народ иудео-христианской цивилизации, однако попробуйте им сказать, что они должны прозябать в нищете во имя «сияющего града на холме».

Как невозможно назвать современное российское общество аскетическим и неотмирно ориентированным, так невозможно назвать его общинным, коллективистским. У нас даже соседи по лестничной площадке знать не желают друг друга, а при строительстве загородного дома первым делом возводится высоченный забор. Однако это и не индивидуализм. Пресловутый индивидуализм Запада выглядит в сравнении с нами апофеозом общинности. Современное русское общество — *атомизированное*, сфера броуновского движения индивидуальных волей, желаний и жизненных стратегий, где трудно обнаружить какие-нибудь силовые линии в виде *работающих* «больших» идей. Даже если таковые обнаруживаются, то скорее как парадные ценности и нормативистские представления.

Это хорошо заметно при анализе «больших» идей российского общества. Мало того что традиционные мессианские идеи имеют невысокий рейтинг: «идея объединения всех славянских народов» (усеченный панславизм; усеченный, ибо предполагает объединение трех бывших советских республик восточнославянского корня — России, Укра-

ины, Белоруссии, но никак не всех славянских народов и стран) — 9% в 1995 г., 15% — в 2001, 13% — в 2011; «идея национальной уникальности, особой исторической миссии русского народа» — соответственно 7%, 8% и 9%; «идея очищения общества через православную веру» — соответственно 6%, 8% и 9%⁶. В повседневной жизни невозможно обнаружить практики, воплощающие эти идеи.

Отношение россиян к «газовым войнам» с Украиной и с Белоруссией совершенно очевидно формировалось по принципу «своя рубашка ближе к телу», а не исходя из презумпции славянского братства.

То же самое относится и к приторному оптимизму воцерковления. В стране, где старики роются в помойках, вряд ли возможно говорить о православии как влиятельной ценностной ориентации. А массовые православные практики, судя по психозу вокруг пресловутого «пояса Богородицы» — известной исторической фальшивки, носят магический, т.е. сущностно языческий характер. В этом отношении Запад, проклинаемый записными патриотами за «бездуховность», находится значительно ближе — и ценностно, и по массовым практикам — к христианскому идеалу, чем «богоспасаемая Русь».

В использовавшейся автором социологии самый высокий рейтинг у идеи «единения народов России в целях ее возрождения как великой державы»⁷. Однако естественный соблазн представить ее как традиционную мессианскую русскую (советскую) идею не выдерживает испытания в свете современного понимания великодержавия нашими соотечественниками. Выясняется, что на первом месте для них теперь находятся не такие традиционные атрибуты величия, как военная мощь и территориальный контроль, а развитая экономика, господство права, высокий уровень благосостояния граждан, передовая наука и высокие технологии. То есть российское общество

ориентируется на западный, а не автохтонный образец великодержавия. Причем среди людей младше 45 лет, т.е. тех, кто определяет будущее страны, превагирует акцент на «новых» атрибутах державности, в то время как среди старших возрастов — на традиционных⁸.

Но даже те, кто хочет видеть Россию великой страной — не важно, старого или нового типа, — не готовы хоть чем-то жертвовать ради почетного статуса. Они предпочитают, чтобы Россия снова стала великой без напряжения с их стороны.

Российский патриотизм приобрел за последнее десятилетие весьма сдержанный и прагматичный характер. Традиция «сперва думать о Родине, а потом о себе» не исчезла, но все более заметно превращается в парадную ценность. Причем даже в этом качестве она не превалирует: доля тех, кто придерживается точки зрения «Родина у человека одна, нехорошо ее покидать», лишь немногим превышает долю согласных с тем, что «человек должен жить в той стране, где ему больше нравится». При этом космополитическая — *ubi bene, ibi patria* — альтернатива заметно преобладает среди наиболее обеспеченных слоев и молодежи⁹. Более того, именно молодежь демонстрирует выраженную готовность покинуть страну: среди тех, кому до 30 лет, лишь четверть сказала, что вообще не хотела бы жить за рубежом, в то время как свыше трети хотели бы уехать за границу «на заработки», а каждый пятый готов покинуть Россию навсегда¹⁰.

Как мы видим, в целом ни одна «большая» идея, включая патриотизм *per se*, не обладает значительным мобилизационным потенциалом. Традиционный русский (советский) мессианизм утратил значение влиятельного и актуального социокультурного фактора. Мессианские представления, сохранившиеся в виде культурных мифов, носят инерционный и умирающий характер.

В данном отношении Россия пошла европейским путем. В Европе все круп-

ные нации имели ту или иную версию мессианской идеи, которая сошла на нет к середине XX в. В России подобное случилось с опозданием на полвека.

Еще раз повторю: единственная страна иудео-христианской цивилизации, сохранившая актуальный мессианизм, — это Соединенные Штаты Америки. Американцы рассматривают распространение демократии в мире, защиту прав человека, борьбу с бедностью и болезнями как свое кровное дело и как глобальную миссию США¹¹.

В общем и целом, по своим жизненным стратегиям и жизнеустроительным ценностям современные русские не имеют ничего общего с литературоцентричной мифологией русскости и России. Они ведут себя как вполне буржуазный и обычный европейский народ, мечты, надежды и желания которого самые что ни на есть буржуазные и обычные. Если коротко, это желание спокойной, обеспеченной и свободной жизни, бытия без всяких духоподъемных химер и желательного подальше от излишне стеснительной и загромождающей длани государства.

Правда, для подавляющего большинства наших сограждан сей скромный идеал почти так же недостижим, как взывание Града Небесного или окончательная победа коммунизма. Страшный и неизбывный грех «русской историософии» не в ее скудоумии и пошлом филистерстве, а в том, что она фактически оправдывает систему почти колониального угнетения и издевательства.

Слава Богу, наш народ умнее домогренных учителей аскетизма, которые сами, кстати, предпочитают жизнь комфортную и сытую. Он продолжает заниматься своим делом — обустройством личной жизни, которое и есть обустройство России. Русские больше не верят никаким духоподъемным идеям. Их не заманишь в рати и трудовые армии строителей утопии, как бы она ни называлась и под каким бы соусом ни подавалась. Русские хотят жить здесь и сейчас, не понимая, почему и ради

чего они должны отрывать от себя и своих детей добытый тяжелым трудом кусок.

Возможно, когда-то мы и были народом для других, но сейчас совершенно точно стали народом для себя. Из бесшабашной и полной избыточных сил юности народ перешел в трезвую зрелость. Это не хорошо и не плохо. Это — неопровержимая реальность.

Хотя российские желания и мечты скромны и ограничены по любым западным меркам, добиться их осуществления чаще всего не удастся. Почему? Русские винят в этом власть, что хорошо заметно по их повседневному отношению к любым проявлениям власти. В этом отношении преобладают такие эмоции, как ненависть, страх и презрение. А какими они еще могут быть, если к 2011 г. «в стране практически не осталось людей, которые были бы согласны с утверждением: в делах страны многое зависит от простых граждан. И напротив, 3/4 россиян убеждены в обратном: все в нашей стране решают руководители и политики»?¹² Из выраженного элитистского характера российской власти массовое сознание неизбежно делает вывод о ее тотальной несправедливости.

Вторая причина критического отношения россиян к власти — ее неэффективность. «Другая, не менее значимая причина недовольства состоит в *крайне низкой эффективности функционирования большинства демократических институтов*»¹³. Между тем, в перспективе исторической социологии, признание власти одновременно несправедливой и неэффективной означает признание ее тотально нелегитимной. И от такого признания лишь один шаг к массовому политическому протесту, первые проявления которого мы и наблюдаем с декабря 2011 г.

Какую же власть хотят видеть россияне вместо нынешней — несправедливой и неэффективной? И в этом пункте традиционалистская историософия сбивает столь же кардинально, что и трак-

товке русского характера и жизненных устремлений русских. Власть, которой они хотят, это не монархия, не «сильная рука», а обычная демократия — демократия самого что ни на есть западного образца, а не какого-нибудь автохтонного извода. По социологическим данным, в массовом сознании россиян надежно укоренилось представление о предпочтительности демократии другим формам правления, а «восприятие россиянами основных ценностных слагаемых демократии мало чем отличается от того, что имеет место в странах так называемых развитых демократий»¹⁴.

Наши соотечественники хотят, чтобы общество могло влиять на власть, а та была ответственна перед обществом; хотят разделения властей и независимого суда; хотят свободных выборов и многопартийной системы; хотят свободы слова, неприкосновенности личности и гарантий прав собственности. Они боятся произвола властей, их не устраивает правовая и гражданская беспомощность, им не нравится ограничение политических свобод и свободы слова. Не азиатская деспотия или советский социализм, как бы он ни был хорош, а европейское устройство власти и европейский уклад жизни — вот магистральный выбор современного русского народа. И если он не вписывается в чьи-то теоретические схемы и возвышенные рассуждения, то это беда схем и их авторов, а не вина народа.

Резюмируя, ценностный вектор политических представлений современных россиян диаметрально противоположен распространенной мифологии о «врожденной» неспособности России к демократии. Так что же остается из расхожего компендиума традиционалистской историософии? Пожалуй, только пункт об особой российской цивилизации как альтернативе западной.

На первый взгляд, это единственное сохраняющее силу утверждение традиционалистской историософии: «Только треть наших сограждан соглашаются

с тезисом, согласно которому они непременно должны жить по тем же правилам, что и страны Запада, тогда как 2/3 убеждены в том, что Россия — это особая цивилизация и ее западный образ жизни здесь никогда не привьется»¹⁵. Однако, как говорится в американских фильмах, это не то, чем кажется.

Во-первых, предшествующий анализ наглядно засвидетельствовал, что по жизнеустроительным и политическим ценностям, по жизненным стратегиям и массовым повседневным практикам не существует принципиальных различий между россиянами и европейцами.

Во-вторых, изучение того, какое же именно содержание русские вкладывают в понятие «особой цивилизации», приводит к выводу, что речь идет об «особости» в европейском контексте, что Россия воспринимается общественным сознанием именно как Европа, хотя *другая* Европа. «Практически 2/3 россиян считают Россию естественной частью Европы и полагают, что в дальнейшем она будет теснее всего связана именно с этим регионом мира, тогда как число активного проповедуемого сегодня (опрос проводился в марте 2000 г. — В.С.) евразийства составило не более 1/3. Уровень значимости для россиян азиатских стран в целом сравнительно невелик. Само слово “Европа” в ассоциативных рядах массового сознания россиян окрашено значительно позитивнее, чем “Азия”...»¹⁶. Добавлю, что к настоящему времени доля сторонников евразийства кардинально сократилась.

Вообще расшифровка концепта «евразийство» показывает, что российское общество вкладывает в него совсем не тот смысл, что идеологи и теоретики этого маргинального (и всегда бывшего маргинальным) интеллектуально-идеологического течения. Для русских «евразийство» не особая цивилизационная идентичность, а прежде всего, недостаточно цивилизованный, *недоевропейский* (и именно в этом смысле азиатский!)

характер отечественной политической системы и экономики. В том, что касается культуры, которая во всех известных определениях цивилизаций отводится ключевая роль, подавляющее большинство респондентов придерживается мнения о европейской природе отечественной культуры.

Проще говоря, то, что азиатское по своей природе (за исключением, пожалуй, кухни), гарантированно воспринимается русскими со знаком «минус», европейское — со знаком «плюс». Ощущение несравненно большей близости России к Западу, чем к Востоку, не детерминировано материальными факторами. Ни одна из стран Азии, включая технологически сверхразвитую Японию, не рассматривается русскими как желательное место эмиграции¹⁷.

В то же время российский взгляд на Запад никоим образом нельзя назвать неоправданно оптимистичным; он — сдержанный, прагматичный, реалистичный и даже подозрительный. «Сопоставление данных (об отношении россиян к внешнему миру. — В.С.) дает... фактически лишь одну переменную — долю респондентов, подозревающих Запад в недоброжелательном отношении к России. Последняя на протяжении всего периода наблюдений (с 1995 по 2011 г. — В.С.) постепенно возрастала и к настоящему времени вплотную приблизилась к половине выборки»¹⁸. Однако даже со всеми возможными резервациями, «субстанция» Запада воспринимается нами как родственная, в то время как «субстанция» Востока — как чужеродная.

Русская формула цивилизационной идентичности не лишена налета парадоксальности: *особая идентичность* в широком *западном контексте* или, иными словами, *Россия как другая Европа*. Причем этой формуле приблизительно столько же лет, сколько самому отечественному дискурсу о цивилизационной идентичности нашей страны. Точка зрения о России как другой Европе абсолютно доминировала в образованных слоях отечественного общества на всем протяжении имперской эпохи. Не смогла подавить прозападного вектора массового сознания и претензия особой цивилизационной идентичности Советского Союза. Более того, советская культурно-идеологическая стратегия парадоксально его усилила¹⁹. Наконец, в постсоветскую эпоху произошло возвращение к дореволюционной формуле российской идентичности, которая, по причине освобождения России от «внутреннего Востока» имперского наследства — Закавказья и Средней Азии, выглядит сейчас даже более убедительно, чем в XIX в.

Итак, компендиум традиционалистской историософии нерелевантен ни в одном из своих пунктов. Современные русские — совсем не такие, как их описывают распространенные культурные мифы. По своим практикам и стратегиям, по своим жизнеустроительным и политическим ценностям, по своему взгляду на внешний мир, мы — нормальный европейский народ с нормальными европейскими потребностями. Это не оценочное суждение, это — фундаментальный факт.

¹ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 149 [Dvadsat' let reform glazami rossijan (opyt mnogoletnih sotsiologicheskikh zamerov): Analiticheskij doklad. M.: Institut sotsiologii RAN, 2010. P. 149].

² Там же. Рисунок 8.2.

³ Западники и националисты: возможен ли диалог? М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 257 [Zapadniki i natsionalisty: vozmozhen li dialog? M.: Liberal'naja missija foundation, 2003. P. 257].

⁴ Там же. С. 258.

- ⁵ Глубокий анализ этих процессов см. в книге: Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М. : РОСПЭН, 1998 (особенно лекция 8) [Kapustin B.G. Sovremennost' kak predmet politicheskoy teorii. M. : ROSSPAN, 1998].
- ⁶ Двадцать лет реформ глазами россиян. С. 144. Табл. 8.1 [Dvadsat' let reform glazami rossiyan. P. 144].
- ⁷ Там же.
- ⁸ Попов Н.Н. Ностальгия по величию. Россия в постсоветском пространстве // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 1 (81). Янв.-март. С. 51–52. [Popov N.N. Nostalgija po velichiju. Rossija v postsovetskom prostranstve // Monitoring obschestvennogo mnenija. 2007. 1 Jan.-Mar. P. 51–52].
- ⁹ Двадцать лет реформ глазами россиян. С. 153–154. Рис. 8.6, 8.7 [Dvadsat' let reform glazami rossiyan. P. 153–154].
- ¹⁰ Там же. С. 142.
- ¹¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Опросы общественного мнения в США: что думают американцы о религии, политике, морали, правах и свободах, технических новшествах... // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 1 (81). Янв.-март. С. 28–130 [Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Oprosy obshestvennogo mnenija v SSHA: chto dumajut amerikantsi o religii, politike, morali, pravah i svobodah, tehniceskikh novshestvah... // Monitoring obschestvennogo mnenia. 2007. 1 (81). Jan.-Mar. P. 28–130].
- ¹² Двадцать лет реформ глазами россиян. С. 178 [Dvadsat' let reform glazami rossiyan. P. 178].
- ¹³ Там же. С. 180.
- ¹⁴ Там же. С. 180.
- ¹⁵ Там же. С. 155.
- ¹⁶ Россия на рубеже веков / отв. ред. М.К. Горшков. М. : РОССПЭН, 2000. С. 406 [Rossija na rubezhe vekov / ed. M.K. Gorshkov. M. : ROSSPAN, 2000. P. 406].
- ¹⁷ Там же. С. 228–230.
- ¹⁸ Двадцать лет реформ глазами россиян. С. 190–191. Табл. 11.2. [Dvadsat' let reform glazami rossiyan. P. 190–191].
- ¹⁹ Подробнее об этом см. главу 7 книги: Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М. : Русский Мир, 2008 [Solovej V.D. Krov' i pochva russkoj istorii. M: Russkij Mir', 2008].

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСТСОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПОЛИТИЙ*

Е.Ю. Мелешкина

В шестом номере журнала «Полис» за 2010 г., в котором напечатана статья В.Б. Пастухова «Реформа МВД как сублимация политической реформы в России», рассматривая проблемы российской государственности сквозь призму вопроса реорганизации силовых ведомств, автор упомянутой статьи справедливо отмечает: «На первый взгляд российская государственность за последние десять лет сильно изменилась. Государство как будто снова стало субъектом, его “архитекторы” в заслугу себе ставят восстановление знаменитой вертикали власти. Однако сама власть стала аренной борьбы частных интересов. В конечном счете все вернулось “на круги своя”, к исходной точке — угрозе приватизации власти, но теперь уже не “извне”, а “изнутри”. При этом “децентрализованный произвол” 1990-х годов уступил место “централизованному произволу” нулевых. Произошла “интериоризация хаоса” — поглощение энтропии государством. При этом хаос стал всеобщей, “системной” характеристикой состояния как общества, так и власти в России»¹.

«Удивительным» совпадением является то, что в том или ином виде проблемы, связанные с государственностью, существовали и существуют по сей день не только в России, но и во всех государствах постсоветского пространства. Конечно, не во всех из них они принимают такую форму, как в России 2000-х гг. Да и сила их проявления в отдельных странах различна. Однако сам факт их наличия свидетельствует о важности поиска их причин. В данной ста-

тье выявляются основные факторы становления государственной состоятельности в странах бывшего СССР, обуславливающие как сходства между ними, так и отличия.

1. Государственная состоятельность и ее характеристики в постсоветских полициях

Для понимания процессов государственного строительства, происходящих в постсоветских странах, важным является учет условий, в которых они происходят. Это позволяет не только выявить причины сходств и отличий между территориальными полициями, но и дать концептуальное обоснование используемым в статье понятиям.

На становление государств в постсоветских странах значительное влияние оказывает современный международный контекст. На значимость этого фактора в свое время обращали внимание различные авторы, анализировавшие процессы государственного строительства. В частности, Ч. Тилли отмечал, что присоединение полиций к международным системам не просто оборачивается их признанием другими суверенами, но мощно продвигает процессы государственного строительства в новых членах международного сообщества и трансформации старых. Современная международная система предполагает распространение в мировом масштабе норм и институтов национального государства и демократии: «Изучение европейского государственного строительства (state-making) имеет, по меньшей мере, один момент, значимый для политики

современного мира: европейцы играли главную роль в создании современной международной системы государств (contemporary international state-system) и, вероятно, оставили на ней отпечаток своих особенных политических институтов... Возможно, верно и то, хотя и не по обычно предполагаемым причинам, что тому государству, которое усвоило западные формы организации, придется куда легче в международной системе — в конце концов, эта система выросла в тесной связи с данными формам»².

Этот аспект влияния международной системы был значим для опыта государственного строительства в новых независимых государствах в межвоенный период. В настоящее время его воздействие ощущается еще сильнее, в том числе благодаря активной деятельности международных надгосударственных структур, например, Европейского Союза, и инкорпорированию в их состав некоторых новых независимых государств.

Значительное влияние международной системы на процесс государственного строительства позволяет в данной статье использовать понятие государства как территориальной политики, имеющей характеристики идеальной модели национального государства: институт, занимающийся организацией обеспечения производства и функционирования общественных благ, в том числе принятия и реализации обязательных для исполнения решений на определенной территории. Исходя из той же логики, процесс формирования современного государства можно представить в виде консолидации центра государства, принимающего решения, обязательные для исполнения на всей территории страны, и извлекающего ресурсы, необходимые для политического производства и самовоспроизводства.

Степень сформированности центра может быть отражена с помощью ис-

пользования понятия «государственность», которая может быть представлена с помощью трех характеристик: статусность (внешнее и внутреннее признание существующего государства), состоятельность (способность выполнять данные функции, потенциал, процесс и результат функционирования в качестве территориальной политики со сформированным центром) и политическое структурирование (система институтов представительства различных интересов и посредничества между гражданским обществом и государством)³.

Несмотря на то, что в действительности существует тесная связь между этими тремя аспектами государственности, их аналитическое разделение представляется важным для более адекватного понимания процессов формирования государства и проблем, встающих на этом пути. В данной статье нас интересует именно состоятельность. Введение этого понятия, его концептуальное уточнение и эмпирическая операционализация позволяет избежать использования нечетких определений типа «слабое» — «сильное» государство⁴ при анализе соответствия формирующихся государств функциональным требованиям, к ним предъявляемым.

Государственная состоятельность — многоаспектное явление, которое сложно охарактеризовать с помощью одномерных моделей и шкал⁵. Контуры эмпирической модели состоятельности могут быть следующими⁶.

Первая группа показателей могла бы включать в себя характеристики размера и объема циркуляции общественных благ. Среди них могли бы быть количество «бюджетников» и объем бюджетной сферы; наличие и объем социальной ответственности государства и вмешательства государства в экономическую сферу.

Вторая группа могла бы отражать инфраструктурную способность госу-

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

дарства и включать в себя индикаторы, свидетельствующие о наличии бюрократической системы и силовых структур, функциональной дифференциации и разделения властей, основ рационализации бюрократической системы, регулирующих законов и их охват. Также в эту группу могли бы быть включены показатели процедурной преемственности или изменчивости, включая смену политического режима.

Третья группа могла бы состоять из индикаторов качества государственного управления. Здесь важными, на наш взгляд, были бы показатели верховенства государственной власти над всеми другими субъектами (наличие или отсутствие вооруженных конфликтов и случаев терроризма, сепаратистские выступления, наличие незаконных вооруженных формирований), зависимости структур государственного управления и механизма принятия решений от экономических и силовых игроков, степени концентрации и распределения власти, возможности взаимного контроля и блокирования неприемлемых для большинства решений, возможно-

сти воздействия на политическую элиту и смену власти.

Подробная операционализация и создание детальной эмпирической модели — задача отдельного исследовательского проекта. В настоящее время разработаны индексы, которые лишь в той или иной степени позволяют судить об отдельных, порой довольно узких, аспектах состоятельности. Эти индексы, как и методики их компоновки, отличаются разной степенью методологической корректности. Некоторые из них разрабатывались и используются для решения политических задач, в связи с чем могут содержать в себе заведомо искаженную информацию⁷. Вместе с тем совокупность индексов позволяет судить об общей картине проблем постсоветских стран в плане государственной состоятельности и об отличиях между ними в этом отношении.

Данные, приведенные в табл. 1 и 2, свидетельствуют о наличии проблем, связанных с государственной состоятельностью, во всех постсоветских поли-

Таблица 1
Показатели «управляемости» по данным Всемирного банка (2007 г. и 1996 г.; данные по Австрии приводятся для сравнения)⁸

Страны	Голос и подотчетность	Политическая стабильность и отсутствие насилия	Эффективность управления	Качество регулирования	Господство права	Контроль над коррупцией
Азербайджан	-1,13 (-1,13)	-0,69 (-0,64)	-0,65 (-0,91)	-0,50 (-0,98)	-0,83 (-0,94)	-1,04 (-1,04)
Армения	-0,59 (-0,71)	-0,01 (0,25)	-0,31 (-0,62)	0,24 (-1,33)	-0,51 (-0,45)	-0,68 (-0,70)
Белоруссия	-1,8 (-1,54)	0,20 (-0,11)	-1,26 (-1,42)	-1,56 (-1,53)	-1,09 (-0,93)	-0,88 (-1,00)
Грузия	-0,19 (-0,39)	-0,70 (-0,93)	-0,13 (-0,31)	0,21 (-1,23)	-0,44 (-0,84)	-0,38 (-1,12)
Казахстан	-1,06 (-0,93)	0,37 (-0,31)	-0,58 (-1,00)	-0,45 (-0,43)	-0,83 (-0,83)	-0,91 (-0,92)
Киргизия	-0,64 (-0,69)	-1,11 (0,57)	-0,75 (-0,49)	-0,40 (-0,52)	-1,19 (-0,64)	-1,08 (-0,85)
Латвия	0,86 (0,75)	0,72 (0,52)	0,55 (-0,46)	1,06 (0,86)	0,57 (0,13)	0,31 (-0,65)
Литва	0,93 (0,93)	0,81 (0,44)	0,78 (-0,35)	1,12 (0,74)	0,49 (0,29)	0,17 (-0,18)
Молдавия	-0,38 (-0,12)	-0,22 (0,05)	-0,83 (-0,56)	-0,31 (-0,23)	-0,66 (-0,10)	-0,26 (-0,68)

Россия	-1,01 (-0,43)	-0,75 (-1,02), -1,04 в 2004 г.	-0,40 (-0,62) -0,23 в 2003 г.	-0,44 (-0,39)	-0,97 (-0,73)	-0,92 (-0,84)
Таджики- стан	-1,26 (-1,74)	-0,87 (-2,59)	-0,97 (-1,62)	-1,02 (-2,28)	-1,13 (-1,55)	-0,86 (-1,75)
Туркме- ния	-2,07 (-1,81)	-0,08 (0,21)	-1,37 (-1,51)	-2,02 (-2,67)	-1,33 (-1,26)	-1,18 (-1,52)
Узбеки- стан	-1,91 (-1,52)	-1,42 (-0,19)	-0,74 (-0,99)	-1,45 (-1,74)	-1,06 (-0,99)	-0,95 (-1,05)
Украина	-0,09 (-0,30)	0,16 (-0,23)	-0,60 (-0,76)	-0,42 (-0,50)	-0,70 (-0,54)	-0,73 (-0,82)
Эстония	1,05 (0,91)	0,68 (0,67)	1,19 (0,56)	1,50 (1,30)	1,00 (0,51)	0,94 (-0,02)
Австрия (для срав- нения)	1,39 (1,32)	1,23 (1,23)	1,73 (2,06)	1,62 (1,16)	1,90 (1,91)	2,02 (1,98)

Таблица 2

Составляющие индекса трансформации Фонда Бертельсмана, 2008 г.⁹

Страны	Ресурсная эффективность	Управленческая способ- ность	Государственность
Азербайджан	4,0	4,0	7,0
Армения	4,7	4,7	8,8
Белоруссия	4,7	3,3	9,0
Грузия	6,7	6,0	6,3
Казахстан	5,3	4,7	8,5
Киргизия	3,7	4,0	8,3
Латвия	6,7	8,3	9,5
Литва	7,7	7,7	10
Молдавия	4,0	4,3	8,0
Россия	4,3	4,0	8,0
Таджикистан	3,0	3,0	7,3
Туркмения	2,0	3,0	7,8
Узбекистан	2,3	2,0	7,3
Украина	4,0	5,7	8,8
Эстония	8,7	9,0	9,5

Показателем независимости государства от групп интересов или напротив его «приватизации» ими является уровень коррупции, особенно в сфере государственного управления. По данным «Трансперенси интернейшнл», в 2009 г. уровень восприятия коррупции во всех постсоветских странах Восточной Европы, кроме Эстонии, был ниже 5, что означает наличие заметных проблем в этой сфере. В Эстонии он равнялся 6,6, в Литве — 4,9, в Латвии — 4,5, в Молдавии — 3,3, в Белоруссии — 2,4, в России

и на Украине — 2,2¹⁰. Украина, Россия и Литва оказались среди стран, в которых коррупция в наибольшей степени затронула систему государственного управления.

Новые независимые государства, представленные в исследованиях этой организации, в целом лидируют по всем показателям, связанным с распространением коррупции и негативной оценкой действий властей по борьбе с ней. Так, количество заявивших о том, что они давали взятки, в 2009 г. равнялось в це-

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

лом по региону 28% по сравнению с 2% в Северной Америке, 5% в странах Европейского Союза, 10% государствах Латинской Америки. О влиянии частного сектора на государственную политику в ННГ заявили 71% опрошенных по сравнению с 61% в Северной Америке, 53% в странах ЕС и 68% в Латинской Америке¹¹.

В то же время размах проблем, связанных с государственной состоятельностью, в отдельных постсоветских странах различный. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в табл. 1 и 2, уровень восприятия коррупции, а также данные табл. 3 об оценке действий властей по борьбе с ней.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы оцениваете текущие
правительственные меры
по борьбе с коррупцией?»¹²**

Страны	Неэф- фектив- ны	Ни то, ни дру- гое	Эффек- тивны
Армения	48%	14%	38%
Азербайджан	62%	23%	14%
Белоруссия	29%	20%	51%
Грузия	21%	22%	57%
Литва			
Молдавия	40%	21%	39%
Россия	52%	26%	22%
Украина	73%	19%	7%

Как же объяснить сходства и отличия между странами постсоветского пространства в плане наличия проблем управляемости, эффективных институтов государственной власти, рационального использования имеющихся ресурсов и т.д.? Ответ на этот вопрос лежит в области анализа специфики «постимперского транзита»¹³, сопряженного с проблемами государственного и национального строительства.

2. «Постимперский транзит»: общие и специфические условия развития государств

Для более адекватного понимания влияния общих и страновых особенностей развития постсоветских политий на их государственную состоятельность обозначим некоторые исходные посылки, которые позволяют задать логическую канву последующего анализа.

Учитывая влияние современного международного контекста, ориентации международных норм на распространение институтов современного государства, допустимо обращаться к идеальной модели последнего в качестве ориентира для поиска имеющихся на постсоветском пространстве проблем и противоречий. Такая модель предполагает, что государство выступает скорее инструментом снижения транзакционных издержек между акторами с помощью формализации и деперсонализации норм и отношений, стандартизации и унификации правил¹⁴, чем проблемой для акторов. Успех создания таких механизмов зависит от достижения относительного согласия между формальными и неформальными нормами и практиками, а также от согласия политических акторов и большинства населения с всеобщими стандартными нормами и обязательствами, с легитимирующими ценностями или «устанавливающими вопросами» о природе государства, его границах, устройстве власти и т.п.

Современный международный контекст, заставляющий постсоветские политии если не воспроизводить алгоритм действий институтов современного государства, то хотя бы демонстрировать ориентацию на это, актуализирует вопрос о судьбе заимствованных институтов. Поскольку на постсоветском пространстве заимствование осуществляется в условиях сложившихся институциональных традиций (в том числе имперского управления), то судьба заимство-

ванных институтов во многом зависит от их взаимодействия с традициями.

Общие трудности становления государств в странах бывшего СССР во многом объясняются теми объективными процессами, которые наблюдаются на постимперском пространстве.

При распаде любых имперских образований, включая Советский Союз, возрастает конкуренция между различными политическими, экономическими, культурными центрами, как внешними, так и внутренними, происходит деконсолидация границ различного рода. Субцентры и внешние центры пытаются выступить в роли преемников бывшего имперского центра, включая концентрацию ресурсов и легитимирующих ценностей. Это приводит к активизации разногласий между различными политическими силами, группами населения, конкуренции публичных дискурсов относительно устанавливаемых вопросов. Результатом такой ситуации является создание крайне неблагоприятных условий для укрепления центров новых государств, их легитимации, формирования стандартных универсальных норм и правил¹⁵.

Разрушение старой институциональной структуры на постимперском пространстве происходит в условиях слабой обеспеченности ресурсами новых центров. В частности, распад СССР сопровождался экономическими трудностями, кризисом и распадом сложившейся инфраструктуры управления и связей, что усугублялось неэффективным расходованием имеющихся ресурсов. Подобные обстоятельства с неизбежностью приводят к проблемам в области инфраструктурной способности государства, поскольку выстраивание новой эффективной системы управления и связей требует значительных затрат материальных, людских, временных и прочих ресурсов¹⁶.

При формировании новых государств на постимперском пространстве обостряется противоречие между фор-

мальными институтами и неформальными. Формальные институты оказываются слабыми в силу недостатка ресурсов для их поддержания и строительства, обострившихся противоречий между центрами, центрами и перифериями¹⁷. На постсоветском пространстве эта проблема усугублялась еще и сложившимся в СССР институциональным наследием: поздний период существования Советского Союза был отмечен заметными расхождением между формальными и неформальными нормами и практиками, наличием двойной культуры и проч.¹⁸

И наконец, все постсоветские страны в той или иной степени столкнулись с проблемой консолидации политического режима, которая обостряется в связи с отсутствием традиций достижения консенсуса и ограниченности ресурсов на постсоветском пространстве. Высокая степень неопределенности политического процесса, споры по поводу результатов политического соревнования, стремление использовать институты государства для борьбы с политическими противниками — явления, довольно распространенные на пространстве бывшего СССР.

Как следует из приведенных таблиц, проявления общих для постсоветских стран проблем имеют различную интенсивность и форму. Некоторые из этих политий справляются с ними более-менее успешно, другие — нет. Можно выделить ряд факторов, определяющих эти различия.

Во-первых, это включенность в международные структуры, предполагающая наличие международных норм и стандартов по поводу организации и функционирования органов власти, обязательных для реализации на территории страны, а также инструментов контроля за этим процессом. Наиболее важным фактором здесь является членство в Европейском Союзе или, по крайней мере, ориентация на него в будущем¹⁹.

Во-вторых, количество и характер конкурирующих внутренних и внешних

центров и соответственно степень напряжения в отношениях между центрами и культурно-этнической, региональной, экономической перифериями, а также разногласий между политическими акторами. Значительное количество конкурирующих за влияние на внутриполитический процесс центров является фактором, осложняющим консолидацию границ и единого центра, достижение согласия по устанавливающим вопросам²⁰. Наихудшие условия создаются в том случае, если конкурирующие центры одновременно различаются по нескольким основаниям, т.е. если центры являются одновременно политическими, экономическими, культурно-этническими и т.п., как в случае, например, с Приднестровьем.

В-третьих, сложившееся институциональное наследие, например, различия в соотношении формальных и неформальных норм и практик, сформировавшиеся образцы организации власти²¹. В разных республиках СССР советские практики накладывались на уже имеющееся до формирования Советского Союза или включения в него институциональное наследие и традиции. Существенное влияние неформальных норм и практик, традиции концентрации власти и клиентелизма, особенно развитые в ряде республик СССР, сыграли отрицательную роль в постсоветском государственном строительстве.

В-четвертых, наличие ресурсов (территория, население, природные богатства, уровень экономического и «человеческого» развития) для институциональных трансформаций и их эффективное использование. Отсутствие достаточных ресурсов или их неэффективное использование создавали неблагоприятные условия для формирования эффективного государства.

В-пятых, традиции государственности (самостоятельной и несамостоятельной). Как убедительно доказал Ф. Редер, существование институтов государства

сегмента в составе более сложного государственного образования является определяющим фактором успеха сепарации²². Для многих нынешних постсоветских политий существование в качестве республик СССР вообще явилось необходимым условием нынешнего самостоятельного независимого существования в современных границах, так как формировало минимальную инфраструктурную основу и опыт управления, задавало границы политического сообщества (пусть даже подвижные и весьма размытые), способствовало складыванию относительно единых политических традиций на определенной территории. В политиях, которые до вхождения в состав СССР имели опыт самостоятельной государственности в границах, сопоставимых с нынешними, сложились более благоприятные условия для современного государственного строительства за счет уже имевшихся институциональных наработок, отчасти сформированных собственных традиций.

В-шестых, значимым условием, определяющим различия между странами, является степень консолидации политического режима и стратегии осуществления институциональных реформ. Консолидированный режим вне зависимости от того, какой характер он имеет, предполагает ориентацию акторов на долгосрочное существование и действия по имеющимся правилам. Понятные и стабильные правила ориентируют акторов на вложение в долгосрочные в плане получения выгоды общественные блага. Конечно, и авторитарный, и демократический режимы несут в себе риски, связанные с ориентацией акторов на вложение ресурсов в неопределенные общественные блага. Так, действия акторов при авторитарном режиме во многом зависят от качеств авторитарного, его понимания ситуации и намерений. Демократический режим несет в себе опасность ориентации акторов на раздачу популистских обещаний и реализацию популистских действий для победы

на выборах²³. Однако эти опасности не-соизмеримы с теми, которые несут в себе неконсолидированные режимы.

Неконсолидированный политический режим отличается отсутствием согласия акторов по поводу правил игры и конфигурации власти, высокой степенью неопределенности и неуверенности основных игроков в завтрашнем дне. Соответственно такой режим способствует ориентации акторов не столько на вложение в неопределенные общественные блага, сколько на извлечение сиюминутной прибыли как в материальном, так и в политическом плане. В результате государственные структуры начинают использоваться для реализации личных интересов и интересов узких групп, в том числе для борьбы с политическими оппонентами. Возникает феномен «приватизации» государства²⁴, блокирующий решение задачи стандартизации, унификации, деперсонализации правил, и отношений. Государство утрачивает свою относительную независимость.

Со степенью консолидации режима связана и стратегия осуществления институциональных реформ. Исходя из того, что успех государственного строительства во многом обуславливается преодолением существенного разрыва между формальными и неформальными нормами, можно предположить наличие более оптимальных стратегий.

Первая заключается в радикальной смене старых (имперских) институтов, полном сломе старой структуры управления и правил социалистического периода. Эта стратегия предполагает вложение значительных ресурсов и существенные транзакционные издержки на начальном этапе, но способна значительно снизить вкладываемые ресурсы и транзакционные издержки на преодоление противоречий между старыми и новыми институтами в дальнейшем.

Вторая стратегия состоит в сохранении преемственности между старыми и новыми институтами. Ее сильная

сторона заключается в экономии ресурсов на проведение серьезных реформ, выстраивание новой системы управления и формирование нормативной базы. В определенной степени эта стратегия на первых порах снижает и транзакционные издержки, так как акторы действуют по прежним понятным правилам. Однако в дальнейшем старые институты могут вступить в противоречие с новыми требованиями жизни, что может привести к обострению отношений между формальными и неформальными нормами, повысить неопределенность и соответственно транзакционные издержки.

Непоследовательное осуществление институциональных реформ — самый худший вариант с точки зрения задач государственного строительства. Сосуществование старых и новых норм, правил и механизмов, часто противоречащих друг другу, усиливает ситуацию неопределенности, способствует обострению противоречий между формальными и неформальными нормами и процедурами, мотивирует акторов на использование противоречий в своих личных или узкогрупповых целях.

Задачей настоящей статьи не является систематический анализ влияния этих условий на все территориальные политики, существующие ныне на пространстве бывшего СССР. Ограничимся лишь краткой иллюстрацией воздействия выделенных нами факторов на государственное строительство на примере некоторых постсоветских стран Восточной Европы.

По совокупности влияния различных условий государственного строительства постсоветские страны Восточной Европы можно объединить в четыре группы.

Первая включает в себя страны Балтии. В них сформировался относительно консолидированный политический режим, были предприняты глубокие институциональные реформы, они были включены в состав Европейского Союза.

Относительно слабое влияние внешних центров в Литве и компенсация сильного влияния внешнего бывшего имперского центра политикой исключения в отношении этнических меньшинств в Латвии и Эстонии способствовало более консолидации политического сообщества и более успешному государственному строительству.

Страны Балтии на этапе независимости стали использовать свой довоенный опыт как в процессе легитимации государственной власти и законотворчества, так и в создании институтов государственного управления. В частности, они декларировали конституционную преемственность, возродили некоторые органы государственной власти, существовавшие в довоенный период. Так, например, в Литве одним из таких органов стал сформированный в 1990 г. Государственный контроль (высший орган, осуществляющий аудит). Он идентифицирует себя как организацию, созданную в 1919 г. В компетенцию этого органа входит более широкий круг вопросов по сравнению с подобными структурами в некоторых других постсоветских государствах, в частности по сравнению с соседней Украиной. Государственный контроль в Литве контролирует не только расходы, но и доходы, отслеживает результаты приватизации, проверяет все организации, распоряжающиеся государственными средствами, включая Центральный банк, и предприятия со значительной долей участия государственного капитала. Использование межвоенного опыта государственного строительства позволяет снизить издержки на «изобретение», заимствование и легитимацию новых органов власти и в итоге способствует большей эффективности государственного управления.

Воздействие согласия граждан по поводу правил игры и степень консолидации режима на формирование эффективной системы государственного управления можно продемонстрировать

также на примере Литвы, в которой отсутствуют влиятельные политические силы, когда-либо выступавшие против независимости республики или за смену нынешнего политического режима. В этой стране также нет ярко выраженного несогласия значительной части населения по поводу природы государства. В отличие от других стран Балтии, доля этнических меньшинств в Литве невелика. Наиболее многочисленным меньшинством являются не русские, а поляки. Умеренная национализаторская политика способствовала отсутствию значимых этнических конфликтов. Наличие институтов демократической подотчетности и их относительно приемлемый уровень функционирования, переход к фазе консолидации демократии благоприятно сказались на функционировании и развитии институтов государства. Положительным моментом было также вступление Литвы в Европейский Союз, что повлекло за собой наложение определенных обязательств и требований к государственным органам Литвы. Действия Европейского Союза, в частности, способствовали созданию системы внутреннего аудита в министерствах и государственных агентствах Литвы, формированию Комитета по аудиту в Сейме и т.д. Несмотря на сохранившиеся трудности, в частности заметный уровень коррупции и невысокое доверие населения к политическим институтам, развитие литовской государственности признается политологами как вполне удовлетворительное²⁵. Кстати, по оценкам международных организаций к началу 2000-х гг. Литва улучшила свои показатели уровня коррупции и в последние годы занимает устойчивые позиции в соответствующих рейтингах²⁶.

Во многом похожая ситуация, связанная с позитивным воздействием перехода к консолидации демократии и вступлением в ЕС, сложилась в Эстонии и Латвии. Помимо этого в Эстонии были осуществлены наиболее радикальные на

всем постсоветском пространстве реформы в области государственного управления и социально-экономической сфере. Совокупность отмеченных факторов способствовала успеху в области государственного строительства в этой стране, что нашло свое отражение в высоких значениях соответствующих индексов, в том числе приведенных в данной статье.

В следующую группу можно объединить Молдавию и Украину, которые отличаются неконсолидированными политическими режимами, существенным влиянием различных внешних и внутренних центров, непоследовательной стратегией институциональных реформ, значительными противоречиями между формальными и неформальными институтами, «приватизацией» государства, его использованием в личных целях, в том числе для борьбы с политическими оппонентами. Результатом влияния этих факторов являются относительно скромные успехи в деле государственного строительства.

Примером влияния обострившейся конкуренции различных центров на внутривнутриполитическую жизнь в стране, включая государственное строительство, может служить современная Молдавия, на постсоветское развитие которой воздействие оказали не только старые имперские центры (Москва и Бухарест), но и разнообразные внутренние (Кишинев, Тирасполь, Комрат), а также относительно новый внешний центр (Европейский Союз). Соревнование этих центров привело не только к возникновению и замораживанию приднестровской проблемы, но и к раздирающим политическую нацию противоречиям по поводу идентификации, внешнеполитической ориентации и даже первоначально самостоятельного существования самого молдавского государства.

В Молдавии противоречия по «устанавливающим» вопросам между основными политическими силами в 1990-х гг., так и не снятые полностью, не-

смотря на вынужденный компромисс, достигнутый в середине десятилетия, противоречия между ветвями власти, высокая фрагментация и неустойчивость в партийном спектре, использование институтов государственного управления в личных и узкогрупповых целях обусловили слабость государства в целом²⁷ и неэффективность системы государственного управления в частности.

Определенной стабилизации и улучшения в плане политической и экономической стабилизации удалось добиться в период правления партии коммунистов, вынужденных через определенное время после прихода к власти занять компромиссную позицию. Эта компромиссная линия одновременно сопровождалась политикой давления на прорумынскую оппозицию и ее дискредитации.

Коммунистам с помощью силового воздействия, различных обещаний, умелого лавирования и благодаря использованию значительного организационного ресурса партии и рычагов государственного управления постепенно удалось склонить различные политические силы к «навязанному» консенсусу, ярким свидетельством которого была поддержка оппозиционными лидерами В. Ворониной во время выборов президента в 2005 г.²⁸

Вместе с тем результаты проводимой коммунистами политики были весьма неоднозначны. Нерешенность приднестровской проблемы, периодически возникающие конфликты с Гагаузской автономией, все возрастающее количество жителей страны, желающих получить гражданство Румынии, свидетельствовали о том, что Молдавии предстоит еще решить целый ряд практических задач по укреплению государственного суверенитета, повышению эффективности государственного управления и т.д. Как показал политический кризис 2009 г., достигнутый компромисс носил непрочный, временный характер. А нынешние события в этой стране свидетельствуют о том, что разногласия между основными поли-

тическими силами как по базовым для политической жизни проблемам, так и по вопросам тактической значимости, отрицательно сказываются на действии механизма принятия политических решений и в целом на эффективности государственного управления.

На Украине, в которой неконсолидированность режима, наличие существенных разногласий по поводу основных правил политической игры, «приватизация» государства экономическими кланами, разногласия по поводу вопросов идентичности во многом также обуславливают периодические политические кризисы, слабую эффективность системы государственного управления.

Влияние финансово-промышленных «кланов» на политическую жизнь на процессе принятия решений не отрицается даже на официальном уровне. Эти «кланы» имеют в основном отчетливую региональную привязку (донецкий, днепропетровский, львовский, киевский и т.д.)²⁹. Одним из проявлений борьбы «кланов» стали, например, разногласия между Президентом Украины В. Ющенко и премьер-министром Ю. Тимошенко по поводу урегулирования «газового конфликта» в конце 2008 — начале 2009 г.

Следствием «приватизации» государства различными группами³⁰ является невысокая эффективность государственного управления, нестабильность и политические кризисы. Так, после «оранжевой» революции Украина пережила целую череду политических кризисов различного масштаба: кризис в 2006 г., вызванный противостоянием между Президентом Украины и кабинетом министров, с одной стороны, и законодательной властью, с другой, кризис 2007 г., возникший из противостояния между Президентом Украины В. Ющенко и премьер-министром В. Януковичем, два кризиса 2008 г., возникшие на основе расхождения позиций украинских политиков по поводу членства в НАТО и попыткой парламентариев ограничить

президентские полномочия. Последний политический кризис произошел на почве разногласий между политическими силами относительно результатов последних президентских выборов.

Помимо политических кризисов эксперты указывают на определенную деградацию системы управления и государственной службы, произошедшую после «оранжевой революции». Они отмечают, что на рубеже тысячелетия исполнительная дисциплина чиновников находилась на более высоком уровне. Несмотря на то, что большинство должностей занимали управленцы еще советской школы, их уровень квалификации был в целом выше, нежели пришедших им на смену в период после «оранжевой» революции. «Декучмизация» 2005 г. и последующая борьба с влиянием Ю. Тимошенко со стороны президента и его секретариата в целом отрицательно сказались на качестве исполнительной власти и эффективности государственного управления³¹.

Третью группу постсоветских стран Восточной Европы образует Белоруссия, которую отличает высокая степень институциональной преемственности, относительно консолидированный политический режим и неплохие показатели государственной состоятельности. Значительное влияние внешнего бывшего имперского центра в Белоруссии успешно компенсировалось распространенной советской идентичностью, явившейся результатом интенсивной политики советизации³². За счет установления и консолидации авторитарного режима в Белоруссии удалось сконцентрировать ресурсы и снизить количество влиятельных игроков, претендующих на перераспределение государственных доходов и государственной собственности, а высокая степень институциональной преемственности³³ еще больше снизила транзакционные издержки. Однако режим личной власти, полное исключение оппозиции из политического процесса и нежелание договариваться с ней создает потенциальную угрозу поли-

тической неопределенности и нестабильности в будущем. На примере Белоруссии мы можем наблюдать постепенное исчерпание возможностей позитивного влияния отмеченных факторов.

К четвертой группе можно отнести наследницу бывшего имперского центра — Россию. В силу такого особого положения, особой исторической роли, Россия стоит несколько особняком по отношению ко всем другим постсоветским государствам. Например, отсутствие влиятельных внешних центров в ее случае не является столь значимым фактором, определяющим консолидацию политического сообщества, как во многих других постсоветских странах. Вместе с тем в России довольно остро стоит проблема «устанавливающих» вопросов в связи с имперским наследием и задачей консолидации границ различного рода. Разногласия по этим вопросам дополняются неконсолидированным политическим режимом, непоследовательным характером стратегии институциональных реформ, значительными противоречиями между формальными и неформальными правилами и практиками, «приватизацией» государства различными экономическими игроками и представителями силовых структур. В результате формируется в целом неблагоприятный для успешного государственного строительства климат.

Преобладание неформальных институтов и практик в России наполняет институциональные реформы довольно причудливым содержанием, последние оказываются не слишком эффективными, приводя к появлению новых форм, скрывающих старое содержание. Примером этому могут быть политические

реформы, осуществленные в 2000-х гг., призванные укрепить «вертикаль государственной власти» и повысить эффективность государственного управления. По мнению ряда исследователей, результатом этих реформ явилось укрепление доминирования одного политического актора в ущерб позициям других, воспроизводство некоторых советских практик и институтов (например, в виде попыток обеспечить господство «партии власти» «Единой России»), разрастание бюрократического аппарата и рост коррупции³⁴. «Укрепление вертикали государственной власти» не привело к ожидаемой концентрации монополии на насилие и угрозу его применения в руках государства. В частности, борьба с терроризмом и организованной преступностью привела к тому, что общее количество террористических актов, активность террористических групп и географический охват террористической угрозы неуклонно возрастают³⁵.

Отмеченные выше факторы, обуславливающие различия между странами постсоветского пространства в плане государственного строительства, являются универсальными, но, вероятно, не исчерпывающими. Уточнение набора таких условий, а также исследование страновых казусов с учетом уникальной совокупности обстоятельств — возможная проблема для большого коллективного исследовательского проекта, способного продвинуть нас в понимании политических процессов происходящих в современной России, ее ближайших соседях и государствах, возникших на других постимперских пространствах.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10-03-00678а «Формирование государств и наций в странах постсоветского пространства».

¹ Пастухов В.Б. Реформа МВД как сублимация политической реформы в России // Полис. 2010. № 6. С. 35. [Pastukhov V. Reforma MVD kak sublimatsiya politicheskoi reformi v Rossiye. POLIS. 2010. № 6. P. 35.]

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

- ² Tilly Ch. Reflections on the history of European state-making // The formation of national states in Western Europe/ Ed. By Tilly Ch. Princeton: Princeton university, 1975. P. 637–638.
- ³ См. об этом, напр.: Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. М., 2008. № 4. С. 7–33; Мелешкина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука. 2011. № 2. [Ilyin M.V. Vozmozhna li universalnaya tipologiya gosudarstv? // Politicheskaya nauka. 2011. № 2.]
- ⁴ Более подробно о разных подходах к пониманию государственной состоятельности, традиции в ее исследовании и возможностях, которые может дать использование этого термина в сравнительных исследованиях, см. в: Мелешкина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука. 2011. № 2. [Meleshkina E.Y. Issledovaniya gosudarstvennoi sostoyatel'nosti: kakie uroki mi mozhem izvlech? // Politicheskaya nauka. 2011. № 2.]
- ⁵ См. об этом подробнее: Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Обсуждение особенностей индексов не является предметом настоящей статьи. Понимая ограниченные возможности имеющихся инструментов, мы, тем не менее, используем соответствующие данные для иллюстрации общих тенденций.
- ⁸ Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. Governance Matters VII: Aggregate and Individual Governance Indicators, 1996–2007// Policy Research Working Paper. № 4654. URL: <http://elibrary.worldbank.org/docserver/download/4654.pdf?expires=1302440046&id=id&accname=guest&checksum=297690AF67B8AC2F4067F59E51DF866C>. Индексы управляемости (governance) Всемирного банка учитывают следующие измерения: голос и подотчетность (насколько население может влиять на формирование правительства и разные свободы), политическая стабильность и отсутствие насилия, эффективность правительства (качество общественных, гражданских услуг, их независимость от политического давления, качество формулирования и применения политического курса, надежность в отношении приверженности правительства данному политическому курсу), качество регулирования (способность правительства формулировать и реализовывать разумный политический курс, способствующий развитию частного сектора), господство права (насколько агенты доверяют и соблюдают правила, особенно качество исполнения контрактов, прав собственности, полиции и суда, вероятность преступности и насилия), контроль над коррупцией (степень того, насколько общественная власть используется для личных целей, включая мелкие и крупные формы коррупции, так же как и «захват» государства группами элит и частными интересами или отсутствие такового). Значение индексов варьируется от –2,5 до 2,5.
- ⁹ Bertelsmann transformation index: BTI 2008. URL: http://bti2008.bertelsmann-transformation-index.de/fileadmin/pdf/Anlagen_BTI_2008/BTI_2008_Ranking_EN.pdf. Показатель государственности основан на учете оценок монополии государства на использование насилия на территории страны, согласие граждан с критериями гражданства и национальной природой государства, светский характер легитимности государства и законного порядка на его территории, наличие основных административных структур управления.
- ¹⁰ Corruption Perceptions Index 2009: Regional Highlights: European Union and Western Europe. URL: http://www.transparency.org/content/download/47601/761851/CPI+2009+Regional+Highlights+EU+and+Western+Europe_en.pdf; Индекс восприятия коррупции за 2009 г.: Юго-Восточная Европа, Восточная Европа и Средняя Азия. URL: http://www.transparency.org/content/download/47858/763551/CPI_2009_Region_HighlightsSE_Europe_EE_Central_Asia_russ.pdf
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ См. об этом, напр.: Kuzio T. Transition in post-communist states: Triple or quadruple? // Politics. 2001. Vol.21 (3). P. 168–177.
- ¹⁴ О государстве как проблеме и как способе снижения издержек см. в: Evans P. Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation. Princeton: Princeton University Press, 1992.
- ¹⁵ См. об этом, напр.: Мелешкина Е.Ю. Альтернативы формирования наций и государств в условиях этнокультурной разнородности // Метод: Московский Ежегодник Трудов Общественно-научных Дисциплин. Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр персп. методологий социально-гуманит. исследований. М.: ИНИОН РАН, 2010; [Meleshkina E.Y. Alternativi formirovaniya natsii I gosudarstv v usloviyah etnokulturnoi raznorodnosti // Metod: moskovskii ezhegodnik sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy. M.: INION RAN, 2010.] Meleshkina E. Democratization in the post-Soviet countries of Eastern Europe and nationalizing politics// Nationalism and democracy/ Ed. by Lecours A., Moreno L.L., N.Y.: Routledge, 2010 etc.
- ¹⁶ См. об этом, напр.: Pierson P. Increasing returns, path dependence and the study of politics// American political science review. 2000. Vol. 94. № 2. P. 251–267; Pierson P. The limits of design: Explaining

- institutional origins and change // *Governance: An International journal of policy and administration*. 2000 Vol. 13. № 4. 475–499.
- ¹⁷ См. об этом, напр.: Leitzel J. *Russian economic reforms*. L. : Routledge, 1995.
- ¹⁸ См., напр.: Jowitt K. *New world disorder*. Berkeley: University of California, 1992.
- ¹⁹ О положительном влиянии международных организаций, включая ЕС, на решение проблемы этнических меньшинств в странах Балтии см., напр.: Galbreath D. *Nation-building and minority politics in post-socialist states: Interests, influence and identities in Estonia and Latvia*. — Stuttgart: Ibidem, 2005.
- ²⁰ См. об этом, напр.: Мелешкина Е.Ю. Альтернативы формирования наций и государств в условиях этнокультурной разнородности // *Метод: Московский Ежегодник Трудов Общественно-ведческих Дисциплин*. Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр персп. методологий социально-гуманит. исследований. М. : ИНИОН РАН, 2010; Meleshkina E.Y. *Alternativi formirovaniya natsii i gosudarstv v usloviyah etnokulturnoi raznorodnosti* // *Metod: moskovskii ezhegodnik trudov obshchestvedcheskih distsiplin. Sbornik nauchnyh trudov*. М. : ИНИОН РАН, 2010.] Мелешкина Е.Ю. Формирование государств и наций в условиях этнокультурной разнородности: Теоретические подходы и историческая практика // *Политическая наука*. 2010. № 1; [Meleshkina E.Y. *Formirovanie gosudarstv v usloviyah etnokulturnoi raznorodnosti: teoreticheskiye podhodi i istoricheskaya praktika* // *Politicheskaya nauka*. 2010. № 1.] Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. Становление территориальных политий в условиях частичного признания // *Политэкс*. 2011. № 2. [Kudriashova I.V., Meleshkina E.Y. *Stanovlenie territorialnih politii v usloviyah chastichnogo priznaniya* // *Politeks*. 2011. № 2.]
- ²¹ О влиянии этого фактора см. Lynch A. *How Russia is not Ruled*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Bunce V. *The Political Economy of Post-Socialism* // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. №. 4. P. 756–793; Berglund S., Ekman J., Aarebrot F.H. *The Challenge of history in Central and Eastern Europe* // *The Handbook of political change in Eastern Europe*. Ed. by Berglund S., Ekman J., Aarebrot F.H. Second Edition. Chaltenham: Edward Elgar, 2004; Roy O. *The new Central Asia : the creation of nations*. L.: Tauris, 2007 и др.
- ²² Roeder P.G. *Where nation-states come from: Institutional change in the age of nationalism*. Princeton: Princeton univ. press, 2007.
- ²³ О влиянии различных режимов на государственное строительство см., напр.: Fritz V. *State-building : a comparative study of Ukraine, Lithuania, Belarus, and Russia*. Budapest: Central European University, 2007.
- ²⁴ О концепции «приватизации» государства или «овладения» государством (state capture) в противоположность его «укорененной автономии» (embedded autonomy) см., напр.: Hellman J., Jones G., Kaufmann D. *Seize the state, seize the day: State capture, corruption, and influence in transition economies* // *World Bank policy research working paper*. № 2444. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=240555
- ²⁵ См., напр.: Fritz V. *State-building: a comparative study of Ukraine, Lithuania, Belarus, and Russia*. — Budapest: Central European University, 2007.
- ²⁶ По данным «Трансперенси Интернейшнл», Литва в 1999 г. занимала 50-е место по индексу восприятия коррупции с оценкой 3,8, а в 2001 г. переместилась на 38-ю позицию с оценкой 4,8 (в дальнейшем оценки Литвы оставались относительно стабильными). В отличие от Литвы, Украина, например, не улучшила своих позиций в целом, а за аналогичный период даже ухудшила (83-я позиция в 2001 г. с оценкой 2,1 по сравнению с 75-й в 1999 г. с оценкой 2,6) — *Corruption Perceptions Index 1999*. URL: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/previous_cpi/1999; *Corruption Perceptions Index 2001*. Mode of access: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2001.
- ²⁷ О слабости государства см. Подробнее: Way L. *Weak States and Pluralism: The case of Moldova* // *East European politics and Societies*. 2003. Vol.17. № 3.
- ²⁸ См. подробнее: Боцан И. Многопартийность в Республике Молдова: энтропия развития // *Политическая наука: Политические партии и партийные системы в современном мире*. М. : ИНИОН РАН, 2006. [Botsan I. *Mnogopartiinost v Respublike Moldova: entropiya razvitiya* // *Politicheskaya nauka: politicheskiye partii i partiinye sistemi v sovremennom mire*. М. : ИНИОН РАН, 2006.]
- ²⁹ См. подробнее, напр.: Попов Э. Региональные элиты Украины в контексте украинской государственности: не допустить войны всех против всех. URL: <http://www.oko-planet.ru/politik/newsday/17438-yeduard-popov-regionalnye-yelity-ukrainy-v.html>; [Popov E. *Regionalniye eliti Ukraini v kontekste ukrainskoi gosudarstvennosti: ne dopustit' voini vseh protiv vseh*. URL: <http://www.oko-planet.ru/politik/newsday/17438-yeduard-popov-regionalnye-yelity-ukrainy-v.html>.]; Мальгин А.В. Украина: Соборность и регионализм. Симферополь: СОНАТ, 2005; [Mal'gin A.V. *Ukraina: sobornost'*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

I regionalism. Simferopol: SONAT, 2005.]; Дергачев В. Кризис украинской государственности // Вестник аналитики. 2007. № 4. URL: <http://www.dergachev.ru/analit/8.html> [Dergachev V. Krizis ukrainskoi gosudarstvennosti // Vestnik analitiki. 2007. № 4. URL: <http://www.dergachev.ru/analit/8.html>] и др.

- ³⁰ В плане «приватизации» государства показательно, например, что, по оценкам Государственной налоговой администрации, на 2000 г. 364 народных депутата Украины имели официальный доход от коммерческих структур. Парламентарии возглавляли 202 предприятия и являлись учредителями 473 предприятий. В целом депутаты имели отношение к хозяйственно-финансовой деятельности 3105 предприятий. В 1999 г. для импорта этих предприятий составляла 25,3% импорта Украины, экспорта — 10,1% экспорта Украины. В 1999 г. эти предприятия имели недоимку в бюджет в размере 4,1 млрд грн. Коррупция в Украине: Сущность, масштабы и влияние. URL: http://razumkov.org.ua/ukr/article.php?news_id=200. [Korrupsiya v Ukraine: sutschnost', masshtabi i vliyaniye. URL: http://razumkov.org.ua/ukr/article.php?news_id=200.]
- ³¹ Политический кризис на Украине не преодолен. URL: <http://news.mail.ru/politics/1473214/> [Politicheskii krizis na Ukraine ne preodolen. URL: <http://news.mail.ru/politics/1473214/>]
- ³² См. об этом, напр.: Woolhiser C. Language ideology and language conflict in post-soviet Belarus // Language, ethnicity and the state. Volume 2: Minority languages in Eastern Europe post-1989/ Ed. By O'Reilly C. Houndmills and N.Y.: Palgrave, 2001. P. 91–122.
- ³³ В частности, В. Фриц, признавая наличие проблем в белорусском варианте становления государства, отмечает положительное влияние институциональной преемственности на этот процесс Fritz V. State-building: a comparative study of Ukraine, Lithuania, Belarus, and Russia. Budapest: Central European University, 2007.
- ³⁴ См. об этом: Пастухов В.Б. Реформа МВД как сублимация политической реформы в России // Полис. 2010. № 6 [Patukhov V.B. Reforma MVD kak sublimatsiya politicheskoi reformi v Rossii // Polis 2010. № 6.]; Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. 2009. № 2; [Kholodkovskiy K.G. K voprosu o politicheskoi sisteme sovremennoi Rossii // Polis. 2009. № 2.]; Гельман В.Я. Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России // Полис. 2006. № 2. С. 90–109; [Gelman V.Y. Vozvratscheniye Levafana? Politika retsentralsatsiyi v sovremennoi Rossii // Polis 2006. № 2. S. 90–109.]; Мелешкина Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен // Политическая наука: Политические партии и партийные системы в современном мире. М. : ИНИОН, 2006. С. 136–162 [Meleshkina E.Y. Dominirovanie po-russki ili mirovoi fenomen // Politicheskaya nauka: politicheskkiye partii v sovremennom mire. М. : INION, 2006. S. 136–162] и др.
- ³⁵ См, напр.: СКП: на Северном Кавказе возросло число преступлений террористического характера. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/161019/> [SKP: na Severnom Kavkaze vozroslo chislo prestuplenii terroristicheskogo haraktera. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/161019/>]

СФЕРА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРАТЕГИЙ*

Е.В. Колдунова

Первое десятилетие XXI в. стало временем серьезных трансформаций для мировой экономической системы. Существенным образом изменилось положение незападных стран, многие из которых, в особенности в Восточной Азии, смогли добиться поразительных успехов в реализации стратегии догоняющего развития. В то же время современное состояние мировой политико-экономической системы демонстрирует не только новые тенденции, но и черты преемственности с предыдущими периодами развития, позволяющие говорить об объективных ограничениях для безусловного экономического лидерства восходящих азиатских экономик. В этой связи представляется интересным рассмотреть, каким образом многим странам Восточной Азии удалось частично нивелировать влияние этих ограничений и даже добиться впечатляющего сокращения социальных разрывов в своих обществах.

Статистические показатели темпов экономического роста позволяют выделить несколько периодов, демонстрирующих качественные изменения в положении отдельных стран и регионов с точки зрения кроссрегионального сравнения. Так, вплоть до Второй мировой войны увеличение дохода на душу населения (т.е. экономиче-

ский рост, сопровождающийся увеличением жизненного уровня населения) оставался отличительной чертой преимущественно западного ареала и частично Японии. Только к третьей четверти XX в. произошло расширение группы стран, демонстрировавших экономический рост, а в некоторых случаях даже его форсированный характер. Этому способствовало множество факторов, которые включали¹ освобождение многих стран Востока от колониальной зависимости и разработку собственных стратегий развития. В 1970–1980-х гг. наметилась тенденция к сокращению темпов экономического роста², наиболее четко проявившаяся на рубеже XX–XXI вв. и в значительной степени охватившая ключевые страны Запада, включая Японию³.

К настоящему времени, учитывая отмеченные процессы и кризис, разразившийся в мировой экономике в 2008–2009 гг., сохранить действительно высокие показатели с точки зрения экономического роста удалось лишь небольшому количеству стран (основные показатели представлены в табл. 1). При этом тот факт, что многие из них относятся к незападному миру, стал предпосылкой для широких дискуссий о смещении центра экономического роста в Азию.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Таблица 1
Показатели экономического роста и социального равенства (коэффициент Джини) в странах Восточной Азии

Страна	Доход на душу населения (долл. США, по текущему курсу)		Рост ВВП (%)			Коэффициент Джини
	1995	2010	2000	2005	2010	2000-2010
Япония	41.968	42.831	2.9	1.9	4.0	24.9
Республика Корея	11.468	20.757	8.5	4.0	6.2	31.6
Гонконг (Китай)	23.492	31.758	8.0	7.1	7.0	43.4
Сингапур	22.922	41.122	9.1	7.4	14.5	42.5
КНР	604	4.428	8.4	11.3	10.4	41.5
Малайзия	4.287	8.373	8.9	5.3	7.2	37.9
Таиланд	2.817	4.608	4.8	4.6	7.8	42.5
Индонезия	1.014	2.946	4.9	5.7	6.1	37.6
Филиппины	1.070	2.140	4.4	4.8	7.6	44.0
Вьетнам	288	1.224	6.8	8.4	6.8	37.8
Для сравнения:						
США	27.559	47.199	4.2	3.1	3.0	40.8
Россия	2.670	10.440	10.0	6.4	4.0	33.0

Источники: World Development Indicators [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>; <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>; Доклад ООН о развитии человека. М.: Весь мир, 2010. С. 153–154.

В частности, прогноз Гарвардского университета постулировал, что в 2025 г. Азия будет обеспечивать порядка 55–60% общемирового валового продукта, а Запад всего лишь 20–30%⁴. Подобные сценарии развития ситуации позволили уже не только исследователям, но и многим политическим деятелям незападного мира сделать вывод о закономерном восстановлении роли Азии в качестве основного мирового экономического центра и даже «девестернизации мировой истории»⁵.

В то же время необходимо понимать, что экономический рост в странах Азии, а в рамках нее — Восточной Азии, происходил в основном за счет индустриализации этого региона мира на фоне деиндустриализации, происходившей в странах Запада при одновременном качественном усложнении и расширении там инновационной сферы. Таким образом, очевидно, что экономический рост Восточной Азии, обусловленный в первую очередь промышленным ростом, не мог повлечь за собой автоматического перехода этих государств в группу стран высокого уровня развития. В результате, добившись определенных экономических успехов, эти страны столкнулись с новыми вызовами модернизации.

Эти вызовы связаны в первую очередь с трансформацией характера международного разделения труда, в рамках которого за странами Запада сохраняется высокотехнологическое лидерство, включающее нематериальные сегменты сферы услуг, а развивающиеся страны замыкают на себе индустриальный сектор. Такая специализация, с одной стороны, позволяет странам Восточной Азии сохранять за собой определенные ниши в мировой экономике и обеспечивать задачи повышения качества жизни собственного населения, но, с другой стороны, не представляет абсолютную гарантию долгосрочного поступательного развития к более высокому статусу. В частности, это объясняется тем, что в настоящее время сегмент легкой промышленности и сборочных отраслей достаточно легко может быть перенесен из стран Восточной Азии в другие части развивающегося мира. При этом развитые страны сохраняют высокий уровень расходов на НИОКР, а в развивающихся странах формируются гораздо менее наукоемкие отрасли или же отрасли, основывающие свое производство на разработках, созданных в западном мире.

Используя терминологию мир-системного подхода, можно заключить,

что произошло своеобразное воспроизводство центр-периферийной структуры, но на новом витке развития при трансформации системы международного разделения труда и отчетливом появлении полупериферии. Такое изменение в разделении труда подразумевало умеренное подтягивание некоторых развивающихся стран к индустриально развитому уровню, однако при сохранении зависимости в новых формах (от торгово-экономических связей с развитым миром и технологических инноваций, генерируемых западными странами). При этом, как отмечается в работах известного отечественного исследователя Г.К. Широкова, подобная зависимость может просуществовать гораздо более длительное время, чем сформировавшийся до этого разрыв между капиталистическим и докапиталистическим укладами⁶. В сложившейся системе Незападу отводится роль производителя относительно сложных (но не самых сложных) промышленных товаров за счет относительно простых операций. Таким образом, окно возможностей достичь уровня высокоразвитых стран при всех негативных экономических процессах, происходящих в странах Запада, для незападного ареала мира представляется достаточно ограниченным.

В то же время существуют и кардинальные отличия от колониального периода. Во-первых, был создан прецедент, когда ускоренный экономический рост конца XX в. в Восточной Азии сопровождался ростом социального равенства, подавляющим большинством стран региона был достигнут так называемый «средний уровень развития», а некоторая их часть даже перешла в категорию высокоразвитых стран⁷. Во-вторых, на современном этапе промышленное производство стало носить совершенно иной характер, чем в период середины XX в. и тем более колониализма. Появляются новые отрасли, среди которых, в частности, можно особо отметить сферу

информационных технологий, которая позволила странам Восточной Азии не только достаточно эффективно занять новые ниши в международном разделении труда, но и во многом обеспечить своим экономикам высокие показатели конкурентоспособности в мировом масштабе.

В табл. 2 представлено положение стран и экономик Восточной Азии в рейтинге глобальной конкурентоспособности⁸, рассчитываемом аналитиками Всемирного экономического форума. Из представленного перечня видно, что в первую двадцатку входят четыре экономики региона (Сингапур, Япония, Гонконг, Тайвань), а еще шесть стран занимают достаточно высокие позиции в рамках первых пятидесяти пунктов (всего в рейтинге представлены 142 страны/экономики).

Таблица 2
Страны и территории Восточной Азии
в рейтинге глобальной
конкурентоспособности (2011 г.)

Название страны/ территории	Ранг	Балл
Сингапур	2	5.63
Япония	9	5.40
Гонконг	11	5.36
Тайвань (Китай)	13	5.26
Малайзия	21	5.08
Республика Корея	24	5.02
КНР	26	4.90
Бруней Даруссалам	28	4.78
Таиланд	39	4.52
Индонезия	46	4.38
Вьетнам	65	4.24
Филиппины	75	4.08
Камбоджа	97	3.85
Для сравнения:		
США ⁹	5	5.43
Россия	66	4.21

Источник: Global Competitiveness Index 2011-2012 [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://gcr.weforum.org/gcr2011/>

Оценивая общие параметры изменений, произошедших в Восточной Азии за вторую половину XX в., можно привести следующее сравнение. Если в 1955 г. на Китай, Японию, Южную Корею и Тайвань приходилось порядка 26,7% населения мира, которое производило 9% ВВП, то в середине первого десятилетия XXI в. при сокращении доли населения этих стран в общемировом до 23,3% вклад в мировой ВВП достиг 25%. В регионе находятся вторая и третья по величине крупнейшие экономики мира, а многие восточноазиатские страны вполне могут вменить себе в заслугу довольно успешную борьбу с проблемой бедности.

В 1960–1970-е гг. именно Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур предоставили исследователям всего мира основания заговорить о феномене «экономического роста с увеличением социального равенства»¹⁰. То есть экономический рост в этих странах способствовал не только общему подъему их экономических систем, но и обеспечил беспрецедентное увеличение уровня и стандартов жизни населения при относительном равенстве в распределении общественных благ¹¹. В результате перечисленные страны и территории смогли избежать социальных потрясений, а некоторые из них на этой основе осуществили успешную демократизацию своих политических систем.

Количественные параметры модели роста в Японии, Южной Корее, Тайване, Гонконге, Сингапуре, на начальных стадиях развития демонстрировавших высокие темпы сокращения социального неравенства, могут быть проиллюстрированы следующими статистическими данными. В период с 1960 по 1987 г. подушевой доход в Японии вырос приблизительно в 4 раза (с 4000 долл. США до 16 000 долл. США), в Южной Корее в тот же период — с 2000 до 8000 и до 16 000 долл. США в 2003 г. На Тайва-

не подушевой доход в 1977 г. составлял примерно 4000, а в конце 1990-х уже 16 000 долл. США¹².

Частично такое развитие и переход в категорию высокоразвитых стран был осуществлен Японией и первой четверкой НИС за счет развития электроники, а также информационных и телекоммуникационных технологий (ИТ) в тесной связке с Соединенными Штатами Америки. Становление Восточной Азии в качестве ключевого регионального сегмента в мировой структуре ИТ стало значимой целью, на достижение которой были направлены национальные стратегии многих региональных игроков.

Общие черты этих стратегий, которые можно проследить не только на примере перечисленных выше стран, но также НИС второй волны и Китая, включали в себя: 1) специальные меры в сфере образования (расширение подготовки специалистов в технических и инженерных областях); 2) приобретение зарубежных технологий и создание условий для проведения собственных исследований; 3) привлечение зарубежных инвестиций в информационно-телекоммуникационную сферу; 4) формирование специальной финансовой и промышленной инфраструктуры, нацеленной на стимулирование ИТ-отраслей, интенсивные вложения в НИОКР и, наконец; 5) развитие сети высокотехнологических парков и региональных кластеров¹³.

Оценить динамику расходов стран Восточной Азии на НИОКР позволяют данные, представленные в табл. 3. Статистика свидетельствует о постепенном, но стабильном увеличении подобных расходов в Японии, Южной Корее, Гонконге и Сингапуре. Далее с отставанием почти в полтора раза (в относительном выражении) следует Китай и страны Юго-Восточной Азии.

Таблица 3
Расходы стран Восточной Азии на научно-исследовательские и конструкторские разработки¹⁴, % от ВВП (1996–2007 гг.)

Название страны	1996	2000	2005	2006	2007
Япония	2.81	3.04	3.32	3.40	3.44
Республика Корея	2.42	2.30	2.79	3.01	3.21
Гонконг	н.д.	0.47	0.79	0.81	н.д.
Сингапур	1.37	1.88	2.28	2.27	2.52
КНР	0.57	0.90	1.34	1.42	1.44
Малайзия	0.22	0.47	н.д.	0.64	н.д.
Таиланд	0.12	0.25	0.23	0.25	н.д.
Индонезия	н.д.	0.07	0.05	н.д.	н.д.
Филиппины	н.д.	н.д.	0.12	н.д.	н.д.
Вьетнам	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Для сравнения:					
США	2.55	2.76	2.61	2.65	2.72
Россия	0.97	1.05	1.07	1.07	1.12

Источник: World Development Indicators [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?page=3>

При общих чертах стратегий стран региона, перечисленных выше, их конкретное воплощение, естественно, варьировалось в каждой конкретной стране. Так, например, сформировалась различная специализация региональных технопарков (компьютерное производство и дизайн на Тайване, производство жестких дисков в Сингапуре, производство интегральных схем в Китае и т.д.).

Страны региона также различались по степени вовлечения государства в развитие информационно-телекоммуникационной сферы: научно-индустриальный парк Синьчжу на Тайване создавался преимущественно с опорой на государственные ресурсы, в то время как технологические парки в Южной Корее использовали частный капитал. В то же время отмеченные различия никоим образом не противоречили магистральному курсу на поддержку

и развитие электроники и сферы ИТ, поскольку именно данные области и их экспортный потенциал позволили целому ряду стран Восточной Азии не только начать технологический рывок, но и обеспечивали занятость большей части населения, а в перспективе и повышение качества жизни.

Стремление стран Восточной Азии закрепиться в сфере информационно-коммуникационных технологий совпало с революционными изменениями в данной области. Их основное содержание заключалось в появлении так называемых модульных стандартов для большого спектра продуктов, применяемых в сфере ИТ¹⁵. Подобные стандарты означали создание простых и легко сочетаемых интерфейсов данных продуктов, что позволило снизить издержки на их производство за счет его пространственно-горизонтальной диверсификации. Такие изменения, в свою очередь, позволили создать региональные производственные цепочки, которые могли создавать и укомплектовывать продукт с гораздо меньшими затратами, чем многие вертикально структурированные западные компании.

Таким образом, производство в информационно-телекоммуникационной сфере приобрело многоступенчатый характер. Соединенные Штаты сохраняли за собой функцию генерирования инноваций, а их материальное воплощение обеспечивалось странами Восточной Азии (в первую очередь Японией, Южной Кореей, Тайванем)¹⁶. Подобные же цепочки можно проследить на примере связки Европа — Япония — страны Восточной Азии или Япония — страны Восточной Азии. В результате страны региона не только смогли увеличить долю высокотехнологичной продукции в своем экспорте (динамика представлена в табл. 4), но и закрепили за собой особую нишу в мировом разделении труда, сохранение ведущих позиций в которой обеспечивается благоприятным деловым климатом, наличием целого ряда эффективно действующих национальных и транснациональных корпо-

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

раций и уже сформировавшимися производственными цепочками.

Таблица 4

Высокотехнологичный экспорт стран Восточной Азии, % от промышленного экспорта (1996–2009 гг.)

Название страны	1996	2000	2005	2008	2009
Япония	26	28	22	18	20
Республика Корея	24	35	32	31	32
Гонконг	19	23	16	22	31
Сингапур	55	63	57	51	49
КНР	12	19	31	29	31
Малайзия	44	60	55	40	47
Таиланд	29	33	27	25	26
Индонезия	9	16	16	11	13
Филиппины	58	73	71	66	66
Вьетнам	н.д.	11	5	5	н.д.
Для сравнения:					
США	31	34	30	27	23
Россия	9	17	8	7	9

Источник: World Development Indicators [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.MF.ZS>

В то же время представленная выше модель, наиболее эффективно работавшая на примере Японии и стран НИС первой волны, по всей видимости, не может быть полностью воспроизведена в остальных странах региона.

Многие из них пока так и остаются на промежуточном уровне развития, характеризующемся индустриализацией без дальнейшего роста технологической составляющей. Начинают сказываться и ограничения экспортоориентированной модели, выраженные уже упоминавшейся формулой «сложные товары, но простые операции», и особенно заметные на примере ряда стран Юго-Восточной Азии. Кроме того, достаточно тревожным знаком стал наметившийся в середине 2000-х гг. перелом в регионе, ознаменовавший рост социальных диспропорций в противовес модели экономического роста с увеличением социального равенства. Существенный вклад в подобные трансформации вносит ситуация в Китае, который на данный момент является не только региональным лидером по показателям экономического роста, но также занимает ведущие позиции по увеличению разрывов в уровне доходов.

В то же время, основываясь на представленном анализе, с условной долей осторожности можно прогнозировать, что поступательное научное и технологическое развитие Японии, Южной Кореи, Тайваня и, возможно, ведущих стран Юго-Восточной Азии и Китая в будущем позволит им перейти от стадии воспроизводства к созданию собственных инновационных продуктов, поскольку от достижения именно этой задачи во многом зависит их способность закрепить свои успехи в мировой экономике.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 11-03-00099а.

¹ Но естественно, не ограничивались только названными причинами.

² Подробнее о причинах таких изменений см.: Мельянцев В.А. Развитие и развивающиеся страны в эпоху перемен (Сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.) / В.А. Мельянецев. М.: ИД «Ключ-С», 2009. С. 7–50 [Mel'yanzev V.A. Razvitye i razvivay ushiesya strany v epohu peremen (Srvnitelnaya ozenka effektivnosti rosta v 1980-2000 gg.) / V.A. Mel'yanzev. M.: ID Kl'yuch-S, 2009. S. 7–50]

³ В частности, отечественный исследователь В.А. Мельянецев отмечает, что темпы прироста ВВП в группе крупнейших стран Запада (имеются в виду США, Германия, Великобритания, Франция, Италия) и Японии сократился с 5,4% в середине XX в. до 1,9% к концу первого десятилетия XXI в. (Мельянецев В.А. Указ. соч. С. 18–19).

⁴ Подробнее о явлении диверсификации экономического роста в странах Востока см.: Лунев С.И. Может ли Восток догнать Запад? (развитие науки в крупнейших странах Азии) / С.И. Лунев,

- Ю.В. Любимов. М. : МГИМО-Университет, 2011. С. 99 [Lunev S.I. Mojet li Vostok dognat Zapad? (razvitie nauki v krupneyshih stranah Asii)/ S.I. Lunev, Yu.V. Lyubimov. M. : MGIMO-Universitet, 2011. S. 99].
- ⁵ Согласно некоторым оценкам, к началу XIX в. на Азию приходилось порядка 59% ВМП (Mahbubani K. The New Asian Hemisphere. The Irresistible Shift of Global Power to the East. N.Y.: Public Affairs, 2008. P. 127–175).
 - ⁶ Подробнее о трансформации социально-политических укладов на Западе и на Востоке см.: Широков Г.К. Восток: панорама новейшего времени. Избранные научные труды / Г.К. Широков. М. : Институт востоковедения РАН, 2003. С. 589–668 [Shirokov G.K. Vostok: panorama noveyshego vremeni. Izbrannye nauchnye trudy / G.K. Shirokov. M. : Institut vostokovedeniya RAN, 2003. S. 589–668.]
 - ⁷ Имеются в виду в первую очередь Япония и новые индустриальные страны (и территории) первой волны (Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань).
 - ⁸ Индекс глобальной конкурентоспособности рассчитывается на основании девяти блоков показателей, включающих переменные, демонстрирующие качество институтов, инфраструктуры, макроэкономического развития, здравоохранения и начального образования, качество высшего образования, эффективность рыночных механизмов, уровень технологического развития, степень сложности бизнес-структур и бизнес-операций и инновационные возможности. (Подробнее см.: URL: <http://gcr.weforum.org/gcr2011/>)
 - ⁹ Стоит отметить, что в 2008–2009 гг. США занимали первую позицию, в 2009–2010 гг. — вторую, в 2010–2011 гг. — четвертую.
 - ¹⁰ В англоязычных исследованиях подобное явление терминологически обозначается как “*growth with equity*”.
 - ¹¹ Jomo K.S. Growth with Equity in East Asia? / K.S. Jomo // DESA Working Paper No.33 (September 2006). [Электронный ресурс]/ Режим доступа: http://www.un.org/esa/desa/papers/2006/wp33_2006.pdf
 - ¹² Feng W. The End of “Growth with Equity”? Economic Growth and Income Inequality in East Asia / W. Feng// Asia Pacific Issues. No.101 (July 2011). P. 2.
 - ¹³ Making IT. The Rise of Asia in High Tech/Ed. by H.S. Rowen, M.G. Hancock, and W.F. Miller. Stanford: Stanford University Press, 2007. P. 7–12.
 - ¹⁴ В расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки включаются текущие и капитальные расходы государственных и частных агентов на систематические исследования, имеющие целью расширение знания, включая гуманитарную сферу, социальную сферу и сферу культуры, и использование полученного знания в прикладных целях. В данном случае понятие НИОКР включает в себя фундаментальные исследования, прикладные исследования и экспериментальные разработки.
 - ¹⁵ Making IT. P. 4.
 - ¹⁶ Ibid.

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ: ИДЕОЛОГИИ, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ И МИРОВЫЕ СТРАТЕГИИ

15–16 декабря 2011 г. в Сеуле (Республика Корея) состоялась международная конференция под названием «Двадцатилетие постсоветской российской политики: идеологии, государственные системы и мировые стратегии». В мероприятии приняла участие делегация Российской ассоциации политической науки и МГИМО, в которую вошли президент РАПН, заведующая кафедрой сравнительной политологии профессор О.В. Гаман-Голутвина, председатель Совета по международному сотрудничеству РАПН, профессор кафедры политической теории А.И. Никитин, генерал армии, бывший министр внутренних дел РФ А.С. Куликов и другие. Представители РАПН и МГИМО выступили с докладами по вопросам идеологических дилемм российской внешней политики, тенденций развития российской полити-

ческой элиты, политики России на Северном и Южном Кавказе.

В ходе конференции российская делегация провела переговоры с руководством Центра российских исследований Университета Ханкук. В результате переговоров было заключено соглашение о сотрудничестве между РАПН и Центром российских исследований Университета Ханкук. Оно предполагает проведение ежегодных научных мероприятий, конференций, публикацию научных материалов, участие российских специалистов в реализации масштабного проекта корейских ученых по изучению России, а также подготовку книги по политическим, экономическим и социальным проблемам 83 субъектов РФ.

*Управление интернет-политики
МГИМО — Университета*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ШАГ НА ПУТИ К АНАЛИЗУ СЛОЖНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Каримова А.Б. Этажи системы и ячейки сети. Лекции по социологии международных отношений : учебное пособие. М. : РГГУ, 2011.

Монография А.Б. Каримовой посвящена актуальным и научно значимым аспектам социологии международных отношений (СМО). Важное достоинство представляемой книги заключается в том, что содержащийся в ней материал носит не только учебный, но и теоретико-научный характер. Такой подход к анализу учебного материала, как представляется, призван сформировать у студентов комплексное и глубокое представление о рассматриваемой проблематике. Этому будет способствовать также и авторский подход к анализу предмета СМО, с одной стороны, основывающийся на многолетнем научном и педагогическом опыте автора, а с другой стороны, учитывающий современные тенденции в развитии международных отношений.

Курс лекций позволяет проанализировать и понять проблематику международных отношений в четко обозначенном социологическом ракурсе, одновременно встраивая социальные аспекты МО в более широкий контекст международных исследований. Достоинством монографии является также учет значимости исследований социологии МО для России, поскольку в современных условиях выбор адекватной международной стратегии, по сути, представляет собой важный ресурс развития и модернизации общества.

Структурно монография подразделяется на введение, восемь глав-лекций и заключение. В приложении содержится учебно-методический материал. Во введении обозначена общая постанов-

ка проблем, анализируемых в цикле лекций, а также сформулирована адекватная целям и задачам книги методологическая база. Логическая последовательность тем, обозначенных в лекциях, построена по принципу перехода от более общих, теоретических аспектов, к практико-ориентированным. Так, последняя лекция (СНГ как объект социологии международных отношений) представляет собой удачный пример применения раскрытых ранее теоретических аспектов социологии международных отношений к анализу ситуации в рамках СНГ, который к тому же удачно дополнен статистическим и иллюстративным материалом.

Такая структура призвана помочь обучающимся и заинтересованным читателям в целом сформировать полное представление о природе и проявлениях социологического направления исследований международных процессов. Для удобства использования книги в учебном процессе она снабжена учебно-методическим планом, в котором содержится перечень тем лекционных и семинарских занятий.

Представляется, что монография А.Б. Каримовой удачно дополняет и расширяет научно-учебную базу литературы по социологическим направлениям подготовки, а также смежным специальностям и направлениям («Международные отношения», «Регионоведение», «Политология»).

Е.В. Колдунова,
заместитель декана факультета
политологии
МГИМО (У) МИД России,
доцент кафедры востоковедения,
кандидат политических наук

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ГЕОПОЛИТИКИ

Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности / под ред. И.М. Бусыгиной, Л.В. Смирнягина, М.Г. Филиппова. М. : МГИМО — Университет, 2010.

В данном сборнике представлены научные доклады российских исследователей, посвященные проблематике стран — территориальных гигантов. К этим странам привлечено повышенное внимание мирового сообщества. Авторы докладов исследуют вопросы ограничений и дополнительных возможностей, вытекающих из размера страны, а также способы и механизмы поддержания территориальной стабильности в таких странах. Подобная проблематика является крайне актуальной для России как крупнейшего государства на политической карте мира. Сборник объединяет статьи на общие темы со статьями, в которых указанные вопросы обсуждены применительно к конкретным странам-гигантам, составляющим группу БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай).

Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. Балто-Черноморье: времена и пространства политики. Калининград : РГУ им. И. Канта, 2010.

В книге рассматривается развитие политической организации стран и территорий, лежащих между Черным и Балтийским морями. Показывается преемственность политических традиций региона, его место в мировой политике. Особое внимание уделяется процессам формирования государств и наций. Книга представляет пример исследований политических проблем в региональном ракурсе. В ней детально развита и обоснована концепция профессо-

ра М.В. Ильина, объясняющая эволюцию Балто-Черноморской политической системы в исторической перспективе. Помимо прочего в книге используется методология С. Роккана для попытки концептуального картирования региона.

Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М. : Новый хронограф, 2009.

А.И. Трейвиш пытается ответить на сущные вопросы географии развития: ведет ли оно вперед или кружит, есть ли его схемы, единые для всех стран. Главная особенность книги — полимасштабное видение страны и ее частей. Автор выстраивает последовательную цепочку исследований: страна на фоне мира — район на фоне страны и мира — город на фоне района, страны и мира. Показаны развитие России в целом, характер ее районной сети и проблемы регионализации. Отдельная глава посвящена исторической и современной роли городов с выделением городов-лидеров в регионах, в стране и в мире. Книга посвящена развитию и изучению развития, большим странам, системам и пирамидам районов и регионов. Автор исследует способность пространств России лимитировать масштаб и скорость развития, которые вечно недооценивают политики.

Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М. : Европа, 2011.

В сборнике статей отечественного филолога и политолога Вадима Цымбур-

ского представлены «интеллектуальные расследования» ученого по отдельным вопросам российской геополитики и хронополитики; несколько развернутых рецензий на современные труды в этих областях знания; цикл работ, посвященных понятию суверенитета в российском и мировом политическом дискурсе; набросок собственной теории рационального поведения и очерк исторической поэтики в контексте филологической теории драмы. Сборник открывает обширное авторское введение: в нем ученый подводит итог всей своей деятельности в сфере теоретической политологии, которой Владимир Цымбурский, один из виднейших отечественных филологов-классиков, крупнейший в России специалист по гомеровскому эпосу, посвятил последние двадцать лет своей жизни и в которой он оставил свой яркий след. Геополитика в целом схвачена ученым как донаучная алхимия, чья паранаучность языка обусловлена дорациональными по происхождению географическими смыслообразами, на которых строилась пропаганда стратегий вроде борьбы Континента с Океаном.

Agnew J. Globalization and sovereignty. Lanman: Rowman & Littlefield, 2009.

Эгнью Дж. Глобализация и суверенность. Ланман: Роуман и Литтлфилд, 2009.

Книга представляет собой отчасти провокативный текст, который открывает новую веху в исследовании прошлого и настоящего суверенности. Знаменитый политический географ, живой классик модернистского направления в геополитике, смело бросает вызов традиционному представлению о глобализации, подавляющей суверенность. Он указывает на то, что такое понимание зиждется на архаичном понимании этих двух концептов. Эгнью пишет о том, что суверенный контроль государства над территорией не предполагает наличие отдельных автономных территорий с низким потенциалом интеграции. Концепту тер-

риториальности он противопоставляет пространственность, отличающуюся отсутствием жесткой привязки к территориальным ячейкам мировой политической системы. Пространственность существующих политических практик позволяет переосмыслить соотношение суверенности и глобализации в современном мире.

Beramendi P. The Political Geography of Inequality: Regions and Redistribution (Cambridge Studies in Comparative Politics). Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Бераменди П. Политическая география неравенства: регионы и перераспределение (Кембриджские исследования в сравнительной политологии). Кембридж: Кембридж университети пресс, 2012.

Широко анонсированная книга по политической географии посвящена исследованию влияния политико-территориальной структуры на экономическое выравнивание территорий. Изучая сложносоставные структуры в периоды экономической нестабильности (Европейский союз, США, Канаду, Германию и Испанию) автор оценивает потенциал зависимости экономической географии страны от ее политико-территориального устройства. Проводя исследования государственной политики на федеральном (в ряде случаев наднациональном), региональном и местном уровне, автор анализирует закономерности взаимосвязи политического представительства с экономическим неравенством и уровнем прямого межрегионального взаимодействия.

Toal G., Dahlman C. Bosnia Remade: Ethnic Cleansing and Its Reversal. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Тоал Ж., Дальман К. Новая Босния: этнические чистки и коренной поворот. Оксфорд: Оксфорд университети пресс, 2011.

Последняя книга классиков критической геополитики, вышедшая через

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

13 лет после знаменитой «Переосмысливая геополитику» (Rethinking Geopolitics), посвящена попытке апробировать критические концепции на конкретном кейсе. Авторы скрупулезно изучают изменения этнической географии Боснии на примере отдельных поселений, подвергшихся чисткам, а затем переживших возвращение автохтонного населения. Уникальный пример Боснии позволяет проследить причины и последствия микрогеополитических сдвигов в отдельный короткий промежуток време-

ни. Авторы продолжают традицию использования постмодернистских подходов к пониманию пространства. Сквозь призму этнических сдвигов в бывшей Югославии, авторы прослеживают возможные сценарии развития национального вопроса в Европе.

*Обзор подготовил И.Ю. Окунев,
аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России,
секретарь Исследовательского комитета по геополитике IPSA*

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ

Чарльз Зиглер. Различия в восприятии суверенитета США, Китаем и Россией

Charles Ziegler. Contrasting U.S., Chinese and Russian Perceptions of Sovereignty

Аннотация: В рамках теории реализма три наиболее влиятельных государства современного мира, Россия, Китай и США, стремятся сохранить свою независимость в решении внутривнутриполитических вопросов и максимально свободно действовать на международной арене. Автор предлагает использовать конструктивистский подход, который уделяет особое внимание своеобразию норм и признает влияние внутренней политики на указанные нормы, поэтому он позволяет объяснить различия в понимании суверенитета в разных странах. Политические элиты России и Китая склонны считать, что залог сохранения Вестфальского суверенитета — сильная центральная власть, в то время как на основе своего исторического опыта США сформировали идеал децентрализованного управления. Американские либеральные интернационалисты и неоконсерваторы в целом стремятся отказаться от традиционного понимания суверенитета с целью защиты населения, продвижения демократии, преследования террористов и обеспечения гегемонии США. Россия и Китай рассматривают суверенитет с абсолютизирующей позиции, хотя они сделали ряд уступок меняющимся нормам территориальной неприкосновенности и гуманитарной интервенции. Автор доказывает, что понимание суверенитета (внутреннего суверенитета и суверенитета взаимозависимости в терминологии С. Краснера) Россией, Китаем и США претерпевает изменения в результате появления общих интересов и необходимости противодействия новым глобальным угрозам.

Abstract: According to realist approach, three most modern influential states Russia, China and US strive to gain maximum freedom in the international arena while retaining independence in domestic policies. The author suggests that a different constructivist approach should be used. Paying attention to the peculiarities of norms and acknowledging the influence of domestic policy on the norms, this approach allows to explain the differences in understanding sovereignty in different states. The political elites of Russia and China tend to consider that the strong central power secures the Westphalian sovereignty, while the historic experience of the US formed the ideal of decentralized power. Aiming at population protection, democracy promotion, terrorist persecution and maintaining US hegemony, American liberal internationalists and neocons are in general eager to step away from the traditional understanding of sovereignty. Russia and China consider sovereignty from the absolutist standpoint, though they have made a number of concessions to the changing norms of territorial integrity and humanitarian intervention. The article proves that the Russian, American and Chinese understanding of sovereignty (both domestic sovereignty and interdependence sovereignty in S.Krasner's terms) is changing with the emergence of common interests and the necessity to counteract new global threats.

Ключевые слова: суверенитет, США, Китай, Россия, Великая держава, обязанность защищать, Вестфальский суверенитет, внутренний суверенитет, суверенитет взаимозависимости.

Key words: sovereignty, US, China, Russia, Great power, responsibility to protect, Westphalian sovereignty, domestic sovereignty, interdependence sovereignty.

Ли Син. Усиление роли G20: трансформация мирового порядка и внешняя политика Китая

Li Xing. Strengthening role of G20: transformation of world order and foreign policy of China

Аннотация: Статья посвящена исследованию роли «Большой двадцатки» (G20) в трансформирующемся мире и внешней политике Китая в данном объединении. В современных условиях G20 становится ключевой глобальной площадкой для экономического диалога ведущих стран мира. Какую роль играла и играет G20 в кризисный и посткризисный периоды? Какие факторы оказывают воздействие на ее функционирование и перспективу? Каким представляется Китаю данное объединение стран? Эти вопросы находились в центре внимания и иностранных, и китайских исследователей. В этой статье мы пытаемся дать более адекватные ответы на поднятые вопросы.

Abstract: The article studies the role of the G20 in the evolving world and foreign policy of China in this entity. In the current world the G20 emerges as a key global platform for economic dialogue among major powers of the world. Which role has it been playing during and after global crisis? Which forces does impact it and define its future? How does China view this entity? These questions were raised by international and Chinese scholars. The current article attempts to provide reasonable answers for those questions.

Ключевые слова: G20, трансформация мирового порядка, внешняя политика Китая, страны с растущей экономикой, мировой финансовый кризис.

Key words: G20, transformation of world order, foreign policy of China, emergency powers, world financial crisis.

Интервью главного редактора журнала «Сравнительная политика» декана факультета политологии МГИМО (У) МИД

России профессора А.Д. Воскресенского с директором Института демократии и сотрудничества (Нью-Йорк, США) А.М. Миграняном на факультете политологии МГИМО — Университета

Interview of the editor-in-chief of the journal "Comparative Politics", Professor Alexei D. Voskressenski's with Andranik Migranyan, Director of the Institute for Democracy and Cooperation (N.Y., USA)

Аннотация: Институт демократии и сотрудничества — первая некоммерческая негосударственная структура, созданная для того, чтобы быть площадкой между американскими мозговыми и исследовательскими центрами, структурами гражданского общества, университетами и российскими интеллектуальными и исследовательскими центрами, политическими и общественными кругами. Директор института А.М. Мигранян рассказывает о проекте по подготовке фундаментального международного исследования «Демократия в российском зеркале» на базе Института демократии и сотрудничества и его актуальности для России и для мирового интеллектуального сообщества, о соруководителе и соредакторе проекта с американской стороны профессоре Адаме Пшеворски, о критериях отбора участников. Дискуссии по проекту проходили в Нью-Йорке и Москве в МГИМО — Университете на базе факультета политологии. А.М. Мигранян оценит результаты работы, семинары по проекту в Москве и Нью-Йорке и наметит предмет дальнейших совместных исследований.

Abstract: Institute for democracy and cooperation is the first non-profit non-state organization, set up to become a link between American think tanks and research centers, civil society institutions, universities and Russian intellectual and research centers and political and societal organizations. The IDC director Andranik Migranyan tells about the project of fundamental international research Democracy in the Russian mirror

on the basis of the IDC and its significance for the world intellectual community and for Russia, about the project's American co-manager and co-editor Adam Przeworski, on the participants' selection criteria. Project discussions were held in New York and in Moscow at MGIMO faculty of politics. A. Migranyan evaluates the results of work, the project workshops in Moscow and New York and makes tentative plans for joint follow-up research.

Ключевые слова: Институт демократии и сотрудничества, МГИМО, международное исследование.

Key words: Institute for democracy and cooperation, MGIMO, international research

Адам Пшеворски. Демократия в российском зеркале. Предисловие к книге

Adam Przeworski. Really existing democracies: democracy in a Russian Mirror

Аннотация: Коллективное исследование объединило ведущих западных и российских политологов. В нем затрагивается опыт развития демократии в России и особенности современного политического режима в стране. Оно также включает сравнительный анализ различных концепций демократии и институциональный анализ различных учреждений и механизмов, обеспечивающих воспроизводство демократического строя. Наконец, в нем выявляются основные стимулы и препятствия установлению демократии в стране.

Abstract: Leading Western and Russian political scientists contributed to this collective study, which covers issues related to the Russian record of democratic rule and operation of the current political regime in the country, as well as comparative analysis of various concepts of democracy and institutional analysis of various organisations and mechanisms of democratic politics. Moreover it examines major incentives and obstacles to consolidation of democracy.

Ключевые слова: политический режим и политический порядок, политические институты, незападная демократия, выборы, власть и оппозиция.

Key words: political regime and political order, political institutions, non-Western democracy, elections, authorities and opposition.

В.М. Алпатов. Лингвистический и политологический анализ: сравнительные аспекты

V.M. Alpatov. Linguistic and political analysis: comparative aspects

Аннотация: Автор анализирует научно-методический комплекс по политическим системам и процессам на Востоке, подготовленный в МГИМО — Университете коллективом авторов под редакцией профессора А.Д. Воскресенского, и показывает отличия в подходах и методах лингвистического и политологического анализа. Выделяются два существенных различия в подходах, и в обоих случаях лингвистика XIX в. занимала позиции, близкие, как считает автор, к современным политологическим. Во-первых, современная лингвистика отказалась от монистического взгляда на типологию, в то время как научно-методический комплекс последовательно демонстрирует монизм шкалы от либеральной демократии до тоталитаризма. Во-вторых, книге, по мнению автора статьи, свойственна оценочность. Понятие нормы в лингвистике предполагает установление для всех носителей языка единого стандарта, позволяющего достичь полного взаимопонимания. В политологии решающими для оценки остаются субъективные критерии. На примерах автор демонстрирует, что в политологии, в отличие от лингвистики, не принято устранять явные противоречия, разграничивать употребляемые термины, избегать утверждений, не имеющих доказательств, и по возможности избегать субъективных оценок.

Abstract: The article analyses the book on political systems and processes in the East prepared by MGIMO-University authors and edited by Alexei D. Voskressenski in order to show the differences in approach and methods used in linguistics and political science. The author shows two significant differences in present-day stressing that linguistics of the XIX century was closer to the present-day political science? As he believes. The first difference includes monism of political science approach, since the book reveals monistic scale from totalitarianism to democracy, while linguistic has abandoned the monistic view on typology. The second difference is the value-addedness of the political science approach. The value-free norm in linguistics presupposes setting up of a single standard for all speakers in order to reach full mutual understanding. In political science subjective criteria are decisive for evaluation. The article gives examples from the book to prove that political science, compared to linguistics, is not aimed at overcoming contradictions, distinguishing between the terms, avoiding unproved statements and subjective evaluations.

Ключевые слова: лингвистический анализ, политологический анализ, оценочный подход, политические системы Востока, модели демократии на Востоке.

Key words: linguistic analysis, political analysis, value-added approach, political systems of the East, models of democracy in the East.

Л.Б. Алаев. Две новейшие концепции истории Востока и мира (О.Е. Непомнин versus Л.С. Васильев)

L.B. Alaev. Two newest concepts of oriental and world history (O.E. Nepomnin versus L.S. Vasiliev)

Аннотация: В данной статье предлагается критический разбор и сравнение концепций, представленных в недавно вышедших трудах двух китайистов: Л.С. Васильева и О.Е. Непомнина. Концепция

Л.С. Васильева строится во многом на отвержении марксизма, особенно исторического материализма, но он продолжает использовать идею К. Маркса об «азиатском способе производства». Основная задумка книги О.Е. Непомнина — выделить на Востоке несколько «моделей» общественных отношений, отличающихся не только от «Запада», но и друг от друга. В отличие от Васильева, он хочет не «обобщить» Восток в единообразную схему, а выявить различия между азиатскими цивилизациями, однако не определяя особенностей «моделей» некими объективными методами и не предлагая убедительных параметров сравнения. По мнению автора, в настоящее время создалась смесь обрывков разнообразных концепций, устаревших и не увязанных друг с другом. Автор призывает вернуться к методологическим вопросам исторического процесса, применять новые подходы к его периодизации, исходящие не из единого фактора (например, способа производства), а из многофакторной парадигмы и проводить новые серьезные исследования пути развития Запада.

Abstract: The article gives a critical review and comparison of the concepts of history in two recently published books by sinologists L.S.Vasiliev and O.E.Nepomnin. The concept of L.S.Vasiliev is built upon the rejection of Marxism, especially historic Marxism, though Marx's idea on the Asian type of production is still used. The main idea of Nepomnin's book is to distinguish a few oriental models of societal relations, different not only from the West but from each other. Unlike Vasiliev who wants to generalize the East in one scheme, Nepomnin wants to stress the differences between Asian civilizations, though without determining the peculiarities of the models with the help of objective methods and not offering any convincing parameters of comparison. The article shows that now there is a mix of pieces of various concepts, which are outdated and not linked to each other. The author suggests to tackle the methodological issues of histor-

ic process, to apply new approaches in periodization, based not on one factor (like type of production) but on multifactor paradigms and to make new research of the development of the West.

Ключевые слова: история Востока, исторический марксизм, азиатский способ производства.

Key words: oriental history, historic Marxism, Asiatic mode of production.

С.И. Лунев. Политическая мысль и модернизация на Востоке

S.I. Lunev. Political thought and modernisation of the East

Аннотация: Начиная с середины XX в. наблюдается постепенный распад монополии Запада на концептуальное осмысление проблематики мирового развития. В то же время этот процесс преимущественно развивается в атмосфере интеллектуальной нетерпимости. Несмотря на отдельные примеры взаимного обогащения, теоретические наработки исследовательских школ Запада и Востока пока не стали предметом полноценного диалога.

Abstract: Since the middle of the XX century the Western monopoly on explanation of world development is under erosion. However the atmosphere of intellectual intolerance predominates this process. Despite marginal record of mutual enlightenment, theoretical achievements of both West and East have not been subjected to comprehensive dialogue.

Ключевые слова: модернизация, индивидуализм и коллективизм, азиатские ценности, экологическое движение, коммунитаризм.

Key words: modernisation, individual and collective, Asian values, communitarism.

А.Д. Воскресенский. Социальные порядки и политический анализ региональных процессов

Alexei D. Voskressenski. Social orders and political analysis of regional processes.

Аннотация: В современной политологии основные объекты исследования (типология социальных порядков в отдельных странах, существующие и формирующиеся региональные общности и мировой порядок в международных отношениях) изучаются вне связи друг с другом. Такое деление — наследие традиционных, западнцентричных теорий. В статье на основе опыта отечественной востоковедческой школы и нового осмысления международной реальности Востока и Запада в XXI в. формулируются основы комплексного подхода к анализу политических явлений с учетом взаимозависимости глобального, регионального и национального уровней.

Abstract: Contemporary Political Science deals mainly with three major research fields (typology of social order within countries, existing and emerging regional identity and world order in international system), which are studied separately. This division is a product of the traditional, West-centric theories. The current article building upon achievements of the Russian school of Asian studies and new reality of the West and East proposes framework for complex approach towards political reality with due account of interdependence between global, regional and national levels.

Ключевые слова: теория международных отношений, регионализация, социальный порядок, Восток, Запад, мировой порядок, модернизация.

Key words: Theory of international relations, regionalisation, social order, East, West, world order, modernization.

В.Д. Соловей. Мифы о России vs реальность

V.D. Solovey. Russia in myths and in reality

Аннотация: Как для отечественной, так и для зарубежной литературы существует набор стереотипов относительно ценностно-целевых установок россий-

ского населения. Социологический анализ ценностных ориентаций и моделей поведения россиян опровергает представления об их приверженности особому «русскому пути». Устоявшиеся среди них «достижительные» идеалы аналогичны предпочтениям населения других европейских стран.

Abstract: Among both Russian and international authors there are wide-spread stereotypes regarding typical values of Russians. However, sociological studies on systems of values and patterns of behaviour frequent among citizens of Russia contradict with the myths of special “Russian path”. Domination of the “ideals of achievement” in Russian places it in line with other European countries.

Ключевые слова: ценностные ориентации, массовые практики, мессианство, «русский характер», Европа, евразийство.

Key words: values, patterns of behaviour, global mission, Russian path, Europe, evrazijtsi, Eurasian studies.

Е.Ю. Мелешкина. Государственная состоятельность постсоветских территориальных политий

E.Yu. Meleshkina. Stateness of post-soviet territorial polities

Аннотация: В данной статье выделяются основные факторы становления государственной состоятельности в странах бывшего СССР, обуславливающие сходства и отличия в плане наличия проблем управляемости, эффективных институтов государственной власти, рационального использования имеющихся ресурсов. Сходства объясняются через специфику «постимперского транзита», сопряженного с проблемами государственного и национального строительства. Различия определяются такими факторами, как включенность в международные структуры, количество и характер конкурирующих внутренних и внешних центров и культурно-этнической, региональной, экономической перифе-

риями, институциональное наследие, традиции государственности, степень консолидации политического режима и наличие ресурсов.

Abstract: All post-soviet states face stateness problems, that is why it's important to reveal their preconditions. The article distinguishes the main factors of state formation in the post-USSR states determining the similarities and differences in the governance problems, the effectiveness of state institutions and rational use of resources. The similarities are explained through the specific nature of post-imperial transition with problems of state and nation-building on top. The differences are determined by the following factors: inclusion into international structures, the number of competing internal and external centers and the degree of tension between centers and cultural-ethnic, regional and economic peripheries, the institutional legacies, the traditions of statehood, resource presence and the degree of political regime consolidation.

Key words: stateness, post-soviet states, post-imperial state, post-imperial transition, statebuilding.

Ключевые слова: государственная состоятельность, постсоветские государства, постимперские государства, постимперский транзит, государственное строительство.

Е.В. Колдунова. Сфера информационных технологий в странах Восточной Азии как фактор экономического развития и модернизации: сравнительный анализ государственных стратегий

E.V. Koldunova. IT in Asia as a driving force of economic development and modernization: comparative analysis of state strategies

Аннотация: В статье в сравнительном плане анализируются стратегии догоняющего развития стран Восточной Азии. Особое внимание уделяется сфере информационно-коммуникационных технологий. Рассматривается явление

«экономического роста с повышением социального равенства» на примере сравнения новых индустриальных стран Восточной Азии как один из результатов реализации упомянутых стратегий.

Annotation: The article focuses on the comparative analysis of East Asian strategies of catching-up development with a special emphasis on the IT sphere. The article also examines the “growth with equity” phenomena as an outcome of such strategies.

Ключевые слова: Восточная Азия, информационные технологии, экономический рост, социальное равенство, конкурентоспособность.

Key words: East Asia, IT, economic growth, social equity, competitiveness.

*Аннотации подготовлены
О.Г. Харитоновой,
И.А. Истоминым, Ли Сином,
Е.В. Колдуновой*

ПАРТНЕРЫ ЖУРНАЛА «СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»

MGIMO-UNIVERSITY SCHOOL OF POLITICAL AFFAIRS AND WORLD POLITICS

MGIMO-University
Ministry of Foreign Affairs,
Russian Federation

SCHOOL OF POLITICAL AFFAIRS

Dean

Professor, Dr. Pol. Sc. Alexei D. Voskresenski — Professor of World and Comparative Politics and Asian Studies, MGIMO-University (Moscow). He received his M.A. (*summa cum laude*) in Chinese Studies from Moscow State University, holds a Ph. D. in Political Science/Government Studies from the University of Manchester (GB) and a Ph. D. in Asian Studies from the Institute of Far East (Moscow). He is the author, co-author, and editor of fifty books (the latest of which is “*The East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Process*” (Aspect Press, 2011), of which twelve are monographs including “*Russia and China. A Theory of Interstate Relations*” (Routledge, 2003) and “*Political Systems and Models of Democracy in the East*” (Aspect Press, 2007). He also edits a Russian journal, “*Comparative Politics*”.

Vice-Deans

Ekaterina Koldunova — Vice-Dean, Ph.D. (Cand.Polit.Sc.) in International Relations, associate professor at the Department of Asian and African Studies, MGIMO-University (Moscow). She has publications in Russian and English on regional transformations, political systems of Southeast Asian states, international relations and new security threats in East Asia, as well as Russian foreign policy in the Asia

Pacific. Her recent book is entitled “*Security in East Asia: New Challenges*” (Moscow: Navona, 2010). She is the publishing editor of “*Comparative Politics*” journal. She can be reached at e.koldunova@inno.mgimo.ru

Sergei Abramov — Vice-Dean, LLD, associate professor of international law, MGIMO-University (Moscow). He received his LLD in civil law, private international law, business law from the Moscow University of the Ministry of Home Affairs (Moscow). He contributed chapters and essays for 30 Russian books on jurisprudence. Within his interests are: harmonization of private law, comparative jurisprudence, International relations, Synergetics / complexity, sports.

Dean's office

Tel./Fax: +7 (495) 434-90-52

E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

The School of Political Affairs at MGIMO-University is the oldest of all Schools of Political Science and Politics in Russia. Unlike many other institutions of higher learning that are focused mostly on training lecturers in Political Science or Politics, here at MGIMO-University we have established our own “full-cycle” School of Political Affairs which as a research and teaching centre offers the entire range of graduate degrees — BA, MA and Ph.D. The School trains political scientists of the highest caliber for work as lecturers, researchers, diplomats, analysts, consultants and practitioners. The unique nature of the School allows it to offer prospective students a much wider range of specializations than in many other educational institutions in Russia, while at the same time giving them an excellent grounding in theory and valuable practical skills.

The School has 7 departments: Department of Comparative Politics, Department of World Politics, Department of Political Theo-

ry, Department of Applied Analysis of International Relations, Department of Political Economy and Economic Policy, Department of Civil Society, Department of Language Training.

Basic student training for all specializations includes Political Science with an emphasis on international issues as a distinctive feature of MGIMO-University. *Department of Political Economy and Economic Policy* is oriented to case studies in political regulation of economic processes and also in business-government relations. *The Department of World Politics and the Department of Applied Analysis of International Relations* place special emphasis on international analysis and management of interaction in the sphere of world politics. The graduates of the *Department of Comparative Politics* major in comparative analysis of political process and political expertise. *The Department of Political Theory* concentrates on theoretical issues, and the *Department of Civil Society* does research and teaching in Civil Society issues. *The Department of Language Training* provides language teaching in a number of foreign languages (English, French, German, Spanish and Chinese) and researches on language-related issues.

Our School offers undergraduates unique opportunities not only to obtain broad knowledge here at MGIMO-University but to enhance it in an international environment through various partnerships and exchange programs with higher educational establishments in many countries. A variety of internships and language training programs are available to students at all levels of education. In addition, prominent visiting professors regularly give lecture courses here. Political scientists from *Sciences Po* (Paris), *Freie Universität Berlin*, *Stanford University*, *University of California* (Berkeley), *North Carolina, Iowa, Columbia University and State University of New York, Oxford University, University of Bergen (Universitetet i Bergen, Norway)*, *Yuan Zhi University, China Institute of International Affairs, Delhi University* and many other universities come to

the School to deliver their courses. "In return" the School organizes various specialized courses that are in demand with foreign students.

The School of Political Affairs collaborates with one of the first **double-degree** Master's at MGIMO-University — *Russian-French Master's Program in International Relations and World Politics* that is organized jointly with Sciences Po (Paris). Sciences Po is one of the world's top international training centers for specialists in Political Science, International Relations and World Politics. A similar program is executed in collaboration with *German universities*: *Freie Universität Berlin* and *Humboldt-Universität zu Berlin* and *Potsdam Universität*. The graduates get dual degrees and, what is most important, an opportunity to study at the best international centers of learning where they expand their knowledge and hone skills.

For undergraduates the School provides an opportunity of having introductory **internships** in Russian Parliament and government offices (Presidential Administration, Government Executive Office, Ministry of Foreign Affairs, other ministries), as well as private consulting firms, think-tanks, and recently in foreign embassies.

The School extensively uses simulations and games in teaching. In the study both of comparative politics and international relations through modeling conflicts and elaborating strategies for their resolution the students acquire invaluable practical competencies. Computerized teaching and new methods of testing students' knowledge are now part of the teaching process.

The graduates of the School have excellent career prospects and the career paths for them are extremely varied. Majors in Comparative Politics work as comparative political science researchers, analysts, and there is predicted growth in demand for them in Russia. World Politics alumni may pursue different careers working for Russian and international organizations engaged in organizational support of international activity and international analysis. They have numerous

options of becoming political scientists, international relations specialists, diplomats, experts, international mediators, management analysts, government and private sector advisers and consultants. There has been quite a rapid growth in demand for qualified political scientists and experts in international affairs in an increasing number of national and foreign companies in Russia.

The School has 80 professors and lecturers. Among them there are experts in international relations and political science, theoreticians with expertise across vast areas of politics, practitioners with experience of working for MFA of Russia and other branches of government, the private sector as well as in centers of fundamental and applied research. Among the Senior members of the faculty at different times were: Andrei Kokoshin (Head of the Parliamentary Committee), Yuri Pivovarov (Director of RAS Institute), Yevgenyi Primakov (former Prime Minister), Tatiana Alexeeva, Alexey Bogaturov (First Vice-Rector of MGIMO-University), Irina Busygina, Alexei D. Voskressenski (Dean of the School), Oxana Gaman-Golutvina, Andrey Degtyaryov, Igor Ivanov (former Foreign Minister of RF), Mikhail Ilyin, Alexander Konovalov, Nikolai Kosolapov, Vladimir Kulagin, Marina Lebedeva, Olga Malinova, Andrei Melville (former Vice-Rector for Research at MGIMO-University), Alexander Nikitin, Victor Sergeev, Alexander Solov'yov, Mark Khrustalev, Pavel Tsygankov, Dmitry Feldman, Tatiana Shackleina.

The School of Political Affairs and World Politics develops cooperation with the foreign partners engaged in academic research and teaching in the sphere of Political Science and Politics. At different stages among our foreign partners were colleagues from Stanford University, University of California (Berkeley), North Carolina, Iowa, Columbia University and Brown University, State University of New York, Sciences Po, Freie Universität Berlin, University of Oxford, University of Bergen (Universitetet i Bergen, Norway), Upsala University (Uppsala Universitet, Sweden), Delhi University (India), Institute of International

Relations of the MFA of PRC, Fudan University (China), Yuan Zhi University etc.

Departments at the School of Political Affairs:

The Department of Comparative Politics

Head: Prof. Dr. Pol. Sc. Oxana Gaman-Golutvina. The Department does teaching and research in Comparative Political Science and Comparative Politics.

The Department of Political Theory

Head: Prof. Dr. of Philosophy Tatiana Alexeeva. The Department teaches students general problems and theoretical approaches to contemporary Political Science. The main focus of the Department is the analysis and the development of concepts and theories.

The Department of World Politics

Head: Prof. Dr. of Philosophy Marina Lebedeva. The Department deals with World Politics.

The Department of Applied Analysis of International Problems

Head: Professor, Dr. of History Tatiana Shackleina. The Department teaches (as well as perform research) methods of applied analysis of international issues, political management of economic and international processes, issues of international relations and world politics.

The Department of Civil Society

Head: LLD Vladislav Grib. The Department was established in June 2008 meeting the demands of the civil society development in Russia and at the request of the Public Chamber of the Russian Federation. The Department concentrates on contemporary mechanisms of civil society and on the mechanism of human rights protection.

The Department of Political Economy and Economic Policy

Head: Dr. Elena Zavialova, PhD in Economics. The Department was established in

2011 in collaboration with IKEA to teach Political Economy, Economic Policy and to make research on government-business relations.

The Department of Language Training

Head: Dr. Irina Mazaeva, Ph.D in Linguistics. The Department offers instruction in the English Language, developing students' communication skills and competences to the target level of proficiency in their specialist fields, set by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation for communication in the professional sphere.

MGIMO-UNIVERSITY MASTER'S DEGREE IN POLITICAL SCIENCE "POLITICS AND ECONOMICS IN EURASIA"

The Master's Degree in Political Science

The Master's in Political Science (M.P.S.) program at MGIMO University's is designed to meet the needs of rising leaders in the public service professions, including domestic and international government agencies and non-profit organizations by providing up-to-date, firsthand information about Russia and Eurasia from a Russian view point.

The M.P.S. program provides rigorous on-campus training in quantitative reasoning and policy analysis, preparing degree candidates to successful careers and supplying intellectual breadth, organizational skills, and self-confidence necessary to assume leadership positions in an increasingly complex public service environment. Approximately 20 students will be enrolled in the program.

The MGIMO Difference

M.P.S. students benefit from:

- a small Master Degree program designed within a major Russian international studies oriented university;
- a diverse student body and alumni network;
- close working relationships between world-renowned faculty staff;
- an innovative curriculum;

- an attention to career-building skills in all areas of public affairs.

Degree Requirements

The M.P.S. year begins with an intensive program in politics, international relations, economics, designed to strengthen students' skills. All courses are taught in English. If candidates' command of Russian is adequate, during the M.P.S. academic year they can select additional courses from the courses available to the Russian students of Master Programs in International Relations and Political Science taught in Russian.

Some courses are essentially lecture/discussion; others are seminars in which students present papers for group discussion; and still others are workshops based on field research, participation by visiting experts, and group reports.

Curriculum

A List of Main Courses

1.	Conceptualising Eurasia. New Trends in Political Thought.
2.	International Security in Eurasia
3.	Russia and the USA in World Affairs
4.	Russia and Its Neighbors: the case of the CIS
5.	Conflicts in the Belts of Russia's New Frontiers
6.	Russia and China
7.	Russia and the EU
8.	The Conflict Arch in Asia. The Middle East and the Far East
9.	Russia's Economy and World Economy
10.	Energy security in the CIS
11.	Contemporary Russian Domestic Politics
12.	Doing Business in Russia
13.	Political Systems and Political Developments in Smaller States of Eurasia
14.	Russia's Political History. Statehood and State-Building
15.	National Psychology and Cultures of Eurasian Nations
16.	Russia's Political Geography

	Themes of Group Papers:
	a) Political Psychology and Political Tradition in Eurasia
	б) Energy Factor in the Eurasian Space
	в) Regional Conflicts Around Russia

M.P.S. candidates typically undertake programs of study that combine general courses in quantitative methods, policy analysis, and public management with more specialized courses chosen from the School's four fields of concentration. A typical curriculum might include two courses each in economics and public management, a policy workshop, and three courses in one of the four fields of concentration.

- I. International Relations
- II. Development Studies
- III. Domestic Policy
- IV. Economics and Public Policy

Admission Information and Requirements

To be considered for enrollment, the completed application form and all required materials must be mailed to the MGIMO-University Graduate Department no later than **March 15th 2010**.

Following are the required elements of the completed application:

- the completed University application form (in .pdf, Adobe Reader required);
- a CV/Resume that includes professional experience, educational background, and other relevant experience (see application for details);
- application essay (see application for details);
- two letters of recommendation (see application for details);
- copy of official transcripts from each college and graduate school attended;
- copy of language certificates.

Tuition Fee

6,000 Euro a year

For more information, please contact:

Phone: +7 495 434 93 27

Visit our website at: <http://www.mgimo.ru/study/master/121492/index.phtml>

MGIMO-UNIVERSITY MASTER'S DEGREE IN REGIONAL STUDIES "POLITICS AND ECONOMICS OF WORLD REGIONS"

Administrative Staff

Academic Director:

Alexei D. Voskressenski

Prof. Dr. Pol.Sc.,

Ph.D. (University of Manchester)

P.h.D. (Institute of Far Eastern Studies)

Academic Director:

Vladimir Pechatnov

Distinguished Professor

Dr. Pol.Sc., Ph.D.

Coordinator: Ms. Anna Kireeva, MA in Regional Studies and International Relations

Master of Arts in Regional Studies

Master of Arts in Regional Studies (MARS) program at MGIMO University is designed to meet the professional needs to attest newest international trends: rising role of world regions in international relations, world politics and economics important to understand and work in the public service professions, including domestic and international government agencies and non-profit organizations.

The MARS program provides rigorous on-campus training in quantitative reasoning and qualitative analysis, preparing degree candidates for successful careers in government, higher education, private and non-profit organizations, the media, civil service, international NGOs, research institutions and supplying intellectual breadth, organizational skills, and self-confidence necessary to assume leadership positions in an increasingly complex government and civil service environment. Approximately 80 students are usually enrolled in the program.

The MGIMO Difference

MARS students benefit from:

- a Master Degree program designed within a major Russian international studies oriented university;

- a diverse student body and alumni network;
- close working relationships between world-renowned faculty staff;
- an innovative curriculum;
- attention to career-building skills in all areas of public affairs.

Degree Requirements

The MARS year begins with an intensive program in World Regional Studies, Politics, International Relations, Economics, designed to strengthen students' skills. All courses are taught in Russian, two foreign languages including English are thought to meet foreign languages requirement by the Ministry of Education and the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Some courses are essentially lecture/discussion; others are seminars in which students present papers for group discussion; and others are workshops based on simulation games, group reports, case study, field research and participation by visiting experts.

MARS candidates typically undertake programs of study that combine general courses in quantitative methods, policy analysis and public management with more specialized courses chosen from the School's three fields of concentration. A typical curriculum might include two courses each in economics and public management, a policy workshop, and three courses in one of the free fields of concentration.

I. World Regions and International Relations

II. Problems of Internal Politics in World Regions and Decision Making Process

III. Economics of World Regions

Admission Information and Requirements

To be considered for enrollment, the completed application form and all required materials must be mailed to the MGIMO-University Graduate Department.

Following are the required elements of the completed application:

- the completed University application form (in .pdf, Adobe Reader required);

- a CV/Resume that includes professional experience, educational background, and other relevant experience;

- copy of official transcripts from each college and graduate school attended;

- copy of language certificates;

Entering exams.

Whom to Contact

Ms. Anna Kireeva

For more information, please contact:

Phone: +7 495 431 56 85

E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Visit our website at: <http://www.mgimo.ru/study/master>

Curriculum

World Regions and Comprehensive Regional Studies: Evolution of the Discipline, International Debates, Methodology and Methods

Mandatory course, 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturer: Prof. Dr.Pol.Sc. Alexei D. Voskressenski,

PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies)

Seminars: Dr. Ekaterina V. Koldunova, Ms. Anna Kireeva

Learning results:

— Deep understanding of the evolution and current methodological trends in World Regional Studies — an interdisciplinary field descending from the IR theory, Comparative Politics, and Area Studies.

— Ability to compare methodological standpoints of different international schools of thought, evaluate strengths and weaknesses of competing theories and approaches in World Regional Studies, IR and Comparative Politics.

— Critical thinking skills, basic understanding of the logic and the need for interdisciplinary methodological synthesis.

Assessment: 2 essays, presentation of a methodological review, closed-book exam.

Cross Regional Political Analysis

Mandatory course, 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturer: Prof. Dr.Pol.Sc. Alexei D. Voskressenski

PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies)

Seminars: Dr. Ekaterina V. Koldunova

Learning results:

— Deep understanding of current disputes in the field of World Regional Studies, ability to demonstrate how they affect theoretical knowledge and analytical findings.

— Ability to apply disciplinary theories to interdisciplinary research, position the topic of one's Master thesis within a broader framework of international scholarship.

— Critical thinking skills, ability to design a research programme, as well as to review and assess methodological correctness of research programmes designed by one's classmates.

Assessment: 2 presentations, essay, peer review of a research proposal, closed-book exam.

The English Language

Mandatory course, 18 ECTS credits. Continuously runs for 3 terms.

Tutors: appointed by the English Language Department.

Learning results: according to the student's personal level of language.

Assessment: essays, grammar exams, oral and written translations, research proposal.

Political Analysis

Mandatory course (Track One), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturer: Prof. Dr.Pol.Sc. Alexei D. Bogaturov, Distinguished Professor

Seminars: Igor A. Istomin, Andrey A. Sushentsov

Learning results:

— Deep understanding of basic theoretical approaches and methods for political expertise and prognostication (with a special accent on the system approach and computer modeling), ability to employ them in the analysis of international situations and processes.

— Mastering of semi-formal analytical methods (such as logical graphs) and their

application in case-studies of current political issues and trends.

— Skills of brainstorming, verification of information derived from open sources, and interpretation of analytical findings received by collective political expertise.

Assessment: 3 scenarios for situational analysis, foreign policy recommendations, closed-book exam.

Theories of the IR and Regional Integration

Mandatory course (Track One), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturer: Prof. Dr. Marina V. Strezhneva, PhD (University of Manchester)

Learning results:

— Deep understanding of key theoretical issues in the field of contemporary International Relations and Regional Integration (such as transnationalisation, regionalism, and multi-level governance).

— Ability to classify theoretical approaches employed by the IR and Regional Integration Studies according to epistemological principles, explain the historical logic of their development, as well as their comparative strengths and weaknesses.

— Ability to compare and contrast regional integration patterns (e.g. the EU, NAFTA, ASEAN, etc.) against each other, define and explain their characteristic features.

Assessment: essay, closed-book exam.

Financial and Energy Infrastructure of World Economy

Mandatory course (Track One), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturers: Prof. Dr. Olga V. Butorina, Dr. Nikolay Y. Kaveshnikov

Learning results:

— Ability to analyse the most dynamic and important sectors of the contemporary world economy — energy and finance, deep understanding of their architecture, key instruments, and driving forces.

— Ability to explain current trends and problems in the development of global fi-

nancial and energy infrastructure (including those originated from the 2008 world economic crisis), as well as to analyze the effectiveness of existing political tools for regulation of regional and national markets.

— Deep understanding of Russia's financial and energy security policies, their correlation with Russia's foreign policy and socio-economic development.

Assessment: case-studies, closed-book exam.

National, Regional, and Global Security Issues

Mandatory course (Track One), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: Prof. Dr. Sergey I. Lounev, Dr. Ekaterina V. Koldunova

Learning results:

— Deep understanding of the global international security system and its regional subsystems, their architecture, as well as social, economic, political, and cultural transformation patterns.

— Ability to implement complex multi-factor analysis for evaluation of retrospective and current security trends on the global, regional, and national levels.

— Mastery of wide-range analytical techniques (including brainstorming, situational analysis, collective political expertise, and mind-mapping).

Assessment: mind-mapping exercise, situational analysis report, closed-book exam.

Federalism and Regional Politics

Mandatory course (Track Two), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturer: Prof. Dr. Irina M. Busygina

Seminars: Dr. Ekaterina V. Koldunova

Learning results:

— Ability to analyse the pattern of power distribution across territorial structures of modern nations, with regard to key theoretical and practical issues of federalism and regional politics.

— Deep understanding of Russia's complex territorial structure, principles of power

sharing and legal interaction between the federal government, regional governments, and local authorities.

— Ability to analyse typical social, economic, and political problems of regions-within-the-state, both in Russia and other countries.

— Basic skills of employing GIS for territorial analysis of political processes (elections, etc.).

Assessment: round table presentation, closed-book exam.

Decision Making and Politics

Mandatory course (Track Two), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturer: Prof. Andrey A. Degtyarev

Learning results:

— Deep understanding (and practical application) of contemporary notions, concepts and approaches developed within the political decision-making theory.

— Ability to explore the network structure of a decision-making process at governmental bodies (both legislative and executive); thoroughly analyze its key actors, formal and informal factors, general stages, and dynamics.

— Team-working skills, mastery of policy planning techniques, ability to visualize the decision-making process via cartograms, graphs, etc.

Assessment: 2 essays, collective expertise, oral exam.

Theory and Practice of Business-Government Relations (GR)

Mandatory course (Track Two), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturer: Prof. Andrey A. Degtyarev

Learning results:

— Deep understanding of basic principles and mechanisms of lobbying and GR, as well as typical forms and methods for interaction with governmental bodies in Russia and abroad.

— Practical skills of elaborating administrative and legislative decision-making projects, drafts of agreements and memoranda, programme for GR campaigns.

— Ability for strategic planning and risk analysis, time, information, and resource management skills, team-working skills.

Assessment: 2 group projects, presentation of individual policy recommendations, oral exam.

The Europe and Americas Major Scheme
A Regional Language (besides English; in conformity with major scheme)

Mandatory course, 12 ECTS credits. Continuously runs for 3 terms.

Tutors: appointed by the respective Language Department.

Learning results: according to the student's personal level of language.

Assessment: essays, grammar exams, oral and written translations.

Ethnic Psychology and Business Patterns of Europeans and Americans

Mandatory course (Europe and America), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: Prof. Nicolay A. Kosolapov, Prof. Alexander A. Chanyshv, Dr. Ivan N. Timofeev

Learning results:

— Integrated knowledge of ethno-psychological features, national character, ethnic stereotypes, etc. intrinsic to various European/American peoples.

— Deep understanding of ethnic, cultural, and religious traditions, norms and customs, casual and business etiquette, ability to live and work in multicultural environment.

— Ability to critically reassess one's own social and cultural experience, adapt oneself to changes in social and cultural milieu.

Assessment: case-studies, role-playing, simulation games, oral exam.

European and American Foreign Policy of Russia

Mandatory course (Europe and America), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: Prof. Dr. Tatiana A. Shakleina, Prof. Dr. Boris F. Martynov, Dr. Tatiana V. Yurieva

Learning results:

— Deep understanding of the logic, nature and evolution of Russia's foreign policy towards major European, North American and Latin American states, its current priorities, trends, and achievements.

— Ability to analyze potential resources as well as limitations for Russia's participation in multilateral cooperation and regional integration projects in Europe and the Western hemisphere, employing respective methodology.

— Ability to evaluate Russia's diplomatic relations with the US, the European Union and Latin American countries in both regional and global contexts.

Assessment: essay, presentations, closed-book exam.

Modernization in Europe and Latin America

Mandatory course (Europe and America), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: Prof. Dr. Sergey M. Khenkin, Prof. Dr. Lyudmila S. Okuneva

Learning results:

— Deep understanding of social, economic, and political factors, which lead to establishment of authoritarian / totalitarian regimes, as well as those, which facilitate democratization.

— Ability to contrast intrinsic features of an authoritarian / totalitarian regime against the set of democratic norms and principles, to differentiate national models and patterns of democratic transit, to detect and reveal authoritarian / totalitarian heritage in a transitional society.

— Awareness of the nature, logic, models, legal foundations, dominant trends, as well as social and psychological consequences of international migration, ability to evaluate internal challenges posed by migration to nation-states and "immigrant nations".

Assessment: essay, closed-book exam.

Security Issues in Europe and the Americas

Elective course (Europe and America), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturers: Prof. Dr. Boris F. Martynov, Dr. Tatiana V. Yurieva, Dr. Sergey S. Veselovskiy

Learning results:

— Ability to critically evaluate contemporary theoretical explanations to the historical evolution of regional security complexes in Europe, North America and Latin America, as well as prospects for future regional security cooperation.

— Understanding of the US role (and Russia's potential role) in maintaining regional security in Europe and the Western hemisphere.

— Ability to analyze institutional and functional frameworks for regional control on arms proliferation, conflict resolution, and non-traditional security threats.

Assessment: test, closed-book exam.

European Integration

Elective course (Europe and America), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturer: Prof. Dr. Olga V. Butorina

Seminars: Dr. Anna N. Tsibulina

Learning results:

— Deep understanding of the logic, evolution, driving forces, and internal contradictions of the European integration processes, as well as key dimensions and institutional forms of the EU-Russia interaction.

— Ability to analyze institutional and functional systems of the EU's relationship with other regions of the world, detect essential problems and dominant trends of their development.

— Ability to critically read and evaluate the scope of the EU documentary base, social and economic statistics.

Assessment: essay, presentations, closed-book exam.

Comparative Political Systems of the Americas

Elective course (Europe and America), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturers: Prof. Dr. Vladimir V. Sogrin, Prof. Dr. Lyudmila S. Okuneva

Learning results:

— Comprehensive analysis of national political systems and political processes in the Western hemisphere (the US and Latin American countries), by employing methodologies of historical knowledge and political science.

— Deep understanding of general democracy types (parliamentary, liberal, etc.) and evolutionary stages of the US democracy model, compared to those of Latin American states.

— Ability to demonstrate distinctive characteristics and peculiarities of Latin American transits to democracy with regard to national political cultures and historical experiences.

Assessment: 2 essays, closed-book exam.

Political Decision Making in the US and the EU: A Comparative Analysis

Elective course (Europe and America), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: Prof. Dr. Vladimir O. Pechatnov, Distinguished Professor

Prof. Dr. Marina V. Strezhneva, PhD (University of Manchester)

Learning results:

— Deep understanding of political processes in the US and the EU: their key actors, legal mechanisms, and the dynamics.

— Ability to analyze decision-making processes of the US and the EU in the spheres of domestic and (common) foreign policies.

— Mastering of analytical and prognostic methods, including logical (verbal) modeling of various political situations.

Assessment: 2 essays, presentations, oral exam.

Euro-Atlantic Dimension of Global Problems

Elective course (Europe and America), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturer: Prof. Lev S. Voronkov

Learning results:

— Deep understanding of global problems of the Modernity: their origins, nature, and impact on social, economic, political

processes in the integrated Europe and the United States.

- Ability to track and analyze how different non-state actors, nation-states, and state groupings react on global threats and challenges.

- Skills of consistent monitoring and analytical approach to study of global problems as an essential factor that affects political decision-making in the contemporary world.

Assessment: essay, closed-book exam.

Research Master Class

Geopolitical and International Problems of Contemporary Arctic

US Foreign Policy Strategy

Contemporary Brazil: Major Issues of Socio-Economic Development

Central and Eastern Europe: Problems of Transformation

European Civilization and its Value Foundation

Major European TNCs

Regional Aspects of Business Development Strategy

Two elective courses, 2 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: appointed by the Department of European Integration, Department of History and Politics of Europe and Americas, the Department of International Economics

Learning results:

- Basic skills of conducting independent scholarly research and practical analytic work (e.g. political consulting).

- Basic skills of academic reflection, self-instruction, independent monitoring of relevant information sources.

- Awareness of contemporary methodological disputes in the discipline, ability to choose, apply, and combine necessary analytical tools in conducting one's research.

- Ability to critically evaluate and interpret one's academic findings.

Assessment: essays, PowerPoint presentations, group-working and team reports, discussions, oral exam.

The Asia and Africa Major Scheme

A Regional Language (besides English; in conformity with major scheme)

Mandatory course, 12 ECTS credits. Continuously runs for 3 terms.

Tutors: appointed by the respective Language Department.

Learning results: according to the student's personal level of language.

Assessment: essays, grammar exams, oral and written translations.

Ethnic Psychology and Business Patterns of Asians and Africans

Mandatory course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: appointed by the Department of Asian and African Studies

Seminars: Anna A. Kireeva, MA

Learning results:

- Integrated knowledge of ethnopsychological features, national character, ethnic stereotypes, etc. intrinsic to various Asian\African peoples.

- Deep understanding of (and respect for) ethnic, cultural, and religious traditions, norms and customs, casual and business etiquette, ability to live and work in multicultural environment.

- Ability to critically reassess one's own social and cultural experience, adapt oneself to changes in social and cultural milieu.

Assessment: case-studies, role-playing, simulation games, oral exam.

Asian and African Foreign Policy of Russia

Mandatory course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: appointed by the Department of Asian and African Studies including acting diplomats

Seminars: Ms. Anna Kireeva, MA

Learning results:

- Deep understanding of Russia's contemporary role in international relations (including Asian and African international subsystems), as well as the influence of Asian and African problems on Russia's foreign policy.

— Knowledge and understanding of Russia's Foreign Policy Concept (2008), ability to explain the logic of its regional priorities and legal mechanisms of its development.

— Ability to analyze historical and contemporary trends in Russia's bilateral relations with Asian and African nations, present a grounded vision of Russia's diplomatic reaction to key regional issues with regard to national interests of her Asian and African counterparts.

Assessment: imitative role-playing, 3 press-releases, a mind-map, closed-book exam.

Ethno political and Religious Conflicts in Asia and Africa

Mandatory course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: appointed by the Department of Asian and African Studies

Seminars: Anna A. Kireeva, MA

Learning results:

— Critical engagement with the scholarly literature on War and Peace Studies, ability to explain and evaluate contemporary theories and approaches to conflict resolution.

— Deep understanding of (and critical reflection on) the origin, types, social forces, mobilisation patterns, and international consequences of major ethnic and religious conflicts in Asia and Africa.

— Ability to unveil and analyze the historical, cultural, social, economic, political potential for de-escalation and peaceful settlement of ongoing conflicts, to develop and present respective foreign policy recommendations.

Assessment: role-playing, foreign policy recommendations, closed-book exam.

Modernization in Asia and Africa

Mandatory course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: appointed by the Department of Asian and African Studies

Seminars: Dr. Ekaterina V. Koldunova

Learning results:

— Critical evaluation of competing modernization theories, including theories of dependency, uneven development, underdevelopment, maldevelopment, etc.

— Deep understanding of Asian and African modernization patterns on regional, sub-regional, and national levels, compared and contrasted to those of the Western countries.

— Ability to conduct comparative cross-country analysis of national correlations between Western and indigenous, imposed and adopted, modern (industrial, postindustrial) and traditional, amalgamated in the course of Asian and African modernization efforts.

Assessment: SWOT-analysis reports, presentations, closed-book exam.

Regional (Asian and African) Challenges to the World Order

Elective course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturers: appointed by the Department of Asian and African Studies

Seminars: Anna A. Kireeva, MA

Learning results:

— Ability to critically analyze regional projections of global political, economic, social, cultural transformations and major challenges to the existing world order posed by Asian and African nations.

— Understanding of the nature of contemporary Asian and African challenges both as potential (or actual) regional problems and threats, *and* as alternative routes for national and regional development.

— Brainstorming skills, ability to reveal and evaluate both positive and negative consequences of Asian and African regional challenges for the global international system of states.

Assessment: essay, 2 PowerPoint presentations, closed-book exam.

Comparative Political Systems and Processes of Asian and African Countries

Elective course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturers: appointed by the Department of Asian and African Studies

Seminars: Dr. Ekaterina Koldunova / Ms. Anna Kireeva, MA

Learning results:

— Deep understanding of major contemporary theories and approaches to comparative political studies, their epistemological potential and limitations for studying non-Western (Asian and African) societies.

— Case-studies of Asian and African political issues: democratic transits, state corporatism, leadership and legitimacy, elite recruitment, network societies, casteism and communalism, army and civil society, political parties and electoral systems, clerical models of statehood, the Islamic state, non-liberal democracy, and failed states.

Assessment: team-working and group reports, closed-book exam.

Economic Analysis of International and Regional Development: Models and Trends

Elective course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturer: Prof. Dr. Vitaly A. Melyantsev

Learning results:

— Critical evaluation of contemporary theoretical approaches and practical decisions in international political economy, comparative analysis of macroeconomic, political, and behavioral characteristics of international socio-economic systems.

— Comprehensive knowledge and understanding of economic evolution of both developed and developing states in the global and regional context, explanation of their models and trends.

— Skills of cross-temporal and cross-cultural multifactor analysis of Asian and African macroeconomic strategies, outlining best-case and worst-case scenarios for economic development, assessing their feasibility.

Assessment: PowerPoint presentations, closed-book exam.

Globalization and Regional Integration in Asia and Africa

Elective course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: Prof. Dr. Vyacheslav V. Karlusov, Prof. Dr. Svetlana S. Suslina, Dr. Denis. A. Degtyarev, Dr. Ludmila S. Bocharova.

Learning results:

— Basic skills of interdisciplinary system analysis of the world economy and international trade relations, with an emphasis on the role of Asian and African markets.

— Ability to render, explain, and critically evaluate current academic discussions on globalization, as well as political standpoints expressed in official documents of nation-states and international organisations.

— Deep understanding of key factors, actors, problems and prospects of Asian and African regionalism, readiness to discuss them in the globalization context.

Assessment: presentations, discussions, closed-book exam.

Political Thought of Asian and African Nations

Elective course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: appointed by the Department of Asian and African Studies

Seminars: Dr. Natalia V. Stapran

Learning results:

— Deep understanding of the traditional mentality and religious beliefs that underlie the contemporary political thought of Asian and African nations.

— Ability to trace and explain the transformation patterns of traditional culture exposed to the impact of modernization and Westernisation processes.

— Basic skills of reading and interpreting original texts, which make a part of Asian and African cultural heritage.

Assessment: 3 analytical conspectuses of original texts of Asian and African political thinkers (translated into Russian), discourse analysis, closed-book exam.

Research Master Class

Africa in World Politics

Islam in World Politics

East Asia in World Politics

South Asia in World Politics

South-East Asia in World Politics

Central Asia in World Politics

Asia and New Challenges

Integration in Asia-Pacific

Two elective courses, 2 ECTS credits.

The autumn term.

Lecturers: appointed by the Department of Asian and African Studies, appointed by

Learning results:

— Basic skills of conducting independent scholarly research and practical analytical work (e.g. political consulting).

— Basic skills of academic reflection, self-instruction, independent monitoring of relevant information sources.

— Awareness of contemporary methodological disputes in the discipline, ability to choose, apply, and combine necessary analytical tools in conducting one's research.

Ability to critically evaluate and interpret one's academic findings.

Assessment: essays, PowerPoint presentations, group-working and team reports, discussions, oral exam.

INTERNSHIPS AND PRACTICE

Internet and Library Research

Mandatory course, 4 ECTS credits. The Autumn term.

Lecturer: Prof. Malinova and Ms. Anna Kireeva, MA

Learning results:

— Basic skills of finding and evaluating relevant information, as well as its retrieval from open academic sources and organizing into a personalized digital database.

— Basic skills of conducting bibliometric analysis (e.g. finding a citation index), proficiency in operating with bibliographic reference tools, library and Internet resources.

— Ability to provide a structured bibliography styled according to Russian academic regulations, and literature review on the topic of one's Master thesis.

Assessment: a bibliographic database in the Zotero RDF format, a literature review.

Research Proposal Training

Mandatory course, 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturer: Dr. Ekaterina Koldunova and Ms. Anna Kireeva, MA

Learning results:

Basic skills of drafting one's research proposal, including one's goals, hypotheses, and theoretical background.

Ability to operationalise one's hypothesis by proposing relevant variables and indicators.

Ability to critically evaluate and validate one's personal design of analytical tools.

Assessment: a research proposal.

Internship

— Mandatory course, 12 ECTS credits. The spring term.

— Learning results:

— Practical experience of diplomatic and/or consular service at the Ministry of Foreign Affairs, other Ministries and Agencies, work in TNCs, NGOs and consulting companies;

— Basic skills of time-management, stress-management, professional competence, interpersonal and cross-cultural communication.

MGIMO-UNIVERSITY MASTER'S DEGREE IN INTERNATIONAL RELATIONS "INTERNATIONAL POLITICS AND TRANSNATIONAL BUSINESS"

This Master's Program was opened in 2007. The goal of this interdisciplinary program is to instill in students the competencies required for better understanding international affairs in business related areas, economic consultancy, international economic and financial institutions or the political governance of economic processes. The program primarily caters for the interests of IR students, historians, political scientists, soci-

ologists, linguists, or those who have decided to increase their competitiveness by expanding their profile through «economization» of their bachelor's degree.

The goal of this interdisciplinary program is to instill in students the competencies required for better understanding international affairs in business related areas, economic consultancy, international economic and financial institutions or the political governance of economic processes. The program primarily caters for the interests of IR students, historians, political scientists, sociologists, linguists, or those who have decided to increase their competitiveness by expanding their profile through «economization» of their bachelor's degree.

The curriculum has an enlarged component of economic subjects intended to introduce students to the practice of multinational and Russian businesses. The faculty involves the heads of leading foreign and domestic corporations

The Master's program involves the study of scientific and technological and economic components of the contemporary international system in the context of world political processes in the first quarter of the twenty-first, political aspects of international economic and energy security, the development of an optimal policy of Russia in the transfer of new technology and information exchange, policy regulation of fuel and energy sector. Students have the opportunity to take courses on the basics of taxation in foreign countries and the basics of accounting and statistics.

The program addresses the political aspects of interaction between government and business, international economic insti-

tutions, multinational and national business communities, civil society, international experience of regulation of relations between businesses and international institutions. An important component of the master's program are courses on the assessment of international and country-level political and economic risks, skills applied analysis of political conflict between the leading world economic powers as well as political regulation of economic conflicts.

The main foreign language taught is English. Students are free to take up a third foreign language on the paying basis.

The curriculum of the program «International politics and transnational business» gives students the opportunity to choose an individual educational trajectory. Besides the required courses for the study, graduate student each semester has the ability to choose one optional course (of three), which is interesting to him.

During classes on applied aspects of interaction between business and government employees with top managers from «BP», «Transneft», «Société Générale», «students receive practical knowledge of specific problems of economic activities in Russia and abroad.

Masters graduates who have successfully completed training program and passed the final exams are awarded the qualification «Master of International Relations.»

Program Coordinator: Andrey Baykov.

Tel. / fax: +7 (495) 434 93 27.

E-mail: politmaster@mgimo.ru

Mailing address:

119 454, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 76.

ОБ АВТОРАХ

Алпатов Владимир Михайлович — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН.

Алаев Леонид Борисович — доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД России, главный научный сотрудник ИВ РАН.

Воскресенский Алексей Дмитриевич — доктор политических наук, доктор философии, декан факультета политологии, профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России, главный редактор журнала «Сравнительная политика».

Alexei D. Voskressenski — Dr. Pol. Sc., PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies), Professor of World and Comparative Politics and Asian Studies, Dean of the School of Political Affairs and World Politics, MGIMO-University (Moscow), editor-in-chief of “Comparative Politics”.

Зиглер Чарльз — профессор факультета политологии, Университет Луисвилля, член международного консультативного совета журнала «Сравнительная политика».

Колдунова Екатерина Валерьевна — кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, заместитель декана факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

Ли Син — доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений, заведующий Центром евразийских исследований Пекинского педагогического университета.

Лунев Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД России и НИУ — ВШЭ, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН.

Мелешикина Елена Юрьевна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН

Мигранян Андраник Мовсесович — директор Института демократии и сотрудничества в Нью-Йорке, академик Академии политических наук, председатель научного совета Института стран СНГ, председатель комиссии Общественной палаты РФ первого созыва, член Общественной палаты России второго созыва, член множества российских и международных научных и общественных ассоциаций и организаций.

Окунев Игорь Юрьевич — аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, секретарь Исследовательского комитета по геополитике IPSA.

Пшеворски Адам — профессор политологии, Университет Нью-Йорка, член Американской академии искусств и наук, лауреат премии Грегори Льюббера (1996), премии им. Вудро Вильсона (2001), премии им. Лоуренса Лонгли (2010) и им. Йохана Скитте (2010).

Adam Przeworski is the Carroll and Milton Petrie Professor of Politics at New York University. Member of the American Academy of Arts and Sciences, he is the recipient of the 1996 Gregory Luebbert Prize, the 2001 Woodrow Wilson Prize, the 2010 Lawrence Longley Award, and the 2010 Johan Skytte Prize. He recently published *Democracy and the Limits of Self-Government* (New York: Cambridge University Press. 2010).

Соловей Валерий Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью МГИМО (У) МИД России.

Связь с авторами осуществляется через редакцию.

Контактная информация:

e-mail: avtor@lawinfo.ru и sravnitpolit@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования.

1. Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы оригинального характера, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами. Они должны быть присланы по электронной почте и представлены в редакцию на бумажном носителе вместе с электронным носителем в следующих объемах:

- статья — 10–25 страниц — 20 000–75 000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами обзор, рецензия, информация — не более 3 страниц;

- иные материалы, либо материалы объемом более 15 страниц — по согласованию с редакцией.

2. При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала;
- размер шрифта основного текста 14;
- сноски можно печатать через 1 интервал, размер шрифта 12;
- поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см.

3. При ссылках на авторов в тексте следует указывать инициалы и фамилию, в сноске — наоборот, сначала фамилию, затем инициалы автора; обязательно привести название публикации, источник — место, год, номер, страница. Ко всем ссылкам на русском языке необходимо добавлять транслитерацию на английском языке. Пример: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995) / А.Д. Богатуров. М.: Конверт-МОНФ, 1997 [Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tihom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij v Vostochnoj Azii posle vtoroj mirovoj vojny (1945–1995) M.: Konvert-MONF, 1997].

4. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами, т.е. например, 12 декабря 2006 г.), привести в кавычках полное (без сокращений) наимено-

вание (в том числе — не РФ, а Российской Федерации). В этом случае в сноске достаточно указать источник публикации. Можно привести в тексте вид, дату и без кавычек сокращенное наименование акта, дающее правильное представление о документе. Тогда в сноске надо привести полное название акта и источник публикации.

5. Все сноски размещаются внизу страницы. Нумерация сносков сквозная (1, 2, 3 ...).

6. На первой странице материала после заголовка помещаются фамилия и инициалы автора, а в подстрочнике — фамилия, имя, отчество, должность и место работы, ученая степень — при наличии. Например: доцент кафедры (ее название) факультета (название факультета, название вуза), кандидат юридических наук.

7. После заголовка, фамилии и инициалов автора размещается краткая аннотация статьи (не более 3 абзацев) и ключевые слова (не более 5) на русском и английском языках.

8. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал. Здесь же приводятся:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью);
- должность и место работы, учебы (с правильным наименованием факультета, вуза, учреждения и т.п.);
- ученая степень (при наличии);
- точные контактные данные:
 - адрес — служебный и (или) домашний, с индексом;
 - телефон(ы) (стационарный, мобильный) и факс (с кодом);
 - адрес электронной почты.

Статьи и материалы принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений, либо двух известных ученых, научного руководителя (для аспирантов).

Статьи необходимо направлять на e-mail по двум адресам: avtor@lawinfo.ru и sravnit-polit@mail.ru.

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.